

Академия управления МВД России

Л. В. САТДИНОВ, Е. В. ЕМЕЛЬЯНОВА

**ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОСТИ В ТЕОРИИ
И ПРАКТИКЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Научно-практическое пособие

**Москва
2023**

УДК 343.13
ББК 67.411
С21

*Одобрено редакционно-издательским советом
Академии управления МВД России*

Рецензенты: *Цыреторов А. И.*, кандидат юридических наук, доцент (Восточно-Сибирский институт МВД России); *Миroleбов С. Л.*, кандидат юридических наук, доцент (Казанский юридический институт МВД России).

С21

Сатдинов, Ленар Вазыхович.

Вопросы обеспечения объективности в теории и практике предварительного расследования : научно-практическое пособие / Л. В. Сатдинов, Е. В. Емельянова. – Москва : Академия управления МВД России, 2023. – 156 с.

ISBN 978-5-907530-93-5

В научно-практическом пособии рассматриваются и анализируются наиболее существенные на сегодняшний день вопросы и проблемы обеспечения объективности в теории и практике предварительного расследования преступлений.

Научно-практическое пособие рекомендовано слушателям, адъюнктам и соискателям при изучении таких учебных дисциплин, как «Предварительное расследование в органах внутренних дел», «Уголовный процесс». Данное пособие будет интересно профессорско-преподавательскому составу и сотрудникам правоохранительных органов.

УДК 343.14
ББК 67.411

ISBN 978-5-907530-93-5

© Сатдинов Л. В., Емельянова Е. В., 2023
© Академия управления МВД России, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теоретико-методологические вопросы обеспечения объективности в теории и практике предварительного расследования.....	7
§ 1. Предварительное расследование: понятие, сущность и значение	7
§ 2. Установление объективной истины в уголовном судопроизводстве: проблемы законодательной регламентации и практической реализации.....	28
§ 3. Объективность предварительного расследования: понятие, сущность и значение	41
Глава 2. Теоретико-прикладное исследование уголовно-процессуальных гарантий обеспечения объективности в деятельности органов предварительного расследования	69
§ 1. Гарантии объективности предварительного расследования: понятие, виды, система.....	69
§ 2. Гарантии прав субъектов уголовной юстиции в системе гарантий объективности предварительного расследования.....	85
§ 3. Обеспечение прав участников уголовного процесса, не являющихся субъектами уголовной юстиции, как процессуальная гарантия объективности предварительного расследования.....	108
Заключение	130
Список литературы	137

ВВЕДЕНИЕ

В условиях правового и демократического государства вопросы обеспечения объективности в теории и практике предварительного расследования являются первоочередными вопросами, на которые должна дать исчерпывающие ответы современная уголовно-процессуальная наука. Более того, обеспечение объективности предварительного расследования является одним из основных условий безопасного существования и развития общества, поскольку его содержание ориентировано на противодействие преступности в соответствии с положениями уголовно-процессуального закона в установленных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации формах с применением научно обоснованных, безопасных и эффективных технических средств, тактических приемов и методов собирания, исследования, оценки и использования доказательств.

Именно в ходе предварительного расследования происходит наиболее существенное вторжение в сферу прав и свобод личности, что в условиях правового государства требует создания совершенного механизма охраны прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в сферу уголовно-процессуальных отношений. Выполнение этого требования самым непосредственным образом связано и с объективностью самого предварительного расследования.

Действующим уголовно-процессуальным законом следователь и дознаватель (либо иное уполномоченное законом должностное лицо, наделенное правом осуществлять предварительное расследование), отнесены к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ)¹. Данная законодательная норма заставляет глубоко задумываться современных ученых-процессуалистов о вопросах возможности обеспечения объективности в современной теории и практике предварительного расследования.

Эффективность и социальное назначение предварительного расследования в значительной степени обеспечивается целым рядом обстоятельств, связанных с гарантиями прав и свобод участников уголовного судопроизводства, к которым относится и объективность субъекта, осуществляющего предварительное расследование. Объективный подход должностного лица, осуществляющего предварительное расследование при производстве следственных и иных

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

процессуальных действий в сочетании с объективной оценкой полученных результатов и принятием объективных процессуальных решений, обеспеченная правовыми, процессуальными и социально-экономическими гарантиями, позволит достичь правоприменителю провозглащенного назначения всего уголовного судопроизводства, провозглашенного законодателем в ст. 6 УПК РФ.

Несмотря на то, что понятие «объективность предварительного расследования» хотя и упоминается в действующем уголовно-процессуальном законе, в частности, в ч. 4 ст. 152, ч. 2 ст. 154 УПК РФ, до сегодняшнего дня оно не нашло своего единого правопонимания. Вопросы, связанные с сущностью объективности предварительного расследования и ее содержания с позиции решения задач уголовного судопроизводства, равно как и вопросы, связанные с объективностью, как принципом уголовного судопроизводства и гарантиями объективности предварительного расследования, которые являются структурным элементом системы процессуальных гарантий, оказались за рамками внимания законодателя.

Малоизученными остаются вопросы о соотношении понятий объективности предварительного расследования и объективной истины в уголовном судопроизводстве с позиции решения задач уголовного судопроизводства, а также о соотношении понятия объективности предварительного расследования и объективности субъекта, его осуществляющего; о взаимосвязи объективности предварительного расследования с независимостью и процессуальной самостоятельностью следователя (дознателя); об объективности субъекта предварительного расследования при производстве следственных и иных процессуальных действий и принятии им процессуальных решений.

Таким образом, в настоящее время вопросы обеспечения объективности в теории и практике предварительного расследования, а также их реализации в современном уголовном процессе, несомненно, относятся к числу актуальных и не исследованы в полной мере. Указанные обстоятельства свидетельствуют об актуальности темы пособия, о необходимости изучения вопросов обеспечения объективности в теории и практике предварительного расследования в рамках отдельного научно-практического исследования.

Теоретическими и практическими аспектами изучения вопросов обеспечения объективности предварительного расследования занимались А. С. Александров, И. А. Антонов, Ю. В. Астафьев, А. И. Бастрыкин, Т. А. Беккер, А. Р. Белкин, А. А. Бессонов, В. П. Божьев, М. А. Бондарь, Л. А. Воскобитова, Б. Я. Гаврилов, В. Н. Григорьев, Н. А. Данилова, В. Г. Даев, Т. Н. Добровольская,

П. С. Ефимичев, С. П. Ефимичев, В. И. Жажицкий, З. З. Зина-туллин, В. Н. Исаенко, В. И. Качалов, Н. А. Кирдина, Л. Д. Кокорев, И. М. Комаров, С. В. Корнакова, Р. В. Костенко, Э. Ф. Куцова, А. М. Ларин, О. В. Левченко, В. З. Лукашевич, А. И. Михайлов, Я. О. Мотовиловкер, Т. Г. Николаева, А. В. Победкин, В. И. Рохлин, С. Б. Россинский, В. М. Савицкий, В. А. Семенцов, М. С. Строгович, В. Т. Тomin, О. В. Химичева, В. С. Шадрин, С. А. Шейфер, С. П. Щерба, П. С. Элькинд и многие другие ученые, которые внесли неоценимый вклад в науку. Большинство работ было выполнено в условиях действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР¹, предусматривающего в ст. 20 требования всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела.

В пособии разработаны и обоснованы концептуальные положения по вопросам обеспечения объективности предварительного расследования преступлений и механизма их реализации, создающих теоретические предпосылки для совершенствования уголовно-процессуального законодательства, а также даются практические рекомендации по разрешению выявленных проблем, препятствующих реализации гарантий объективности предварительного расследования. Раскрыты сущности предварительного расследования и определены цели данного вида деятельности. Проанализированы соотношения категорий «объективная истина» и «достижение объективной истины» с учетом цели и задач предварительного расследования; определено содержание понятия «объективность предварительного расследования», раскрыто понятие гарантий объективности предварительного расследования, рассмотрены системы уголовно-процессуальных гарантий объективности предварительного расследования; обоснована необходимость обеспечения прав участников уголовного процесса, не являющихся субъектами уголовной юстиции, как составляющей процессуальной гарантии объективности предварительного расследования; сформулированы авторские предложения по совершенствованию положений отечественного уголовно-процессуального закона в части создания системы гарантий реализации требований объективности в деятельности органов предварительного расследования.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОСТИ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Предварительное расследование: понятие, сущность и значение

Исследование вопросов обеспечения объективности в теории и практике предварительного расследования требует обратиться к вопросам, связанным с определением понятия «предварительное расследование». В юридической литературе не одно десятилетие учеными уделяется внимание предварительному расследованию, его сущности, значению, задачам, формам, участникам уголовного процесса в стадии предварительного расследования и их полномочиям, особенностям производства следственных действий и принятия процессуальных решений в этой стадии уголовного судопроизводства¹. Однако, несмотря на многочисленные исследования, отдельные вопросы, имеющие непосредственное отношение к предварительному расследованию, продолжают носить дискуссионный характер. В их числе определение понятия «предварительное расследование», которое до настоящего времени не разработано на законодательном уровне. По этой причине среди ученых отсутствует общепризнанная позиция по данному вопросу. При этом не оспаривается тот факт, что предварительное расследование потому и называется предварительным, поскольку предваряет, предшествует судебному следствию, подготавливая основу в виде материалов уголовного дела для рассмотрения его по существу. Общепри-

¹ Анпилогова Т. С. Процесс доказывания в стадии предварительного расследования // Российский следователь. 2019. № 4. С. 3–5; Артамонов А. Н. Полномочия прокурора при надзоре за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия // Законодательство и практика. 2016. № 1. С. 73–80; Белкин А. Р. Общие условия предварительного расследования: проблемы законодательной регламентации // Уголовное судопроизводство. 2015. № 1. С. 8–13; Дудоров Т. Д., Ломаченко Е. И. Проблемы дифференциации формы предварительного расследования // Центральный научный вестник. 2016. Т. 1. № 4 (4). С. 39–42; Ефимичев С. П., Ефимичев П. С. Задачи предварительного расследования // Журнал российского права. 2006. № 9. С. 81–87; Образцов А. В. Сущность процессуального руководства предварительным расследованием // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1. С. 33–35; Османова Н. В. Особенности соблюдения формы предварительного расследования и норм о подследственности // Российский следователь. 2019. № 2. С. 40–44; Хорьков В. Н., Голованов А. А. Административное расследование: тенденции сближения // Современное право. 2007. № 9. С. 52–54 и др.

знанная же позиция, как указывалось выше, по вопросу содержания данного понятия сегодня отсутствует.

Так, О. А. Зайцев и П. С. Пастухов считают, что «под предварительным расследованием традиционно понимается стадия, где уполномоченные государственные органы и должностные лица в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законом осуществляют деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств, на основе которых устанавливается виновность (или невиновность) лица (лиц) в совершении преступления, а также иные обстоятельства, имеющие отношение к уголовному делу»¹.

Практически аналогичное определение данного понятия приводится в комментарии к УПК РФ: «Традиционно под предварительным расследованием понимается регламентируемая законом деятельность следователя и дознавателя, связанная с уголовным преследованием виновных в совершении преступления лиц, осуществляемая путем проведения следственных и иных процессуальных действий, направленных на установление имеющих значение для дела обстоятельств, в целях быстрого и полного расследования преступления, изобличения виновных, выявления причин и условий, способствующих его совершению»².

На наш взгляд, не в полной мере ясна позиция вышеуказанных авторов относительно следующих обстоятельств: в чем заключается традиционность приведенного определения; почему они акцентируют внимание именно на установлении виновности (невиновности) лица в совершении преступления; о каких иных обстоятельствах, «имеющих отношение к уголовному делу», идет речь, в чем конкретно заключается это «отношение»; почему указанные обстоятельства имеют отношение к уголовному делу, а не к расследуемому преступлению? Нередко на стадии возбуждения уголовного дела преступление не раскрыто, возникает необходимость в его раскрытии, о чем авторы не упоминали.

В юридической литературе представлены и иные определения «предварительного расследования», под которым понимается стадия «уголовного процесса, в которой органы следствия и дознания, опираясь на помощь широких масс общественности, в установленном законом порядке осуществляют деятельность по предупреждению преступлений, проводят работу по раскрытию совершенных

¹ Зайцев О. А., Пастухов П. С. Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 46. С. 752–777.

² Алексеева В. В., Белянинова Ю. В. и др. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2004. С. 201.

преступлений, привлечению к ответственности виновных, а равно по установлению отсутствия события или состава преступления или основания для направления дела в суд»¹; «стадия, в течение которой дознавателем и следователем осуществляется уголовно-процессуальные действия, присущие досудебному производству»²; самостоятельная стадия уголовного судопроизводства и самостоятельный институт уголовно-процессуального права, т. е. как совокупность правовых норм, которые определяют порядок уголовно-процессуальной деятельности и регулируют уголовно-процессуальные отношения в данной стадии между ее участниками»³, основная форма досудебной подготовки материалов дела⁴.

Значительная часть сформулированных выше вопросов может быть поставлена и перед авторами данных определений.

Не ставя перед собой цель подвергнуть критическому анализу все представленные в юридической литературе позиции относительно определения и сущности предварительного расследования, полагаем, что такой значительный разброс мнений объясняется тем, что данное понятие многоаспектно и может рассматриваться в нескольких значениях:

- как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства, являющаяся логическим продолжением стадии возбуждения уголовного дела и основой для последующих стадий;

- как уголовно-процессуальный институт – система норм уголовно-процессуального права, регламентирующих группу однородных общественных отношений, возникающих в процессе расследования преступлений;

- как осуществляемая в предусмотренных уголовно-процессуальным законом формах деятельность уполномоченных законом лиц по раскрытию и расследованию общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом под угрозой наказания⁵.

¹ Гарницкий А. А. Общие положения организации и осуществления предварительного расследования в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1967. С. 8.

² Гаврилов Б. Я., Ильяхов А. А., Новиков А. М., Османова Н. В. Досудебное производство в уголовном процессе. М., 2018. С. 87.

³ Михайлов В. А. Курс уголовного судопроизводства: в 3 т. Т. 2: Досудебное и судебное производство. М.; Воронеж, 2006. С. 31.

⁴ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 5-е издание, перераб. и доп. / под общ. ред. А. В. Смирнова. М., 2009. С. 225.

⁵ Сатдинов Л. В. К вопросу о сущности предварительного расследования // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 2 (48). С. 71–74.

При этом считаем важным отметить, что нередко различные значения понятия «предварительное расследование» необоснованно смешиваются не только друг с другом, но и с иными понятиями. В результате весьма трудно понять, о каком конкретно значении предварительного расследования идет речь, например, о самостоятельной стадии уголовного процесса или о деятельности уполномоченных законом должностных лиц¹.

Определение предварительного расследования как самостоятельного уголовно-процессуального института не вызывает сомнения. Нормы этого института регламентируют общие условия производства предварительного расследования, основания, условия и порядок производства следственных и иных процессуальных действий, формы и порядок приостановления, прекращения и окончания расследования и т. п., находясь при этом не только в разделе VIII (гл. 21–32) УПК РФ, но и в других главах данного закона.

Что касается определения предварительного расследования как самостоятельной стадии уголовного процесса, то анализ норм уголовно-процессуального закона в их взаимосвязи порождает множество вопросов с учетом их противоречивости и неоднозначности. Как и любая стадия уголовного процесса, стадия предварительного расследования должна характеризоваться начальным и итоговым решением; задачами; временными границами; формами; кругом участников уголовного судопроизводства и т. д. Ряд этих характеристик и вызывает определенные споры. Начало стадии предварительного расследования подавляющее большинство ученых связывают с возбуждением уголовного дела, что вполне логично и обосновано: установив наличие повода и оснований для возбуждения уголовного дела, следователь (дознатель) выносит соответствующее постановление и либо приступает к производству предварительного следствия (дознания), либо орган дознания приступает к производству неотложных следственных действий (ст. 149 УПК РФ). Таким образом, за стадией возбуждения уголовного дела автоматически следует стадия предварительного расследования как основная, центральная стадия досудебного производства по уголовным делам. При этом возникает вопрос о начале этой стадии по уголовным

¹ Гаврилов Б. Я., Ильяхов А. А., Новиков А. М., Османова Н. В. Досудебное производство в уголовном процессе. М., 2018. С. 87; Рыжаков А. П. На стадии предварительного расследования осуществляется не только расследование. Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы V Международной научно-практической конференции (26–27 апреля 2018 г., г. Симферополь-Алушта) / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко; Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. Симферополь, 2018. С. 104–107.

делам, расследуемым в форме сокращенного дознания, поскольку содержательно деятельность дознавателя по производству следственных и иных процессуальных действий, направленных на установление фактических обстоятельств совершенного преступления, может осуществляться и в рамках проверки сообщения о преступлении (ст. 226.5 УПК РФ), хотя формально – после возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. Из анализа уголовно-процессуальных норм, регламентирующих производство дознания в сокращенной форме, следует, что после возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица дознаватель вправе произвести, по сути, только одно следственное действие – допрос подозреваемого с разъяснением ему права ходатайствовать о производстве дознания в сокращенной форме и выполнить ряд действий, направленных на удовлетворение такого ходатайства, окончание расследования и направление уголовного дела прокурору. Такую деятельность трудно отнести к стадии предварительного расследования, поскольку собственно расследование в данном случае практически может не производиться.

Такую же неоднозначную трактовку вызывает окончание стадии предварительного расследования. Эта неоднозначность возникла в связи с внесением изменений в п. 9 ст. 109 УПК РФ, в котором появилось новое понятие «срок содержания под стражей в период досудебного производства», включающий в себя срок содержания под стражей в период предварительного расследования и срок содержания под стражей в период рассмотрения уголовного дела прокурором до принятия им одного из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 226, ч. 1 ст. 226.8 и ч. 5 ст. 439 УПК РФ¹. Данное изменение породило острую дискуссию на страницах юридической литературы по вопросу о том, является ли деятельность прокурора по поступившему к нему уголовному делу составной частью стадии предварительного расследования, либо досудебное производство теперь состоит не из двух, а из трех стадий: возбуждение уголовного дела, предварительное расследование и стадия, на которой прокурор реализует свои полномочия по поступившему к нему уголовному делу. В этой связи некоторые ученые полагают, что стадия предварительного расследования завершается окончанием предварительного расследования в порядке, установленном главами 29–31

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части урегулирования пределов срока содержания под стражей на досудебной стадии уголовного судопроизводства: Федер. закон от 19 февраля 2018 г. № 27-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 9. Ст. 1284.

УПК РФ, но при этом считают полномочия прокурора, предусмотренные гл. 31 УПК РФ, самостоятельной стадией уголовного процесса¹, другие не считают это самостоятельной стадией уголовного процесса, поскольку уверены, что деятельность прокурора на данном этапе не является предварительным расследованием².

Все это свидетельствует о том, что в настоящее время все чаще используется термин «досудебная стадия» как синоним досудебного производства – уголовного судопроизводства с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу (п. 9 ст. 5 УПК РФ), что противоречит классическому пониманию стадий уголовного судопроизводства.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет рассмотрение предварительного расследования как деятельности, под которой понимается «специфическая человеческая форма отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение в интересах людей; условие существования общества»; «способ человеческого бытия, осуществляющегося всегда через определенную цель»³.

Исходя из этого, полагаем, что в условиях правового государства деятельность «предварительное расследование», являясь разновидностью правоприменительной деятельности, воплощающей в себе специфическую общественную потребность, не может существовать и надлежащим образом осуществляться вне интересов общества. Более того, она является одним из условий существования общества, поскольку ее содержание в широком смысле составляет изменение объективной реальности (окружающего мира) путем противодействия преступности в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона, в установленных УПК РФ формах, с применением научно обоснованных, безопасных и эффективных научно-технических средств, приемов и методов собирания,

¹ См., напр.: Смирнов А. В. Глава 1. Уголовно-процессуальное законодательство // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. А. В. Смирнова. 2012 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 03.03.2022).

² Рыжаков А. П. На стадии предварительного расследования осуществляется не только расследование. Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы V Международной научно-практической конференции (26–27 апреля 2018 г. г. Симферополь-Алушта) / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко; Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. Симферополь, 2018. С. 104–107.

³ Большой энциклопедический словарь. 2 изд., переработ. и доп. М.; СПб., 1999. С. 348.

исследования, оценки и использования доказательств, что не может противоречить интересам общества.

В силу этого рассматриваемая деятельность не является и не может являться спонтанной, хаотичной, бессистемной, поэтому она может рассматриваться как процесс (от лат. *processus* – продвижение), под которым понимается «последовательная смена явлений, состояний в развитии чего-нибудь; совокупность последовательных действий для достижения какого-либо результата»¹. На наш взгляд, применительно к деятельности «предварительное расследование» этот процесс представляет собой систему последовательно выполняемых действий (процессуальных, непроцессуальных, умственных) и принимаемых в связи с этими действиями или в зависимости от их результата процессуальных решений.

Более того, осуществление деятельности «предварительное расследование» является выражением объективно существующей социальной потребности в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения. Деятельность «предварительное расследование» также отличается социальностью, так как ее выполнение уполномоченными законом должностными лицами опирается на результаты труда (деятельности) иных лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства (прокурора, суда, сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, потерпевшего, свидетеля и др.), и выполняется для блага общества.

В связи с вышеизложенным представляется, что, с одной стороны, предварительное расследование преступлений можно определять предельно широко: как социально значимую, урегулированную уголовно-процессуальным законом деятельность участников уголовного судопроизводства (следователя, прокурора, суда, потерпевшего, обвиняемого, защитника, эксперта, специалиста и т. д.) по установлению всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела. В данном случае речь идет не только о следователе (дознавателе), чья деятельность непосредственно связана с расследованием преступлений, но и о деятельности иных участников уголовного процесса, которые путем заявления ходатайств, участия в следственных действиях, представления значимой информации, которая может быть преобразована в доказательства, экспертных исследований и т. п. так или иначе способствуют установлению обстоятельств, имеющих значение для дела.

¹ Большой энциклопедический словарь. 2 изд., переработ. и доп. М.; СПб., 1999. С. 971.

Причем в таком предельно широком понимании данная деятельность начинается с момента получения сообщения о преступлении и заканчивается направлением уголовного дела в суд для разрешения по существу и поэтому в своих границах совпадает с понятием «досудебное производство».

С другой стороны, предварительное расследование преступлений можно толковать в предельно узком смысле как исключительно деятельность должностных лиц, специально уполномоченных уголовно-процессуальным законом на осуществление уголовного преследования – процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ).

При этом предварительное расследование может осуществляться в различных формах процессуальной деятельности: предварительное следствие, дознание (в общем и сокращенном виде), производство неотложных следственных действий; выполнение органом дознания по поручению следователя отдельных следственных действий. Последнее, как представляется, может быть самостоятельным видом процессуальной деятельности, осуществляемой в рамках предварительного расследования, поскольку указанную деятельность нельзя отнести ни к дознанию (т. к. по делу производится расследование в форме следствия), ни к предварительному следствию (т. к. орган дознания предварительное следствие не осуществляет).

Таким образом, к отличительным чертам деятельности «предварительное расследование» относятся следующие:

- является одним из видов правоприменительной деятельности;

- является выражением объективно существующей социальной потребности общества в защите прав и законных интересов потерпевших от преступлений лиц, а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения и, как следствие, имеет социальную значимость;

- может рассматриваться как система последовательно выполняемых действий (процессуальных, непроцессуальных, умственных) и принимаемых в связи с этими действиями или в зависимости от их результата процессуальных решений для решения задач предварительного расследования.

Как и всякая общественно полезная и социально значимая деятельность, предварительное расследование должно иметь цель и задачи, позволяющие ее достичь.

УПК РФ не определяет цели и задачи как уголовного процесса в целом, так и предварительного расследования в частности, что

вряд ли можно считать оправданным, поскольку уголовный процесс – это прежде всего деятельность и, как любая деятельность, она не может быть бесцельной.

«Цель – это стремление, то, что нужно, желательно, осуществить»¹, «конечный результат деятельности человека (коллектива людей), предварительное идеальное представление о котором (совместно с желанием его достигнуть) предопределяют выбор соответствующих средств и системы соответствующих действий по его достижению»², а «задача – это то, что требует исполнения, разрешения»³.

Как указывалось выше, отечественный уголовно-процессуальный кодекс в настоящее время не содержит определения данных понятий, но при этом содержит понятие «назначение уголовного судопроизводства» (ст. 6 УПК РФ), которое заключается в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения. При этом отмечается, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают задачам уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию. Указанное обстоятельство породило острую дискуссию о том, является ли назначение уголовного судопроизводства его целью или задачами; что является целью и задачами современного уголовного судопроизводства; может ли цель и задачи уголовного процесса быть едиными для всех участников уголовного судопроизводства?

Разработчики действующего УПК РФ под целью уголовного судопроизводства понимали разрешение уголовно-правового спора. Следует согласиться с мнением ученых, считающих, что спор в форме состязания сторон (обвинения и защиты) является одной из важных гарантий достижения целей уголовного процесса, но при этом не его разрешение является конечной целью уголовного судопроизводства.

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М., 1997. С. 691.

² Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 647.

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., М., 1997. С. 691.

Некоторые авторы целью уголовного судопроизводства считают установление истины по уголовному делу¹, то есть достижение истинного знания о тех событиях, деяниях, которые являются предметом познания в процессе предварительного расследования, судебного разбирательства по конкретному уголовному делу. Данная позиция представляется спорной хотя бы потому, что авторы не уточняют, что они понимают под истинным знанием; чем истинное знание отличается от обычного и т. п.

Некоторые ученые, исследуя вопрос о целях и задачах уголовного судопроизводства, ссылаются на предыдущий УПК РСФСР, ст. 2 которого содержала задачи уголовного судопроизводства, заключающиеся в быстром и полном раскрытии преступлений, изобличении виновных и обеспечении правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Не отвергая в целом верность и справедливость этого утверждения, отметим, что в данном случае речь шла о задачах, а не о целях уголовного судопроизводства.

Анализируя мнения ученых о целях уголовного процесса, приходится признать, что более логичной и аргументированной представляется позиция А. Б. Диваева², который, взяв за основу философское понимание общественного отношения, представил уголовный процесс как систему объективно существующих общественных отношений, некий сегмент общественной жизни, являющийся отражением степени общественного развития, и на основании этого пришел к справедливому мнению, поддерживаемому нами, что с этой точки зрения цель уголовного права и уголовно-процессуального права одина.

Действительно, общество, сталкиваясь с преступными проявлениями, угрожающими его стабильному развитию и существованию, адресуется государству своего рода запрос на охрану своих интересов и обеспечение безопасности. Государство в свою очередь посредством своих компетентных органов данный запрос общества выполняет путем принятия, во-первых, уголовно-правовых норм, в которых определяет, какие деяния являются общественно опасными, и устанавливает наказания, подлежащие применению к лицам,

¹ Уголовный процесс / А. И. Бастрыкин [и др.]; под ред. А. А. Усачева. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2020. 468 с.

² Диваев А. Б. Понятие и содержание задач уголовно-процессуальной деятельности // Общество и право. 2019. № 2 (68). С. 68–73.

совершившим эти самые деяния (УК РФ); во-вторых, установления порядка применения этих норм (УПК РФ).

Учитывая тесную связь уголовного процесса с уголовным правом и общую их социальную направленность, представляется, что единой (общей) целью уголовного судопроизводства является разрешение задач уголовного закона: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений, причем данная цель является единой независимо от типа уголовного процесса – розыскной, состязательный или иной, поскольку в достижении указанной цели заинтересовано любое общество. Именно этот аргумент может служить основанием для опровержения доводов авторов, считающих, что в состязательном процессе цели не могут определяться в общем виде¹. Это так называемая цель высшего порядка. Данное положение никоим образом не препятствует наличию самостоятельных целей как каждой стадии уголовного процесса, каждого следственного действия, так и деятельности сторон или иных участников уголовного судопроизводства, а также не только не препятствует, но и наоборот, способствует разнообразию задач, которые необходимо разрешить для достижения поставленных целей. Указанное в полной мере соответствует теории систем, с учетом которой многими процессуалистами и рассматриваются категории «цели» и «задачи».

Основываясь на вышеизложенном, далее необходимо исследовать цели и задачи предварительного расследования, причем понимая его предельно узко – как деятельность органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, поскольку только таким образом можно сформулировать единую цель и задачи, учитывая теорию разделения функций в уголовном судопроизводстве. Следует в данном случае согласиться с мнением Л. А. Воскобитовой, считающей, что цели должны быть конкретизированы приме-

¹ См., напр.: Воскобитова Л. А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 142; Корнакова С. В. Об установлении истины в уголовном судопроизводстве России // Библиотека криминалиста. 2012. № 4; Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасовой. М., 2012 и др.

нительно к разным участникам процесса и выполняемым ими функциям¹.

Некоторые авторы считают, что конечной целью расследования является полное и достоверное установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, обращая внимание на то, что в деятельности по расследованию преступлений можно выделить и промежуточные (тактические) цели, обусловливаемые конкретными ситуациями, складывающимися в ходе расследования (например розыск обвиняемого, проверка полученных следователем данных об обстоятельствах расследуемого события, задержание преступника и др.)².

Другие авторы, выделяя три этапа в расследовании: доследственный (стадия возбуждения уголовного дела), второй – первоначальный этап расследования и третий – последующий этап – с момента предъявления обвинения и до направления прокурору материалов уголовного дела с обвинительным заключением, считают, что цели у этих этапов разные, и целью первоначального этапа расследования является установление личности преступника, сбор достаточного количества доказательств для предъявления ему обвинения³.

Третьи полагают, что цель предварительного расследования – установить обстоятельства преступления, сформировать доказательственную базу и подготовить дела к рассмотрению в суде⁴.

По мнению ряда ученых, предварительное расследование, как вид деятельности, осуществляется с целью «изобличения подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления»⁵.

Анализ имеющихся мнений о цели предварительного расследования позволяет прийти к выводу о том, что зачастую под целями понимаются задачи органов предварительного расследования или их функции. При этом необходимо отметить, что уголовно-процессуальный закон не только не определяет цели и задачи органов

¹ Воскобитова Л. А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 142.

² Решетникова Т. В. Понятие и структура деятельности по расследованию преступлений // Общество и право. 2012. № 1 (38). С. 246.

³ Толстолужинская Е. М. Об определении целей и задач в расследовании преступлений // Закон и право. 2016. № 10. С. 127–129.

⁴ Лавдаренко Л. И. О целях и некоторых задачах органов предварительного расследования // ГлаголЪ правосудия. 2016. № 2 (12). С. 71–77.

⁵ Гаврилов Б. Я., Илюхов А. А., Новиков А. М., Османова Н. В. Досудебное производство в уголовном процессе. М., 2018. С. 87.

предварительного расследования, но и не дает определения понятия «функция». Так, анализ норм УПК РФ в их взаимосвязи позволяет прийти к выводу, что закон употребляет понятие «обвинение» как функцию (п. 45 ст. 5, ч. 2 ст. 15 УПК РФ), как процессуальную деятельность (ч. 1 ст. 20 УПК РФ) и как утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, предусмотренном УПК РФ (п. 22 ст. 5 УПК РФ). Таким же образом в законе употребляется и понятие «уголовное преследование»: как функция (п. 45 ст. 5 УПК РФ) и как процессуальная деятельность (п. 55 ст. 5 УПК РФ). Все это не способствует единообразному пониманию и правоприменению и здесь следует согласиться с Ф. М. Ягофаровым, что в законе не должны присутствовать различные толкования одного и того же понятия. Если нормативный акт наводнен противоположными идеями, то это не может не отразиться на его качестве¹. Прав и Р. В. Мазюк, утверждающий, что использование терминов «обвинение» и «уголовное преследование» как названий одной и той же уголовно-процессуальной функции нарушает требование обозначения одного явления только одним термином².

Представляется, что уголовное преследование необходимо рассматривать в значении процессуальной деятельности, осуществляемой для реализации функции обвинения³, поскольку понятие «обвинение» шире понятия «уголовное преследование» и включает в себя не только деятельность органов и должностных лиц по изобличению подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ), но и деятельность иных участников со стороны обвинения. Об этом свидетельствует и ч. 2 ст. 21 УПК РФ, обязывающая прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя (*и только их!* – Прим. авт.) в каждом случае обнаружения признаков преступления принимать меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Из этого требования вытекает цель предварительного расследования – установление события престу-

¹ Ягофаров Ф. М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2003. С. 34.

² Мазюк Р. В. О роли функции обвинения (уголовного преследования) в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2014. № 2 (6). С. 103–112.

³ Бандурин С. Г., Громов Н. А., Шишкина Е. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве // Право и политика. 2004. № 12. С. 83–89.

пления (или его отсутствие) и изобличение лица (лиц) в совершении этого преступления.

Представляется, что на достижение именно этой цели и направлено предварительное расследование: установить наличие или отсутствие события преступления (время, место и др. обстоятельства совершенного преступления), установить и изобличить лицо (лиц) в его совершении. Данная цель присуща исключительно органам предварительного расследования, поскольку иным участникам уголовного процесса она не свойственна. При этом термин «изобличить» вовсе не означает, что органы предварительного расследования должны это сделать, невзирая ни на что, в том числе на возможное ущемление прав человека. Как справедливо отмечает В. И. Зажицкий, в правильной, социально ориентированной уголовно-процессуальной идеологии должны быть сбалансированы правовые средства раскрытия преступлений и правовые средства, надежно обеспечивающие права, свободы и законные интересы любой личности, вовлекаемой в сферу уголовного процесса¹.

Нельзя не признать справедливой позицию И. А. Антонова, согласно которой пока лицо не изобличено окончательно, то есть его виновность не установлена приговором суда, для него сохраняются все возможности защиты от предъявленного ему обвинения, поскольку согласно действующему законодательству оно сохраняет общий статус гражданина, и, как следствие, недопустимо его зачисление в категорию лиц, виновных в совершении преступления. Как принцип уголовного процесса презумпция невиновности берет начало «из более широкого, общего принципа – ценности человеческой личности, предполагающего уважение к человеку, к его достоинству, заботу о человеке, охрану его чести. Такое отношение должно действовать и тогда, когда лицу предъявлено обвинение в совершении преступления»².

О том, что цель предварительного расследования достигнута, будут свидетельствовать итоговые решения, завершающие эту деятельность: составление обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления), либо решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования).

Для того чтобы достичь поставленной цели, органы предварительного расследования в ходе своей деятельности должны решить

¹ Зажицкий В. И. О процессуальном положении следователя // Государство и право. 2001. № 6. С. 50.

² Антонов И. А. Нравственно-правовые начала уголовно-процессуальной деятельности (теоретические идеи и правоприменительная практика): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. С. 158.

ряд взаимосвязанных задач. При этом нельзя не подчеркнуть, что вопросы определения круга и объема задач, решаемых в ходе предварительного расследования, в науке уголовного процесса тоже носят дискуссионный характер.

Профессор М. С. Строгович к задачам предварительного расследования относил: всестороннее и исчерпывающее его проведение, раскрытие преступления в полном объеме, выявление и изобличение всех участников преступления, собирание и проверку необходимых доказательств, приведение в ясность всех обстоятельств дела, ограждение невиновных от неосновательного обвинения, выяснение причин и условий, способствовавших совершению преступления или затрудняющих его своевременное обнаружение и пресечение¹. Анализируя круг этих задач, заметим недостаточно четкое их определение. Допустим, такая задача, как всестороннее и исчерпывающее проведение предварительного расследования, по сути, поглощает все остальные задачи. К тому же остается непонятной такая задача, как приведение в ясность всех обстоятельств дела и как она соотносится с первой.

Некоторые авторы полагают, что предварительное расследование решает всего три задачи: 1) быстрое и полное раскрытие преступлений; 2) обеспечение прав обвиняемого и других участников уголовного процесса; 3) надлежащая подготовка уголовного дела для его рассмотрения судом², не поясняя, в чем именно заключается надлежащая подготовка уголовного дела для рассмотрения его судом.

Значительное количество ученых в более или менее развернутом виде к задачам предварительного расследования относят: 1) быстрое и полное раскрытие и расследование преступлений; 2) изобличение лиц, виновных в совершении преступления; 3) ограждение невиновных от привлечения к уголовной ответственности; 4) воспрепятствование обвиняемому (подозреваемому) продолжать преступную деятельность; 5) исключение возможности уклонения обвиняемого от суда; 6) обеспечение реализации судебного приговора в части удовлетворения гражданского иска или конфискации имущества; 7) выявление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления;

¹ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М., 1970. С. 39–40.

² Гаврилов А. К. Раскрытие преступлений (правовые и организационные вопросы). Волгоград, 1976. С. 53.

8) обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса; 9) обеспечение безопасности участников уголовного процесса¹.

Соглашаясь в целом с таким объемом задач, отметим, что они касаются лишь процессуальной деятельности органов предварительного расследования, что справедливо, поскольку деятельность органов предварительного расследования регламентируется уголовно-процессуальным законом. Бесспорным является также и то, что не только процессуальная деятельность органов предварительного расследования позволяет достичь искомой цели.

Подтверждением данного тезиса выступают действия, совокупность которых, во-первых, является организационной составляющей предварительного расследования, во-вторых, служит повышению эффективности (результативности) процессуальной составляющей предварительного расследования. К ним, на наш взгляд, относятся действия, связанные:

– с планированием предварительного расследования, которое находит отражение в разработке и, при наличии необходимости, последующем уточнении и дополнении плана расследования конкретного преступления, включающего выделение этапов расследования; выдвижение реальных и обоснованных версий и последовательности их проверки; определение следственных и иных процессуальных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий, результаты которых окажут помощь в подтверждении (опровержении) выдвинутых версий; определение последовательности производства следственных и иных процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий; определение обстоятельств, подлежащих доказыванию и очередность их установления; определение времени, места и состава участников конкретных следственных и иных процессуальных действий; техническое обеспечение, необходимое на каждом из этих этапов; планирование взаимодействия с работниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по конкретному уголовному делу (выполнение поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий, привле-

¹ См., напр.: Лавдаренко Л. И. О целях и некоторых задачах органов предварительного расследования // *ГлаголЪ правосудия*. 2016. № 2 (12). С. 71–77; Ефимичев П. С., Ефимичев С. П. Задачи предварительного расследования // *Журнал рос. права*. 2006. № 9. С. 81–81; Бессонов А. А. К вопросу о задачах предварительного расследования // *Вестник Акад. Ген. прок. РФ*. 2009. № 1. С. 35–38; Володина Л. М. Цели и задачи уголовного процесса // *Государство и право*. 1994. № 11. С. 198–200; Савицкий В. М. *Очерк теории прокурорского надзора*. М.: Наука, 1975. С. 138; Громов Н. А. *Уголовный процесс России*. М.: Юрист, 1999. С. 232–234 и др.

чение к участию в следственных действиях для оказания содействия при их производстве и др.);

– с организацией предварительного расследования при производстве по уголовному делу путем создания наиболее оптимальных условий для ее осуществления: организация работы субъекта (субъектов) предварительного расследования (надлежащее оснащение рабочего помещения и рабочего места, включая обеспечение необходимой техникой, транспортом, средствами связи и др.); организация производства следственных и иных процессуальных действий; организация взаимодействия с иными участниками предварительного расследования – экспертом, специалистом, прокурором, а также сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, средствами массовой информации; организация информационного обеспечения предварительного расследования, например, путем обращения к криминалистическим системам учета данных о лицах, предметах, событиях и иных объектах, имеющих значение и используемых с целью выяснения обстоятельств расследуемого события (оперативно-справочным, розыскным, централизованным криминалистическим учетом и др.), за консультацией к специалисту в соответствующей области специальных знаний и др. Важной составляющей организации предварительного расследования является максимально полное, активное и ситуационное применение в ходе предварительного расследования криминалистических научных знаний (методических рекомендаций по расследованию конкретных видов преступлений).

Совокупность приведенных выше действий может быть обозначена как организационная деятельность субъектов предварительного расследования (организация от лат. *organize* – сообщаю стройный вид, устраиваю), для которой характерна оперативность и обоснованность действий и принимаемых решений, и которая направлена на создание оптимальных условий для эффективного осуществления предварительного расследования.

Любой вид общественно полезной и социально значимой деятельности не может не соответствовать своей цели, поскольку, если цель полностью или частично не будет достигнута, то закономерно возникает вопрос относительно степени полезности (или опасности) этой деятельности для общества и наличия (отсутствия) ее социальной значимости. Исходя из значимости деятельности «предварительное расследование» для общества, она не может осуществляться бесконтрольно, так как именно в процессе последнего определяется ее соответствие (несоответствие) конкретной цели. Принимая во внимание изложенное, полагаем, что соответствие деятельности

«предварительное расследование» сформулированной выше цели обеспечивается установленной действующим законодательством системой контроля и надзора, а именно:

- процессуальным контролем со стороны руководителя следственного органа в соответствии со ст. 39 УПК РФ, начальника подразделения дознания в соответствии со ст. 40.1 УПК РФ, начальника органа дознания в соответствии со ст. 40.2 УПК РФ;
- прокурорским надзором со стороны прокурора в части неукоснительного исполнения законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие (ст. 37 УПК РФ);
- судебным контролем со стороны суда в части рассмотрения и разрешения ходатайств субъектов деятельности «предварительное расследование» об избрании определенных уголовно-процессуальным законом мер пресечения, о производстве отдельных следственных действий и др. (ст. 29 УПК РФ).

Особенность системы контроля и надзора заключается в том, что им охватывается процессуальная деятельность субъектов, осуществляющих деятельность «предварительное расследование». Вследствие этого задача контроля и надзора заключается в выявлении, устранении и предотвращении отклонений этой деятельности от законодательно установленной регламентации ее осуществления (в первую очередь речь идет о нарушении требований УПК РФ). Таким образом, система контроля и надзора способствует преодолению, разрешению противоречий между целью деятельности «предварительное расследование» и конкретными процессуальными действиями и их результатами, конкретными процессуальными решениями, а также итоговым (окончательным) процессуальным решением субъекта деятельности «предварительное расследование», принятого по результатам предварительного следствия или дознания.

Соответствие предварительного расследования сформулированной выше цели также обеспечивается законностью этой деятельности. В этой связи уточним, что предварительное расследование по своей сути неоднородно, так как его составляющими (компонентами) являются, во-первых, совершаемые в процессе данной деятельности процессуальные действия, имеющие поисково-познавательный характер (в ходе которых осуществляется поиск, обнаружение, фиксация, изъятие следов преступления, установление сведений о событии преступления, имеющих значение для расследования конкретного преступления), во-вторых, принимаемые в процессе этой деятельности процессуальные решения. Следовательно, законными должны быть указанные как процессуальные действия,

так и процессуальные решения, что обеспечивается двойственным путем: законодательной регламентацией процессуальных действий и процессуальных решений и упомянутой выше системой контроля и надзора со стороны уполномоченных законом лиц.

Далее укажем, что в соответствии с уголовно-процессуальным законом предварительное расследование осуществляется уполномоченными законом лицами. Между тем вопрос о субъектах, осуществляющих анализируемый вид правоприменительной деятельности, решается учеными неоднозначно. В юридической литературе представлена позиция о том, что предварительное расследование может производиться специальными субъектами, осуществляющими уголовное преследование, к которым в соответствии с п. 77 ст. 5 УПК РФ и положениями гл. 6 УПК РФ со стороны обвинения относятся следующие участники уголовного судопроизводства: прокурор, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель¹.

Руководствуясь позицией законодателя, считаем, что наряду со следователем, его полномочиями (правом возбудить уголовное дело, принять его к своему производству и произвести предварительное следствие в полном объеме) наделен руководитель следственного органа (ч. 2 ст. 39 УПК РФ). Также участником уголовного судопроизводства является следователь-криминалист – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а равно участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству (п. 40.1 ст. 5 УПК РФ).

Таким образом, помимо следователя правом на осуществление предварительного расследования в соответствии с уголовно-процессуальным законом наделен руководитель следственного органа и следователь-криминалист.

Выше отмечалась неоднородность деятельности «предварительное расследование», однако проводимые в ходе ее осуществления процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения нельзя рассматривать как некую сумму компонентов. Напротив, эти

¹ Гаврилов Б. Я., Ильюхов А. А., Новиков А. М., Османова Н. В. Досудебное производство в уголовном процессе. М., 2018. С. 87.

компоненты представляют собой организованную целостность – систему¹, отличающуюся:

- целеустремленностью – наличием цели и стремлением к ее достижению;

- адаптивностью (способностью к гибким перестройкам и трансформациям при изменении условий функционирования системы) в сочетании с устойчивостью (обеспечивающей функционирование системы в изменившихся условиях);

- упорядоченной целостностью всех входящих в систему компонентов, которая выражается в их взаимосвязи, взаимозависимости, взаимообусловленности и совместном функционировании, что в конечном итоге позволяет системе функционировать;

- сложностью (обусловленной разветвленной структурой системы, разнообразием и неоднородностью составляющих ее компонентов). Компонентный состав системы «предварительное расследование» включает, во-первых, системообразующий компонент – субъекта этой деятельности, который присутствует во всех без исключения компонентах рассматриваемой системы, во-вторых, различные виды деятельности, которые осуществляет указанный субъект: процессуальную и непроцессуальную, имеющую организационно-мыслительный характер. Перечисленные виды деятельности в свою очередь состоят из более простых элементов – действий: сенсорных (действий по восприятию объекта), волевых, мыслительных, мнемических (действий памяти), внешних предметных (действий, направленных на изменение состояния или свойств предметов внешнего мира). При этом важно отметить, что указанные виды деятельности осуществляются не хаотично и не спонтанно, а последовательно и логически обоснованно, что обеспечивается их взаимосвязью, взаимозависимостью и взаимообусловленностью;

- наличием общего критерия, который объединяет все компоненты рассматриваемой системы – цели деятельности «предварительное расследование» – установление события преступления (или его отсутствие) и изобличение лица (лиц) в совершении этого преступления;

- непрерывностью функционирования и развития, которая зависит от происходящих в обществе процессов (различного рода изменений политического, социального, экономического характе-

¹ Система – совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 619.

ра), приводящих к развитию системы (функциональной, структурной перестройке всей системы и ее элементов).

Подводя итог рассмотрению понятия, сущности и значения предварительного расследования, можно прийти к следующим выводам:

1. В условиях правового государства деятельность «предварительное расследование», воплощая в себе специфическую общественную потребность, не может существовать и надлежащим образом осуществляться вне интересов общества, она является одним из условий существования общества, поскольку ее содержание в широком смысле составляет изменение объективной реальности (окружающего мира) путем противодействия преступности в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона, в установленных УПК РФ формах, с применением научно обоснованных, безопасных и эффективных научно-технических средств, приемов и методов собирания, исследования, оценки и использования доказательств, что не может противоречить интересам общества.

2. К отличительным чертам деятельности «предварительное расследование» относятся следующие: она является одним из видов правоприменительной деятельности; является выражением объективно существующей социальной потребности общества и, как следствие, имеет социальную значимость; может рассматриваться как система последовательно выполняемых действий (процессуальных, непроцессуальных, умственных) и принимаемых в связи с этими действиями или в зависимости от их результата процессуальных решений для достижения цели деятельности «предварительное расследование».

3. Предварительное расследование преступлений можно определять предельно широко: как социально значимую, урегулированную уголовно-процессуальным законом деятельность участников уголовного судопроизводства (следователя, прокурора, суда, потерпевшего, обвиняемого, защитника, эксперта, специалиста и т. д.) по установлению всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, либо в предельно узком смысле как исключительно деятельность должностных лиц, специально уполномоченных уголовно-процессуальным законом на осуществление уголовного преследования – процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

4. Учитывая тесную связь уголовного процесса с уголовным правом и общую их социальную направленность, представляется, что единой (общей) целью уголовного судопроизводства является

разрешение задач уголовного закона: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений.

5. Цель предварительного расследования – установление события преступления (или его отсутствия) и изобличение лица (лиц) в совершении этого преступления.

6. Отличительными особенностями деятельности «предварительное расследование», представляющей собой сложную динамическую систему, являются: целеустремленность; адаптивность в сочетании с устойчивостью; упорядоченная целостность всех входящих в систему компонентов; сложность; наличие общего критерия, который объединяет все компоненты рассматриваемой системы – цель деятельности «предварительное расследование» – установление события преступления (или его отсутствия) и изобличение лица (лиц) в совершении этого преступления; непрерывность функционирования и развития.

§ 2. Установление объективной истины в уголовном судопроизводстве: проблемы законодательной регламентации и практической реализации

С объективностью в уголовном судопроизводстве тесно связан широко дискутируемый вопрос об объективной истине. В истории уголовного процесса вопросы, связанные с объективностью, достижением истины всегда вызывали интерес и оживленную дискуссию на страницах юридической литературы. В современном уголовном процессе данные вопросы также не потеряли своей актуальности¹.

¹ Акимчев А. А. Проблема истины в суде присяжных в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 188 с.; Алексеев И. М., Данильян А. С. Достижение истины как цель доказывания в уголовном судопроизводстве России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 4 (42). С. 39–42; Ахмадуллин А. С. Проблемы обеспечения всесторонности, полноты и объективности предварительного расследования в свете УПК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 186 с.; Беккер Т. А. Установление истины как основа предотвращения судебных ошибок в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2017. 23 с.; Блинов А. П. Принципы состязательного и объективно-истинного уголовного процесса в деятельности следователя: сравнительный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. 242 с.; Васильев Л. М. Проблемы истины в современном Российском уголовном процессе: концептуальные положения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. 49 с.; Григорьев В. Н., Дикарев В. Г. Об установлении истины по уголовному делу // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министер-

Примером тому может служить инициатива Следственного комитета Российской Федерации, предложившего внести изменения в УПК РФ, связанные с необходимостью установления объективной истины по уголовному делу¹. Разработчики данного проекта предложили определить объективную истину как соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения, попытались определить ее в качестве «общеотраслевого принципа уголовного судопроизводства, реализуемого на всех стадиях производства по уголовному делу», предусмотрев в развитие данного принципа введение дополнительных требований к процессуальной деятельности должностных лиц, уполномоченных осуществлять от имени государства уголовное преследование, а именно: обязанность принимать все меры к всестороннему, полному и объективному выяснению обстоятельств, подлежащих доказыванию; сохранять объективность и беспристрастность, не допуская обвинительного уклона в доказывании. Разработчики этого проекта убеждены, что введение в УПК РФ института установления объективной истины по уголовному делу позволит обеспечить гарантии конституционного права на справедливое правосудие и повысить степень доверия граждан к правосудию.

ства внутренних дел Российской Федерации. 2016. № 1 (37). С. 32–36; Комаров И. М. Проблемы совершенствования отечественного уголовно-процессуального законодательства посредством введения института объективной истины // Интеграционные процессы в социальной, правовой и экономической сферах деятельности гражданского общества: материалы Международной научно-практической конференции. М., 2015. С. 166–171; Левченко О. В. Внутреннее убеждение как метод оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2013. № 2. С. 87–91; Левченко О. В. К вопросу о понятии объективной истины по уголовному делу // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 2. Часть II. Тула, 2012. № 2-2. С. 39–42; Петрова О. В. Объективная истина и гарантии ее установления в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2000. 220 с.; Пискун О. А. Истина в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. 24 с.; Победин А. В. Некоторые вопросы собирания доказательств по новому уголовно-процессуальному законодательству России // Государство и право. 2003. № 1. С. 57–64; Ревенко Н. И. Обеспечение следователем всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела при осуществлении уголовного преследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 18 с.; Федорин В. Е. Процессуальные гарантии объективности и беспристрастности профессиональных участников уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2007. 234 с. и др.

¹ Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» (законопроект № 440058). URL: https://sledcom.ru/documents/Obsuzhdeniya_zakonoproektov/item/1136 (дата обращения: 23.03.2022).

Указанное предложение вызвало новую волну споров на страницах юридических изданий, что, в свою очередь, подвигло нас более подробно проанализировать мнения ученых и правоприменителей по данному вопросу¹.

Изучение представленных в юридической литературе исследований, посвященных объективной истине в уголовном судопроизводстве², свидетельствует о различных подходах к определению данного понятия, а также отсутствию единообразного понимания ряда важных вопросов: относительно наличия или отсутствия объективной истины, возможности или невозможности ее достижения, целесообразности или нецелесообразности дополнения уголовно-процессуального закона требованием ее установления.

Позиции, касающиеся необходимости достижения объективной истины в уголовном судопроизводстве³ и, как следствие, включе-

¹ Сатдинов Л. В. Объективность при производстве по уголовному делу: законодательное закрепление и нравственное обоснование // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 1 (43). С. 31–33; Сатдинов Л. В. Требование объективности предварительного расследования: постановка проблемы // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: сборник XVII Международной научно-практической конференции (Барнаул, 8–9 февраля 2019 г.). Барнаул, 2019. С. 70–71; Сатдинов Л. В. Категория «объективность» в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 3. С. 169–173.

² Сатдинов Л. В. Роль объективности в деятельности следователя // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики: сборник материалов Межведомственной научно-практической конференции (Краснодар, 15 марта 2019 г.). Краснодар, 2019. С. 233–239; Сатдинов Л. В. Реализация требования объективности на стадии возбуждения уголовного дела // Закон и право. 2020. № 7. С. 130–132; Сатдинов Л. В. Назначение уголовного судопроизводства – установление объективной истины // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 4 (42). С. 527–531.

³ Астафьев Ю. В. Специфика содержания истины и процесса ее установления по уголовным делам // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2010. № 2 (9). С. 283–291; Ахмадуллин А. С. Проблемы обеспечения всесторонности, полноты и объективности предварительного расследования в свете УПК РФ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 186 с.; Аширова Л. М. Объективная истина как элемент справедливого судебного разбирательства по уголовному делу // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5). С. 11–19; Корнакова С. В. К вопросу о восстановлении в уголовном процессе института установления объективной истины по уголовному делу // Проблемы современного российского законодательства: материалы I Всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 18 октября 2012 г.): в 2 ч. М., Иркутск, 2012. Ч. 1. С. 263–267; Смирнов Г. К. Объективная истина как ориентир уголовно-процессуального доказывания // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5). С. 250 – 259; Орлов Ю. К. Установление истины как цель доказывания в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5). С. 192–199; Печников Г. А., Заменков А. И., Кокарева Е. В. Доказательства, объективная (фактическая) и формально-юридическая истины в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 142–149; Цой Б. А., Мелашенко А. А. Объективная истина как цель познания при доказывании в уголовном процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 6–2. С. 152–155 и др.

ния в УПК РФ требования всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела и направленности деятельности субъектов доказывания на достижение истины по каждому уголовному делу, сводятся к следующему:

- объективная истина является целью доказывания;
- вопрос об истине в уголовном судопроизводстве следует рассматривать относительно установления фактических обстоятельств совершенного преступления. Поэтому объективной истиной в уголовном процессе является согласованность и непротиворечивость информации, содержащейся в окончательных выводах и решениях следственных органов, прокуратуры и суда об обстоятельствах, которые образуют предмет доказывания по конкретному уголовному делу;

- установление истины сопряжено с необходимостью исследования и получения достоверного знания о прошлых событиях и всех обстоятельствах, которые должны быть определены по конкретному уголовному делу в соответствии с тем, как они на самом деле имели место. В силу этого установление истины в уголовном судопроизводстве представляет собой: раскрытие совершенного или готовящегося преступления; установление времени, места и способа совершения преступления; установление лица, виновного в его совершении; установление истинного мотива лица, совершившего преступление; установление возможных соучастников преступления; роль каждого из них в совершении преступления; установление характера и полного размера вреда, причиненного преступлением; установление конкретных лиц и организаций, которым в результате совершения преступления причинен физический, имущественный либо моральный вред, а также вред деловой репутации (если потерпевший является юридическим лицом); установление наличия или отсутствия обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния; установление наличия или отсутствия обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание; установление наличия или отсутствия обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания; назначение справедливого наказания лицу, признанному виновным; недопущение привлечения к ответственности невиновных; обеспечение законности и обоснованности решений, принимаемых компетентными органами; содействие воспитанию всего населения России в духе строгого соблюдения законов; предупреждение совершения преступлений; гарантии обеспечения прав и законных интересов граждан в уголовном судопроизводстве; установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

– объективность истины как результат деятельности уполномоченных законом лиц по уголовно-процессуальному познанию события преступления выражается в абсолютном совпадении закрепленных в материалах уголовного дела фактов, сведений и результатов с фактическими (объективными) обстоятельствами совершенного преступления. Другими словами, круг фактических обстоятельств, который имел место в объективной действительности, в точном соответствии с этой действительностью, без каких-либо искажений должен быть полностью отражен в материалах уголовного дела;

– в случае отрицания объективной истины не остается и места объективному, а следовательно, в уголовном процессе торжествует личное усмотрение правоприменителя, которое оформлено по правилам действующего закона и формально, а не содержательно, соответствует его требованиям. В таком уголовном процессе нет места подлинной достоверности, а вероятность, становясь пределом познания, кладется в основу принимаемых правоприменителем решений;

– если субъект доказывания будет заранее исходить из концепции недостижимости истины в ходе предварительного расследования, не будет считать ее целью познавательной деятельности, стремиться к максимальному использованию всех возможных средств и способов из числа предусмотренных законом, то достижение истины будет невозможным;

– отказ от принципа установления истины в уголовном процессе, как и исключение из уголовно-процессуального закона принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела подрывает принцип законности в уголовном судопроизводстве; в свою очередь, наличие строго определенного предмета доказывания, сформулированного в ст. 73 УПК РФ, в полном объеме свидетельствует о необходимости истинного установления всех указанных в нем обстоятельств.

Анализируя вышеприведенные точки зрения, которые, отметим, в основном совпадают, полагаем необходимым сделать несколько критических замечаний.

Представляется недостаточно аргументированной точка зрения о том, что сам факт включения философской категории «объективная истина» и ее дефиниции в уголовно-процессуальный закон окажет радикальное и исключительно положительное влияние на правоприменителей и правоприменительную практику, а также «будет являться необходимым для того, чтобы отразить узкий и специаль-

ный характер данной категории и ее значение для расследования и рассмотрения уголовного дела»¹.

На наш взгляд, более логичным следствием предложения о возвращении в уголовно-процессуальный закон принципа установления истины в уголовном процессе, а также принципа всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств уголовного дела (выступающего объективным критерием качества уголовного судопроизводства и способом достижения его цели – установления истины по делу²) было бы предложение не только о включении в уголовно-процессуальный закон определения понятия объективной истины, но также определения ряда других, сопряженных с ним понятий, например, таких как всесторонность исследования обстоятельств уголовного дела, полнота исследования обстоятельств уголовного дела, объективность исследования обстоятельств уголовного дела³.

Полагаем, что предложение о включении определения понятия «объективная истина» в уголовно-процессуальный закон, которое, отметим, отсутствует в философских словарях, вряд ли выполнимо. По справедливому мнению В. И. Пржиленского, определение понятия «объективная истина» должно быть таким же, как, например, определение понятия «правонарушение», то есть необходимо указать на род (родовое понятие), должны быть перечислены его видовые признаки, позволяющие отличать этот вид от других видов данного рода. Однако, если такие определения хорошо работают в уголовном законе, позволяя по видовым признакам отличать грабеж от кражи, а их вместе от разбоя, то в случае оперирования абстрактно-теоретическими и философскими понятиями такие дефиниции попросту невозможны⁴.

¹ Носырев Р. В. Стремление к объективной истине как условие становления правосознания // В поисках социальной истины : сборник материалов I Международной научно-практической конференции (Иркутск, 28 ноября 2019 г.). Иркутск, 2019. С. 277–278.

² Деришев Ю. В., Олефиренко Т. Г. Всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела как принцип современного уголовного судопроизводства // Вестник Омской юридической академии. № 1. 2016. С. 60.

³ Сатдинов Л. В. Объективность при производстве по уголовному делу: законодательное закрепление и нравственное обоснование // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 1 (43). С. 31–33; Сатдинов Л. В. Категория «объективность» в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 3. С. 169–173; Сатдинов Л. В. Назначение уголовного судопроизводства – установление объективной истины // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 4 (42). С. 527–531.

⁴ Пржиленский В. И. Теоретико-познавательные основы уголовного судопроизводства в контексте возможностей его цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 24–25.

Кроме того, считаем, что так называемой «реанимации уголовно-процессуального закона», включая всесторонность, полноту и объективность, должна предшествовать научно-обоснованная и апробированная в прикладном плане разработка механизма реализации рассматриваемого принципа в правоприменительной практике в условиях состязательного уголовного процесса, суда присяжных, особого порядка судебного разбирательства, досудебных соглашений о сотрудничестве и других современных институтов уголовного процесса.

В противном случае дискуссия по рассматриваемой проблеме и практическое воплощение ее результатов могут ограничиться предложениями следующего характера: «Если субъект доказывания будет заранее исходить из концепции недостижимости истины в процессе расследования по уголовному делу, если не будет считать ее целью познавательной деятельности, не будет стремиться к максимальному использованию всех возможных средств и способов (предусмотренных законом, конечно), то достижение истины, действительно, будет невозможным. У субъекта уголовно-процессуального доказывания должна быть социальная установка, ориентирующая его на достижение достоверности получаемого в процессе расследования уголовного дела знания. Конечно, в силу объективных причин, истина не является достижимой по каждому уголовному делу, поскольку «...то, что возможно вообще, бывает невозможным в определенных конкретных условиях»¹.

С. В. Корнаков указывает на необходимость только одной социальной установки, однако, по нашему мнению, для выяснения истины в уголовном судопроизводстве этого недостаточно.

Не менее показательна в этом плане и сама постановка вопроса о необходимости решения проблем, связанных с определением характера истины, ее содержания, объема допустимых средств установления. Так, по мнению Ю. В. Астафьева, каждая из этих проблем «предполагает комплексный подход в контексте развития уголовно-процессуального познания от импульса к его появлению до завершающего этапа»².

Равным образом, приводимые, например Г. А. Печниковым, А. И. Заменковым, Е. В. Кокаревой негативные аспекты «выигрышно-проигрышного» состязательного уголовного процесса (в кото-

¹ Корнаков С. В. Указ. соч. С. 265.

² Астафьев Ю. В. Специфика содержания истины и процесса ее установления по уголовным делам // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2010. № 2 (9). С. 283.

ром, по мнению авторов, «разрешено все, что не запрещено законом», который построен на софистике, на доказательствах – уловках в силу отказа от объективной истины, и который уводит в сторону от объективной реальности, в котором форма, процедура выше истины, торжествует право и справедливость сильного, а не правого¹) выглядят малоубедительными, и в первую очередь направлены на судебные стадии уголовного судопроизводства. Поэтому авторы не рассматривают и не обосновывают, в чем конкретно выражаются «плюсы» «объективно-истинной модели уголовного процесса» на досудебных стадиях уголовного процесса², а также возможно ли установление или достижение объективной истины на этих стадиях уголовного судопроизводства.

Наряду с этим нельзя не отметить противоречивость позиции Г. А. Печникова, А. И. Заменкова и Е. В. Кокаревой. По мнению авторов, объективная истина – результат адекватного, точного отражения объективной (фактической) реальности, существующей независимо от субъекта, человека, человечества. Таким образом, объективная реальность и объективная истина – это сфера не субъективного, а объективного, фактического. По уголовным делам познание объективной реальности и установление объективной истины осуществляется с помощью доказательств, представляющих собой информационные носители, которые адекватно отражают объективную реальность. Каждое доказательство отражает конкретную сторону или часть объективной, фактической реальности, поэтому они свободны от всего субъективного и являются объективными сведениями об объективной реальности (факте преступления), обладающими фактическим содержанием, также не зависящим от субъекта человека и человечества. В этом их доказательственная объективно-истинная ценность. Фактические доказательства, отмечают указанные авторы, верно отражая объективную реальность (факт объективной реальности), должны обладать объективно-истинной достоверностью, в противном случае это не подлинные доказательства. Таким образом, что-либо объективно-истинное можно установить только с помощью объективно-фактического (фактических доказательств), а не субъективного, надуманного, кажущегося³.

¹ Печников Г. А., Заменков А. И., Кокарева Е. В. Доказательства, объективная (фактическая) и формально-юридическая истины в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 147–148.

² Там же.

³ Печников Г. А., Заменков А. И., Кокарева Е. В. Указ соч. С. 145.

На наш взгляд, Г. А. Печников, А. И. Заменков, Е. В. Кокарева слишком идеализируют доказательства, добытые в ходе проверки сообщения о преступлении и в процессе предварительного расследования. Точнее было бы говорить не о том, что доказательства являются объективными сведениями об объективной реальности (факте преступления), обладающими фактическим содержанием, не зависящим от субъекта, человека и человечества, а о том, что они должны быть таковыми в идеале. Представляется, что эти авторы оставили без внимания как виды доказательств, так и процесс их получения, а также то, что «объективность» определяется как беспристрастность, отсутствие предвзятости в оценке чего-нибудь, в суждениях о чем-нибудь¹, верная передача². С учетом этого вряд ли можно однозначно утверждать, что, например, сведения, которые были сообщены в ходе допроса, абсолютно во всех случаях являются объективными сведениями об объективной реальности. Так, допрашиваемый свидетель мог воспринимать факт подготовки, совершения или сокрытия преступления либо отдельные обстоятельства, связанные с этими событиями, в определенных условиях (в том числе неблагоприятных именно для его органов чувств – зрения, слуха, осязания, обоняния и др.), поэтому в процессе приема этой информации она могла быть в той или иной степени искажена, а значит, не в полной мере объективна. Затем полученная информация преобразовалась в сознании свидетеля. При этом важно отметить, что на процесс преобразования полученной информации, на объективность ее последующей оценки и формирование собственного мнения свидетеля о ее качестве и значении также оказывают влияние имеющиеся у него знания, жизненный и профессиональный опыт, пол, возраст, особенности личности, степень его зависимости от эмоциональной составляющей. Наряду с этим следует учитывать длительность времени, которое прошло с момента восприятия информации до ее передачи в ходе допроса, которое, вне всяких сомнений, может оказать негативное влияние на точно воспринятую информацию, но частично забытую и поэтому заново оцененную. И, наконец, недопустимо игнорировать некоторые элементы субъективности у следователя (дознателя), который также с учетом указанных выше субъективных факторов воспринимает сообщенную допрашиваемым информацию, ее преобразовывает

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1964. С. 428

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М., 2007. С. 528.

в своем сознании, оценивает и только затем фиксирует в протоколе допроса.

Таким образом, правильное было бы говорить не о том, что доказательства являются объективными сведениями об объективной реальности (факте преступления), содержание которых ни от кого не зависит, а о том, что ценность каждого доказательства заключается в его всесторонней проверке, а ценность их совокупности в их относимости к предмету доказывания, непротиворечивости друг другу и достаточности.

В разрешение рассматриваемой проблемы не вносит ясность и позиция, согласно которой целью уголовного процессуального доказывания для субъектов, осуществляющих уголовное преследование, является признание того, что объективная истина установлена, а целью правосудия – установление процессуальной истины. Цель правосудия должна определяться как совпадение объективной и процессуальной истины, поскольку такой результат не может быть достигнут по каждому уголовному делу, процессуальную истину следует понимать, как соответствие выводов и решений суда в отношении обстоятельств, которые должны быть доказаны в уголовном деле собранными доказательствами, надлежащим образом проверенными и оцененными в процессе доказывания¹.

В этой связи уточнения требует вопрос, который носит исключительно терминологический характер, и по которому, на первый взгляд, позиции ученых не расходятся. Большинство исследователей едины во мнении, что в уголовном судопроизводстве речь должна идти об установлении объективной истины. Однако, например, М. С. Строгович выступал за употребление понятия «материальная истина». По мнению ученого, истина, устанавливаемая судом по уголовным делам, – объективная истина, которая имеет свои специфические черты (предмет истины, средства ее установления). Именно для выражения этих специфических черт объективной истины целесообразно ее обозначение в качестве материальной истины. Иными словами, понятие «материальная истина» в уголовном процессе есть не что иное, как юридическое обозначение объективной истины, устанавливаемой судом по уголовным делам². Обозначение объективной истины материальной профессор М. С. Строгович считал свидетельством того, что достигаемая по уголовным делам исти-

¹ Цой Б. А., Мелашенко А. А. Объективная истина как цель познания при доказывании в уголовном процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 6-2. С. 154.

² Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 49.

на не формальна, не условна (несмотря на то, что для ее достижения установлены определенные формальные требования и юридические условия), что это истина, по существу, действительно объективная¹. Сходную позицию занимает и профессор В. Т. Томин, указывая на то, что под термином «материальная истина» понимается объективная истина, которая познается средствами, допустимыми уголовно-процессуальным законом².

Согласно приведенному выше мнению Б. А. Цоя и А. А. Мелашенко, применительно к уголовному судопроизводству речь должна идти об объективной и процессуальной истине. Под последней авторы понимают соответствие выводов и решений суда в отношении обстоятельств, которые должны быть доказаны в уголовном деле, собранным доказательствам, надлежащим образом проверенным и оцененным в процессе доказывания³. Аналогичный термин использует О. В. Петрова, отмечая, что процесс установления уголовно-процессуальной истины предполагает использование как традиционных (процессуально установленных), так и нетрадиционных методов, которые по своей сущности носят преимущественно оперативно-розыскной характер⁴.

Р. В. Носырев, с одной стороны, выделяет юридическую истину, отмечая, что она чаще всего рассматривается в качестве совокупности объективной и материальной истины, с другой – считает, что материальная истина выступает в качестве элемента объективной истины⁵.

Г. А. Печников, А. И. Заменков и Е. В. Кокарева указывают на существование объективной (фактической) и формально-юридической (правовой) истины, которая, по их мнению, свойственна уголовному процессу состязательного типа и к которому относится современный российский уголовный процесс⁶.

Наряду с объективной истиной, Ю. В. Астафьев первоначально упоминает о некой «живой» истине, представляющей собой «единство объективно установленных фактов и основывающихся на них

¹ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 310–311.

² Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М., 2009. С. 208.

³ Цой Б. А., Мелашенко А. А. Указ. соч. С. 154.

⁴ Петрова О. В. Объективная истина и гарантии ее установления в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2000. С. 14.

⁵ Носырев Р. В. Стремление к объективной истине как условие становления правосознания // В поисках социальной истины: материалы I Международной научно-практической конференции (Иркутск, 28 ноября 2019 г.). Иркутск, 2019. С. 275.

⁶ Печников Г. А., Заменков А. И., Кокарева Е. В. Указ соч. С. 142–143.

субъективно-личностных оценок», а затем указывает на то, что «развитие уголовно-процессуального познания в его динамике неизбежно предполагает появление неких промежуточных результатов как форм истинного знания об обстоятельствах, которые станут основой абсолютной истины, содержащейся в приговоре¹.

В зависимости от степени выполнения задач уголовного процесса О. В. Петрова предлагает следующую дифференциацию содержания термина «объективная истина»: объективная истина «должное», когда выводы следствия и суда полностью соответствуют фактическим обстоятельствам дела и содержат ответ на основной вопрос уголовного дела – кто должен нести ответственность за совершенное деяние; объективная истина – «реальное», когда преступник изобличен не полностью, установлены не все обстоятельства совершенного преступления, разоблачены не все соучастники преступления, а также в случае прекращения уголовного дела или вынесения оправдательного приговора².

С учетом приведенных выше позиций интересной представляется точка зрения М. В. Клецкина. Термин «объективность» по отношению к истине автор считает неудачным, так как, во-первых, он может создавать иллюзию существования истины как объекта действительного бытия, во-вторых, «словосочетание "объективная истина" является тавтологичным, поскольку в научном познании истина всегда объективна, то есть относится к суждениям об объектах (сущностях) изучаемой реальности. Было бы правильным в качестве основной характеристики научной рациональности рассматривать не оппозицию объективности – субъективности, а оппозицию истина – ложь... Дело в том, что всякое суждение объективно в том смысле, что высказывается об объекте (сущности), но не всякое так понятое объективное суждение истинно, поскольку о наличном бытии объекта могут высказываться и ложные суждения (неадекватные действительности)»³.

Принимая во внимание изложенное, полагаем целесообразным согласиться с мнением В. И. Пржиленского о том, что «избыточное увлечение теоретическим мышлением также имеет свои недостатки, в том числе в сфере правосудия. Непрекращающиеся попытки подчинить всю правоприменительную практику какой-либо теории познания или же теории общества приводят к искажению первона-

¹ Астафьев Ю. В. Указ. соч. С. 287.

² Петрова О. В. Указ. соч. С. 48.

³ Клецкин М. В. Об объективности познания в квантовой механике // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 58–59.

чального смысла суда как неотъемлемого института человеческого общества. Между тем, именно такие искажения исходного замысла судопроизводства приходится наблюдать, когда опыт и практика приносятся в жертву теоретическим конструкциям, будь то сложная философская теория истины или не менее сложная политическая теория справедливости. И справедливость, и истина – понятия исходные и не могут быть операционализированы для того, чтобы мы могли назвать критерии и признаки, позволяющие сугубо технически отделять их от несправедливости и неистины. Различие между истиной и неистиной, справедливостью и несправедливостью должно быть проведено на уровне повседневного жизненного опыта, на уровне здравого смысла, на уровне убеждений и ценностей»¹.

Подводя итог изложенному выше, можно сделать следующие выводы:

1. Изучение представленных в юридической литературе исследований, посвященных объективной истине в уголовном судопроизводстве, свидетельствует о различных подходах к определению данного понятия, а также отсутствию единообразного понимания ряда важных вопросов: относительно наличия или отсутствия объективной истины, возможности или невозможности ее достижения, целесообразности или нецелесообразности дополнения УПК РФ требованием ее установления.

2. Позиции ученых, касающиеся необходимости достижения объективной истины в уголовном судопроизводстве, и, как следствие, включения в уголовно-процессуальный закон требования всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела и направленности деятельности субъектов доказывания на достижение истины по каждому уголовному делу, представляются недостаточно аргументированными в части того, что сам факт включения философской категории «объективная истина» и ее дефиниции в уголовно-процессуальный закон окажет радикальное и исключительно положительное влияние на правоприменителей и правоприменительную практику.

3. Практической реализации предложения о включении в уголовно-процессуальный закон принципа установления истины в уголовном процессе, принципа всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств уголовного дела, а также определения понятия «объективная истина» должна предшествовать последова-

¹Пржиленский В. И. Теоретико-познавательные основы уголовного судопроизводства в контексте возможностей его цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 24.

тельная научно-обоснованная и апробированная в прикладном плане разработка механизма реализации данных принципов в правоприменительной практике в условиях состязательного уголовного процесса, суда присяжных, особого порядка судебного разбирательства, досудебных соглашений о сотрудничестве, дознания в сокращенной форме и т. п. Важно понять, как вышеуказанный принцип будет соотноситься с современными институтами уголовного судопроизводства, не будут ли они противоречить друг другу.

4. Применительно к установлению объективной истины следует учитывать, что в научных работах слишком идеализируются доказательства, добытые в ходе проверки сообщения о преступлении и в процессе предварительного расследования. Точнее будет говорить не о том, что доказательства являются объективными сведениями об объективной реальности (факте преступления), содержание которых ни от кого не зависит, а о том, что они должны быть таковыми в идеале. Ценность каждого доказательства проявляется после его всесторонней проверки, а ценность их совокупности в их относимости к предмету доказывания, непротиворечивости друг другу и достаточности.

§ 3. Объективность предварительного расследования: понятие, сущность и значение

Отечественные ученые (как представители науки уголовного процесса, так и криминалистики) уже не одно десятилетие к числу наиболее веских факторов, которые отрицательно влияют на качество и, как следствие, эффективность предварительного расследования, наряду с его односторонностью и неполнотой, относят его необъективность¹. Соглашаясь с этой точкой зрения, полагаем, что интересны представленные в юридической литературе определения

¹ Бурданова В. С. Криминалистические проблемы обеспечения всесторонности, полноты и объективности расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 186 с.; Филиппов М. Н. Прокурорский надзор за всесторонностью, полнотой и объективностью расследования преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. 19 с.; Романов С. В. Требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как необходимое условие предварительного расследования // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2008. № 1. С. 18–37; Исаенко В. Н. Оценка прокурором всесторонности, полноты и объективности результатов предварительного расследования // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 1. С. 172–177; Бондарь М. М. Объективность предварительного расследования как предпосылка обеспечения законности и обоснованности процессуальных решений // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 80–86.

понятия объективности применительно к предварительному расследованию.

Так, Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин считают, что «объективность заключается в беспристрастности следователя в исследовании обстоятельств дела и их оценке, в его обязанности познать эти обстоятельства в точном соответствии с объектной действительностью»¹.

На наш взгляд, позиция указанных российских ученых-процессуалистов непротиворечива. Во-первых, понятие «объективность» определяется авторами через другое понятие – «беспристрастность», которое само нуждается в определении, что свидетельствует о допущенной авторами ошибке – *определение неизвестного через неизвестного* (ignotum per ignotum).

Во-вторых, правильное, на наш взгляд, было бы говорить не об исследовании обстоятельств дела, а об исследовании обстоятельств расследуемого преступления, то есть обстоятельств, которые прямо или косвенно связаны с расследуемым преступлением, которые предшествовали, сопутствовали и последовали за совершением этого преступления и которые в своей совокупности образуют предмет доказывания, предусмотренный ст. 73 УПК РФ.

В-третьих, несколько нелогична позиция авторов относительно того, что следователь первоначально исследует обстоятельства дела и их оценивает, а также познает эти обстоятельства. В этой связи укажем, что под понятием «исследование» понимается научное рассмотрение в целях познания, выяснения чего-либо; изучение; тщательный осмотр; внимательное ознакомление для установления, выяснения чего-либо, обследования²; процесс изучения какого-либо объекта (явления, процесса) с целью выявления закономерностей его возникновения, развития, изменения, преобразования³. Таким образом, любое исследование того или иного объекта (предмета, события, явления), включая исследование обстоятельств совершенного или готовящегося преступления, имеет целью его познание. В свою очередь, оценке должны быть подвергнуты не указанные авторами «обстоятельства дела», а результат (результаты), полученный в ходе проведенного исследования.

В-четвертых, данные авторы не придали значения, каким образом объективность соотносится с обязанностью следователя

¹ Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе: монография. М., 1965. С. 78.

² Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. М., 1981. С. 686.

³ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., исправ. и дополн. М., 1975. С. 217.

«познать эти обстоятельства», так как данная обязанность может быть выполнена не в полном объеме или некачественно и, как следствие, в силу своей неполноты и не качественности однозначно будет исключать объективность. Авторы также не уточнили, является ли данная обязанность процессуальной обязанностью следователя.

В-пятых, авторы допустили логическую ошибку – тавтологию (греч. *Tauto logos* – то же самое слово), когда «то же» определяется через «то же» (лат. *Idem per idem*). Эта ошибка выражается в том, что определяемое понятие включается в определяющее понятие в качестве его части (то есть фактически воспроизводится дважды), а именно понятие «объективность» определяется через «объективную действительность».

Такую же логическую ошибку допускает и А. И. Михайлов, по мнению которого объективность «означает, что все расследование ... следователь должен проводить объективно. Не допуская элементов субъективизма, предвзятости, односторонности ... И, хотя следователь оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, конечно, имеющему субъективную окраску, но правила оценки, сформулированные в законе, требуют, чтобы выводы, а тем более процессуальные решения следователя основывались на прочном объективном фундаменте имеющихся в деле доказательств»¹.

Логическая ошибка другого характера допущена Т. В. Моисеевой, считающей, что «объективность включает в себя всесторонность и полноту исследования»². Суть этой ошибки заключается в использовании автором несравнимых понятий (*notiones disparatae*), содержание которых не является одинаковым. Всесторонность, полнота и объективность представляют собой различные, самостоятельные категории в уголовном процессе. В то же время это различные аспекты (характеристики) какой-либо деятельности, включая деятельность по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел.

В. С. Бурдановой термин «объективно» понимается в двух смыслах: «как соответствие познаваемого объективной действительности и как исследование не субъективное, беспристрастное, без личного отношения к объекту, явлению, которое воспринимается, исследуется, оценивается. Таким образом, объективность – это

¹ Михайлов А. И. Проблемы эффективности предварительного следствия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1979. С. 58–59.

² Моисеева Т. В. Всесторонность и полнота исследования обстоятельств уголовного дела как условие объективности присяжных заседателей // Журнал российского права. 2010. № 12. С. 87.

качество как результата, так и процесса исследования»¹. На наш взгляд, трудно согласиться с авторским подходом к раскрытию двойственного смысла термина «объективно».

Во-первых, полагаем излишним выделение автором двух смыслов (значений) термина «объективно», так как установление соответствия познаваемого объективной действительности – это результат проведенного исследования при условии, которое, как указывает В. С. Бурданова, заключается в том, что это исследование не должно быть субъективным и должно отличаться беспристрастностью. Вместе с тем нельзя не отметить, что только лишь беспристрастное исследование, которое проводится без личного отношения к исследуемому объекту, явлению не является гарантией установления соответствия познаваемого объективной действительности. Так, отсутствие необходимых знаний, квалификации, опыта работы у следователя (влекущее неполноту расследования, пробелы в системе доказательств, следственные ошибки и т. д.) при полном отсутствии у него субъективного отношения и пристрастности к выполняемой им работе в ходе предварительного расследования будут служить серьезным препятствием для установления соответствия познаваемого объекта (события, явления) объективной действительности.

Во-вторых, допущена логическая ошибка, о которой упоминалось выше. Эта ошибка выражается в том, что определяемое В. С. Бурдановой значение термина включается в определяющий термин в качестве его части, то есть значение термина «объективно» характеризуется через объективную действительность.

В-третьих, полагаем, что речь должна идти не о соответствии познаваемого (например, объекта, события, явления, сведений) объективной действительности (поскольку сведения, сообщенные допрашиваемым лицом, могут быть полностью или частично ложными и, как следствие, не могут соответствовать (отражать) реально происшедшим событиям), а о верном (точном) восприятии информации, полученной в устной, письменной, визуальной форме о познаваемом объекте (событии, явлении). Выделение указанным автором двух значений (смыслов) термина «объективно» представляется спорным, так как верное (точное) восприятие информации о познаваемом является составной частью его исследования.

¹ Бурданова В. С. Криминалистические проблемы обеспечения всесторонности, полноты и объективности расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 9.

Выявленные в ходе анализа рассуждений Н. В. Жогина, Ф. Н. Фаткуллина, А. И. Михайлова и В. С. Бурдановой логические ошибки позволяют признать справедливой точку зрения А. И. Данилюка, что объективность предполагает не только беспристрастный, непредвзятый подход к уголовно-процессуальному исследованию, но и соблюдение законов логики¹.

Интересной в этой связи представляется позиция И. А. Возгри-на. Включив объективность в систему принципов криминалистики, он указывает, что соблюдение этого принципа выражается в необходимости «адекватного отражения объекта познания в криминалистических научных исследованиях, исключения из них субъективных оценок, выводов и рекомендаций», что в свою очередь требует точного воспроизведения познаваемых предметов, явлений, процессов, а также использования объективных методов исследования².

Ввиду некоторой неточности позиции указанного ученого-криминалиста, считаем возможным сформулировать следующие вопросы: что следует понимать под «адекватным отражением предмета познания», то есть чему конкретно «отражение предмета познания» должно быть адекватным; о каких объективных методах исследования упоминает автор. Наряду с этим представляется, что, во-первых, И. А. Возгрина целесообразно было бы говорить не об отражении предмета познания, а об отражении (воспроизведении) информации о нем, во-вторых, отражению (воспроизведению) этой информации должно предшествовать восприятие информации об этом предмете познания, которое, как указывалось выше, должно быть максимально верным (точным), то есть без каких-либо искажений.

Подводя итог анализу приведенных позиций, полагаем, что авторами была допущена еще одна ошибка – несоразмерность сформулированных ими определений. Ее суть заключается в том, что определяемое авторами понятие «объективность» оказалось по объему шире сформулированных ими определяющих понятий, то есть в предложенных определяющих понятиях речь шла об объективности предварительного расследования (расследования преступлений, исследования обстоятельств уголовного дела), в то время как в качестве определяемого выступало понятие «объективность». При этом анализ объективности как самостоятельной категории проведен не был.

¹ Данилюк А. И. Принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельства дела в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1974. С. 16.

² Возгрин И. А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. СПб., 2003. С. 86.

Что касается позиций ученых относительно того, что составляет содержание понятия «объективность расследования» (расследования преступлений, предварительного расследования), то они не отличаются четкостью.

Так, М. Н. Филиппов, анализируя особенности прокурорского надзора за объективностью расследования, указывает, что этот аспект деятельности прокурора рассматривается «применительно к возбуждению уголовного дела и первоначальному этапу расследования, при привлечении к уголовной ответственности и избрании меры пресечения, при завершении расследования и составлении обвинительного заключения¹». Далее автор формулирует основные моменты деятельности прокурора на каждом из указанных этапов при осуществлении надзора за объективностью расследования. По мнению этого автора, формой необъективности на стадии возбуждения уголовного дела является «укрытие преступлений от учета, незаконные отказы в возбуждении»; узловыми моментами на первоначальном этапе расследования, где наиболее часто допускаются различные нарушения закона, влекущие предвзятость исследования и оценки обстоятельств дела, являются нарушения, связанные с обеспечением права подозреваемого на защиту; «значение требования объективности в работе следователя возрастает при привлечении к уголовной ответственности и избрании меры пресечения, поскольку здесь имеет место вторжение в конституционные права личности. Прокурор должен следить за тем, чтобы следователь не допустил предвзятости при оценке собранных доказательств и их анализе, чтобы он уделял равное внимание как уличающим, так и оправдывающим обвиняемого, а также отягчающим и смягчающим его ответственность обстоятельствам. В случае возникновения у прокурора сомнений в объективности следователя при предъявлении обвинения важно обеспечить надзорными средствами удовлетворение следователем законных и обоснованных ходатайств обвиняемого и его защитника. Конкретными предметами этого аспекта надзорной деятельности являются своевременность и обоснованность предъявления обвинения, правильность процессуального оформления и мотивированность постановления о привлечении в качестве обвиняемого, соблюдение процессуальной процедуры, проверка доводов обвиняемого, его защитной версии; при осуществлении надзора за объективностью при заверше-

¹ Филиппов М. Н. Прокурорский надзор за всесторонностью, полнотой и объективностью расследования преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 14–16.

нии предварительного следствия с составлением обвинительного заключения прокурор должен сосредоточить свое внимание на правильности оценки с позиций объективности совокупности собранных по делу доказательств, оценке объективности действий следователя при ознакомлении обвиняемого и его защитника с материалами дела и рассмотрении заявленных ими и другими участниками процесса ходатайств, объективности изложения собранных доказательств в обвинительном заключении¹.

Приведенная выше позиция М. Н. Филиппова говорит о следующем:

– под необъективностью автор понимает «различные нарушения закона» – укрытие преступлений от учета, незаконные отказы в возбуждении уголовного дела, нарушения, связанные с обеспечением права подозреваемого на защиту и др., а также предвзятость при оценке собранных доказательств и их анализе, для устранения которой следователь должен уделять равное внимание как уличающим, так и оправдывающим обвиняемого, а также отягчающим и смягчающим его ответственность обстоятельствам. В этой связи отметим, что в последнем случае, на наш взгляд, речь должна идти не об объективности расследования, а о его всесторонности, посредством которой обеспечивается оценка каждого собранного в ходе предварительного расследования доказательства в отдельности (как уличающего, так и оправдывающего подозреваемого, обвиняемого), а также оценка всей совокупности собранных доказательств;

– под объективностью автор понимает удовлетворение следователем законных и обоснованных ходатайств обвиняемого и его защитника; своевременность и обоснованность предъявления обвинения; правильность процессуального оформления и мотивированность постановления о привлечении в качестве обвиняемого; соблюдение процессуальной процедуры, правильность оценки совокупности собранных по делу доказательств.

Таким образом, полагаем, что М. Н. Филиппов допустил необоснованное смешение трех разных понятий – законности расследования, всесторонности расследования и объективности расследования, при этом не уточнив, каким образом различные нарушения закона влекут «предвзятость исследования и оценки обстоятельств дела»; в чем конкретно заключается предвзятость при оценке собранных доказательств и их анализе (в данном случае считаем необходимым отметить, что оценка доказательств ни при каких условиях не может

¹ Там же.

предшествовать их анализу¹); на основании чего у прокурора могут возникнуть сомнения в объективности следователя при предъявлении обвинения, в чем конкретно может выражаться его необъективность, и является ли удовлетворение следователем законных и обоснованных ходатайств обвиняемого, его защитника показателем безусловной объективности следователя; в чем конкретно заключается правильность «оценки с позиций объективности совокупности собранных по делу доказательств», объективность «действий следователя при ознакомлении обвиняемого и его защитника с материалами дела и рассмотрении заявленных ими и другими участниками процесса ходатайств», объективность «изложения собранных доказательств в обвинительном заключении».

Согласно позиции В. С. Бурдановой, объективность расследования включает в себя «принятие решений на основе фактов, установленных в соответствии с законом, с объективной действительностью, без личного отношения следователя к обвиняемому, потерпевшему, свидетелю и другим участникам процесса. Объективность в качестве цели доказывания как бы пронизывает весь процесс доказывания, все факты, обеспечивающие всесторонность и полноту исследования...»². Из приведенного определения следует, что объективность расследования ограничивается лишь принятием «решений на основе фактов, установленных в соответствии с законом, с объективной действительностью, без личного отношения следователя к обвиняемому, потерпевшему, свидетелю и другим участникам процесса»³. Однако не ясно, о каких конкретно решениях идет речь, и каким образом только лишь факт принятия этих решений обеспечит объективность расследования. Ведь все процессуальные решения на стадии предварительного расследования принимаются следователем, как правило, на основании результатов проведенных следственных и процессуальных действий. Также требует уточнения позиция автора о том, что объективность является целью доказывания.

М. М. Бондарь в своей статье «Объективность предварительного расследования как предпосылка обеспечения законности и обоснованности процессуальных решений» не уделяет должного вни-

¹ Данилова Н. А., Николаева Т. Г. Исследовательская деятельность прокурора в уголовном досудебном производстве: вопросы теории и практики // Криминалист. 2018. № 4. С. 23–29.

² Бурданова В. С. Криминалистические проблемы обеспечения всесторонности, полноты и объективности расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 10.

³ Там же.

мания раскрытию понятия «объективность предварительного расследования», акцентирует внимание на необходимости следования принципу объективности в уголовно-процессуальной деятельности. Иной подход, по ее мнению, «может привести к формализации уголовного процесса, предвзятости при доказывании, субъективизму при вынесении процессуальных решений по уголовному делу, обвинительному уклону в действиях следователей, прокуроров и судей, проведению поверхностных расследований, росту числа следственных и судебных ошибок»¹.

К причинам, которые приводят к субъективизму участников уголовного процесса, данным автором отнесены следующие: существование в уголовно-процессуальном законе оценочных понятий; недостаточная конкретизация норм УПК РФ; некоторая размытость правового регулирования отдельных аспектов уголовного судопроизводства. Далее М. М. Бондарь приводит перечень незаконных и необоснованных решений по уголовным делам, характер которых, согласно позиции автора, связан с субъективизмом при их принятии. В их числе следующие: незаконное и необоснованное приостановление уголовного дела; незаконный и необоснованный отказ в его возбуждении; принятие преждевременного и незаконного решения о возбуждении уголовного дела; несвоевременное назначение судебных экспертиз; проведение неполного и некачественного расследования; ненадлежащие организация должного контроля за ходом расследования, рассмотрение ходатайств, исполнение полномочий по вынесению представлений об устранении условий, способствующих совершению преступления; неправильное составление обвинительного заключения².

По нашему мнению, позиция данного автора относительно объективности предварительного расследования не отличается четкостью и логикой изложения, так как, во-первых, перечисленные им причины, приводящие к субъективизму участников уголовного процесса, не конкретизированы, а приведены лишь в обобщенном виде и, как следствие, в таком изложении могут больше интерпретироваться как причины не только субъективизма, но и противоправности действий следователя (дознавателя) и принятых ими процессуальных решений, а также отсутствия полноты и всесторонности предварительного расследования. Во-вторых, автор (как

¹ Бондарь М. М. Объективность предварительного расследования как предпосылка обеспечения законности и обоснованности процессуальных решений // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 80.

² Бондарь М. М. Указ. соч. С. 81.

и М. Н. Филиппов) допустила, на наш взгляд, необоснованное смешение трех разных понятий – законности расследования, всесторонности расследования и объективности расследования, не уточнив при этом, в чем конкретно – в каких действиях либо бездействиях должностных лиц выражается характер перечисленных им незаконных и необоснованных решений по уголовным делам, и каким образом он связан с субъективизмом при принятии этих решений. В-третьих, вряд ли можно согласиться с М. М. Бондарь относительно того, что проведение неполного и некачественного расследования; ненадлежащая организация должного контроля за ходом расследования, рассмотрение ходатайств, исполнение полномочий по вынесению представлений об устранении условий, способствующих совершению преступления; неправильное составление обвинительного заключения относятся к числу незаконных и необоснованных решений, принятых по уголовным делам, так как вышеуказанные решения, а также действия, предшествовавшие принятию этих решений, могут иметь вполне законный и обоснованный характер. В-четвертых, думается, что субъективный подход к предварительному расследованию не ограничивается лишь принятием решений по уголовному делу, так как процессуальные решения принимаются и в ходе проверки сообщения о преступлении и не ограничиваются вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или о возбуждении уголовного дела. Полагаем, что субъективизм может иметь место и при производстве следственных и иных процессуальных действий, которые проводятся в досудебном производстве.

Ввиду изложенного, полагаем целесообразным проанализировать объективность как отдельную самостоятельную категорию.

«Объективность» (от лат. *objectivity* – предметное) определяется как беспристрастность, отсутствие предвзятости в оценке чего-нибудь, в суждениях о чем-нибудь¹, верная передача². Под беспристрастностью понимается «справедливость, отсутствие пристрастия»³, под предвзятостью – «заранее и ложно принятое (о мысли, решении), основанное на предубеждении»⁴, под предубеждением – «предрассуждение; предрассудок; ошибочное мнение; убеждение о деле, которого не знаешь; безрассудная, неоснователь-

¹ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 428.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М., 2007. С. 528.

³ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 44.

⁴ Там же. С. 569.

ная уверенность»¹, «предвзятое отрицательное мнение, отношение к кому-, чему-нибудь»².

Беспристрастность (пристрастность), наличие (отсутствие) предубеждения, обоснованная (необоснованная) уверенность и т. п. не существуют сами по себе, то есть вне конкретного человека (личности) они являются продуктом его мыслительных действий, которые дополняются имеющимися у него знаниями, жизненным и профессиональным опытом, убеждениями, позициями, идеалами, пристрастиями, темпераментом, индивидуальными особенностями психических процессов, симпатиями, антипатиями и личными эмоциями (совокупность которых в определенной степени предопределяет и (или) влияет на качество выполняемых человеком действий либо деятельности независимо от их вида и характера. В этом проявляется единство деятельности и личности человека). Этим мыслительным действиям предшествует принятие информации об объекте (о чем-то – предмете, событии, явлении или о ком-то). Принятие такой информации может осуществляться с помощью различных органов чувств (зрения, слуха, тактильных ощущений, обоняния, вкуса) и расширяющих возможности чувственного восприятия³ различных технических средств (приборов, различного оборудования, технических устройств, вычислительной техники и др.).

Следовательно, восприятию объекта (предмета, события, явления), являющемуся «формой его чувственного отражения»⁴, предшествует принятие информации об этом объекте (предмете, событии, явлении) человеком и ее последующее преобразование в его сознании. В результате объект (предмет, событие, явление) воспринимается как нечто целое, выделяются его признаки и их информационное содержание, которые сопоставляются с имеющимися знаниями об этом объекте. Важную роль в этом процессе играют особенности личности, в том числе интеллектуальные и профессиональные качества, эмоции, а также социальная и нравственная позиция.

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М., 2007. С. 316.

² Ожегов С. И. Указ. соч. С. 572.

³ Восприятие – форма чувственного познания, субъективно представляющаяся непосредственной и относящаяся к предметам (физическим вещам, живым существам, людям) и к объективным ситуациям (к взаимоотношениям предметов, движениям, событиям). Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. М., 2009. URL: http://enc-dic.com/enc_epist/Vosprijatie-11. (дата обращения: 22.03.2022).

⁴ Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.; СПб., 1999. С. 227.

При этом отметим общеизвестный и общепризнанный факт – эмоции («реакции человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, имеющие ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды чувствительности и переживаний»¹) как позитивные, так и негативные не только сопутствуют человеку в любой его деятельности, но и влияют на состояние его органов и организма в целом, выполняя организующую или дезорганизующую функцию.

Таким образом, можно предположить, что объективность – это свойство, присущее конкретному человеку, который что-то определенное делает (совершает действия, осуществляет деятельность), оценивает себя либо другого человека, свою или чужую работу и ее результаты, какое-либо событие, явление, принимает конкретное решение. То есть, можно сказать, что объективность наряду с необъективностью – это одна из составляющих отношения человека к самому себе, кому-либо или чему-либо. При этом достаточно понятно, что у двух людей, имеющих даже одинаковый объем знаний, сходный жизненный и профессиональный опыт, соответствие пола, возраста, особенностей личности, круга интересов, степени их зависимости от эмоциональной составляющей, может быть абсолютно разное восприятие, а в последующем и разная оценка одного и того же объекта (предмета, события, явления). Как правило, в этом и заключается субъективность личности, исключающее объективное восприятие, оценку, а самое главное – объективное отношение к определенным предметам, событиям и явлениям.

У разных людей один и тот же объект (предмет, событие, явление) может вызывать диаметрально противоположные эмоции (радость, интерес, страх, обиду, тревогу, агрессию, гнев, апатию и др.) и по-разному ими восприниматься (например, один и тот же цвет, размер, форма и др.). Это так называемая апперцепция, выражающаяся в зависимости восприятия от жизненного и профессионального опыта, знаний, интересов, чувств, психических особенностей человека, его определенного отношения к объекту восприятия².

Принимая во внимание изложенное, полагаем, что, во-первых, формирование объективного отношения к тому или иному объекту (предмету, событию, явлению) должно основываться на максимально нейтральном отношении к воспринятой информации, то есть

¹ Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.; СПб., 1999. С. 1405.

² См., подр.: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.; СПб, 1999. С. 62, Большой толковый словарь иностранных слов: в 3 т. Т. 1, Ростов-на-Дону, 1995. С. 136.

путем устранения (игнорирования) всего, непосредственно не относящегося к этой информации, в том числе факторов личностного характера – личных эмоций, убеждений, пристрастий, мотивов, идеалов. Как отмечает В. И. Пржиленский, анализируя позицию Э. Агацци для того, чтобы дать определение понятию «объективность», необходимо преодолеть понятие «субъективность» через отрицание. Иными словами, «объективный» не столько означает «принадлежащий объекту», сколько «принадлежащий только объекту», либо «не имеющий ничего от субъекта»¹.

Во-вторых, формированию объективного отношения к тому или иному объекту (предмету, событию, явлению) предшествует определенный последовательный процесс, состоящий из нескольких этапов:

- восприятие, которое: а) складывается из ощущений² и поэтому осуществляется с помощью органов чувств (зрения, слуха, осязания, обоняния, тактильной чувствительности в сочетании с костно-мышечным чувством) и технических средств, которые расширяют возможности чувственного восприятия; б) представляет собой «сложный процесс приема и преобразования информации»³, обеспечивающий отражение целого объекта (предмета, события, явления) в совокупности его свойств и качеств, выделение его основных признаков и их информационного содержания и сопоставление воспринятого комплекса признаков с имеющимися знаниями об этом объекте (предмете, событии, явлении), жизненным и профессиональным опытом, убеждениями, идеалами, пристрастиями, личными эмоциями; в) должно быть непосредственным, целостным (то есть путем восприятия не отдельных свойств объекта, предмета, события, явления, а его целостного образа) и верным (то есть максимально точным, без каких-либо искажений);
- оценка качества и значения воспринятой информации о конкретном объекте (предмете, событии, явлении);
- оценка воспринятой информации на предмет соотношения с другой уже имеющейся информацией;

¹ Пржиленский В. И. Теоретико-познавательные основы уголовного судопроизводства в контексте возможностей его цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 26.

² Ощущение – отражение свойств реальности, возникающее в результате воздействия их на органы чувств и возбуждения нервных центров головного мозга. Виды ощущений многообразны: осязательные, зрительные, слуховые, обонятельные и т. д. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.; СПб., 1999. С. 865.

³ Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.; СПб., 1999. С. 227.

– формирование собственного мнения (суждения) о качестве и значении воспринятой информации о конкретном объекте (предмете, событии, явлении);

– выполнение действия (действий) или принятие обоснованного решения (решений), базирующегося на собственном мнении, основанном на верно воспринятой и оцененной информации.

Полагаем, что в определенных случаях воспринятая и оцененная информация должна быть тем или иным способом передана (воспроизведена, зафиксирована), например, для ее последующего восприятия третьими лицами. В этих случаях для формирования объективного отношения к тому или иному объекту (предмету, событию, явлению) необходима точная передача (воспроизведение, фиксация) полученной информации об этом объекте (предмете, событии, явлении). При этом оценка качества и значения такой информации может не быть единовременной, то есть только лишь после ее восприятия, а довольно растянутой во времени. Такая оценка возможна и в отношении уже переданной (воспроизведенной, зафиксированной) информации.

Необходимо иметь в виду, что наибольшая вероятность искажения информации присутствует именно при передаче информации. Степень искажения при этом может быть разной. Зависит это от полноты и точности передачи информации лицом, передающим эту информацию. Кроме этого, достоверность передачи информации зависит также от субъективных особенностей воспринимающего информацию лица, от его субъективных способностей к полному и точному восприятию информации. Для определенного круга лиц достаточно воспринять довольно ограниченный объем информации, чтобы четко и полно воспринять точную и объективную картину того или иного события. В то же время определенный круг лиц, даже при наличии избыточной информации о том или ином событии, затрудняется точно и объективно воспринять полную и объективную картину произошедшего события. Зависит это напрямую от субъективных психических особенностей и когнитивных способностей личности.

Таким образом, изложенное позволяет прийти к выводу, что понятие «объективность какой-либо деятельности» следует отнести к числу некорректных, так как сама по себе деятельность не может быть ни субъективной, ни объективной, поскольку, как отмечалось выше, это свойство присуще человеку и является одним из аспектов его отношения к кому-либо или чему-либо. На наш взгляд, вернее было бы говорить не об объективности той или иной деятельности, а об объективности субъектов, ее осуществляющих.

Не менее важным является понятие деятельности, которую следует рассматривать как систему – «отграниченное множество взаимодействующих элементов»¹. Основными структурными элементами этой системы являются следующие: окончательная (основная) цель, как планируемый или предполагаемый результат деятельности, и промежуточные цели, достижение которых создает предпосылки, служит достижению основной цели; мотив (мотивы), которым руководствуется субъект деятельности, то есть то, для чего деятельность осуществляется; планирование деятельности с учетом прогнозируемых изменений условий, в которых будет осуществляться деятельность; принятие решения о выполнении конкретного действия и способа (способов) его осуществления; конкретное действие (действия), которое совершается для достижения соответствующей промежуточной цели и его (их) результат; окончательный (синтезированный) результат всей совокупности действий (всего процесса деятельности).

Действие, являясь элементом системы «деятельность», имеет сходную с ней структуру, в которой выделяются цель, мотив, планирование конкретного действия, включая способ его совершения в конкретной ситуации, ожидаемый и полученный результат. При этом действия, совершаемые в процессе деятельности, подразделяются на сенсорные, то есть чувственные (действия по восприятию объекта), мыслительные (умственные, волевые, действия памяти), моторные (двигательные), направленные на изменение состояния или свойств предметов внешнего мира.

В этой связи уместен следующий вопрос: справедливо ли утверждать, что субъект (субъекты), осуществляющий тот или иной вид деятельности, будет объективен лишь в том случае, если он объективен при совершении всех без исключения действий, входящих в систему этой деятельности?

На наш взгляд, здесь все не так однозначно. Так, сенсорные действия совершаются с помощью органов чувств (зрения, слуха, осязания, обоняния, тактильной чувствительности), с помощью которых субъект получает информацию (в его мозг поступает информация) о конкретном объекте (предмете, событии, явлении), преобразовывает ее и оценивает.

Таким образом,

– во-первых, ощущения и восприятие имеют близкое родство с мыслительными действиями, так как именно последние обеспечивают выделение основных признаков чувственно воспринятого объ-

¹ Аверьянов А. Н. Системное познание мира. М., 1985. С. 43.

екта (предмета, события, явления), сопоставление этой информации с имеющимися знаниями о данном объекте (предмете, событии, явлении), оценку этой информации и формирование собственного суждения о ее качестве и значении;

– во-вторых, по мнению В. В. Байдука, информация, заключенная в сенсорных образах (то есть в отражении человеком явлений действительности в ощущениях, восприятиях и представлениях), является объективной. В подтверждение своей позиции автор приводит следующий пример: одно и то же дерево на одинаковом расстоянии и при нормальном зрении разные индивиды воспримут одинаково. Между тем, информация, которая заключена в чувствах, является субъективной, так как в них отражается не сам по себе объект как таковой, а отношение к нему человека (поэтому отражение дерева в чувствах всеми теми индивидами, которые в сенсорном отражении воспринимали его одинаково, будет разным (одни, например, воспримут это дерево с точки зрения полезности, другие – с точки зрения красоты и т. д.)¹;

– в-третьих, объективность субъекта, совершающего сенсорные действия (и, как следствие, объективность результатов этих действий), обеспечивается целостным и максимально точным восприятием им информации об объекте (предмете, событии, явлении). Такой целостности и максимальной точности восприятия, на наш взгляд, может способствовать применение субъектом соответствующих технических средств (приборов, различного оборудования, технических устройств, вычислительной техники и др.), расширяющих возможности его чувственного восприятия. Наиболее яркими примерами в подтверждение данного тезиса могут послужить такие виды деятельности, как медицина, микробиология или экспертная деятельность, осуществление которых без применения соответствующих технических средств в современных реалиях не представляется возможным.

Моторные (двигательные) действия, на наш взгляд, в значительной мере зависят от мыслительных действий субъекта деятельности, так как последние, во-первых, предшествуют сознательным и целенаправленным моторным действиям (для определения возможных путей решения проблемы, цели и задач и т. п.); во-вторых, осуществляются в процессе совершения моторных действий (в частности, с целью их корректировки в соответствии со складывающейся ситуацией); в-третьих, совершаются также после непосредствен-

¹ Байдук В. В. О гармонии и дисгармонии чувств, интеллекта и воли в саморазвитии личности // Педагогическое образование в России. 2019. № 6. С. 32.

ного выполнения моторных действий (например, с целью оценки полученного результата). Следовательно, мыслительные действия сопровождают не только выполнение двигательных действий, но их подготовку (организацию) и оценку полученного результата.

В отношении мыслительных действий полагаем необходимым отметить, что в их основе лежит мышление, которое:

- определяется как процесс отражения в психике взаимосвязей между объектами и явлениями действительности¹;

- является высшей ступенью человеческого познания, позволяющей получать знания о таких объектах, свойствах и отношениях реального мира, которые не могут быть непосредственно восприняты на чувственной ступени познания²;

- в отличие от сенсорных действий, отличающихся непосредственным характером (то есть совершающихся посредством ощущений и восприятия цвета, звука, формы и др.), имеет опосредованный характер (отличается опосредованным отражением);

- осуществляется в трех формах – суждениях, умозаключениях, понятиях с использованием логических операций – анализа, синтеза, сравнения, обобщения, абстрагирования.

Именно в силу приведенных особенностей мыслительных действий исследователи сходятся во мнении, что «та чувственная картина мира, которую ежедневно дают наши ощущения и восприятия, необходима, но недостаточна для его глубокого, всестороннего познания»³. «Наше познание объективной действительности начинается с ощущений и восприятия. Но, начинаясь с ощущений и восприятия, познание действительности не заканчивается ими. От ощущения и восприятия оно переходит к мышлению»⁴.

Субъект, совершающий интуитивные (от лат. *intueri* – всматривание) мыслительные действия, которые основываются на глубоких знаниях в конкретной области в сочетании с профессиональным или жизненным опытом, что позволяет быстро предлагать решение определенной проблемы, задачи, в большей степени может быть субъективным по сравнению с субъектом, совершающим абстрактно-логические или аналитические мыслительные действия. Результат интуитивных мыслительных действий в некотором роде сродни догадке, своего рода озарению и, как следствие, предвос-

¹Корниенко А. Ф. Сущность процессов мышления и мыслительной деятельности // Научный диалог. 2013. С. 50.

²Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.; СПб., 1999. С. 774.

³Петровский А. В. Психология. М., 2000. С. 431.

⁴Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2001. С. 309.

хищению еще неполученного решения проблемы, задачи (иного результата), поэтому в отсутствие критичности, влекущей необходимость последующей проверки предвосхищенного результата, то или иное совпадение может быть расценено как объяснение, а еще не полученный, но угаданный результат – как единственно правильный и окончательный.

Исходя из изложенного, полагаем, что объективность субъекта, осуществляющего определенный вид деятельности, в том числе предварительное расследование, обеспечивается сознательным и целенаправленным выполнением им мыслительных действий. Данный вывод основывается на том, что мышление имеет сугубо объективное основание по следующим причинам: а) необходимость мышления вызывается необходимостью разрешения объективных противоречий; б) мыслительная деятельность создает модель практической деятельности, которая основывается на объективных свойствах предметов. Логика развития мышления должна корректироваться с объективными качествами, свойствами, отношениями. Из этого следует, что мышление, которое не исходит из этих объективных качеств, свойств, отношений, не подвергается периодической практической апробации, может стать недействительным, иллюзорным¹.

Наряду с этим именно мыслительные действия обеспечивают, во-первых, формирование осознанного максимально нейтрального отношения субъекта к воспринятой им информации о конкретном объекте (предмете, событии, явлении); во-вторых, оценку этим субъектом качества и значения воспринятой им информации о конкретном объекте (предмете, событии, явлении); в-третьих, формирование этим субъектом собственного мнения (суждения) о качестве и значении воспринятой им информации о конкретном объекте (предмете, событии, явлении). И, наконец, именно мыслительные действия, являющиеся элементами системы «деятельность», служат своего рода основой иных видов действий, также являющихся элементами данной системы. Это выражается в том, что мыслительные действия предшествуют выполнению сознательных и целенаправленных сенсорных действий, совершаются до и в процессе сознательных и целенаправленных моторных действий, позволяют оценить результат (результаты) сенсорных и моторных действий, а также принять обоснованное решение (решения).

¹ Асадов А. И. Заметки о философском статусе понятия «мышление» // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 170.

Каким же образом можно обеспечить правильность и объективность мыслительных действий, их «первенство» по сравнению с сенсорными и моторными действиями?

Согласно общепризнанной позиции ученых-философов – с помощью законов логики, которые выступают в качестве принципов правильного рассуждения в процессе доказательства истинных суждений и опровержения ложных, то есть которые определяют, как правильно мыслить. «Действию этих законов подчиняются все наши мысли, независимо от конкретного содержания этих мыслей. Если в том или ином рассуждении не соблюден один из этих законов правильного построения мыслей, прийти к верному выводу в результате рассуждения невозможно»¹. Иными словами, рассуждать логично – значит мыслить в соответствии с законами логики, являющимися объективными, то есть не зависящими от воли, сознания и эмоций человека. Именно законы логики выступают в качестве своего рода остова (скелета) последовательных рассуждений, в отсутствие которого эти рассуждения превращаются в хаотическую, бессвязную речь². Основополагающими из их числа являются следующие: закон тождества (лат. *lex identitatis*), закон непротиворечия (лат. *lex contradictionis*), закон исключения третьего (лат. *lex exclusi tertii sive medii inter duo contradictoria*), закон достаточного основания (лат. *lex rationis determinantis sive sufficientis*).

Отклонение процесса мышления от законов логики (например, когда одно понятие или тезис подменяется другим, когда тождественные мысли выдаются за различные, а различные – за тождественные, когда одно и тоже высказывание одновременно признается истинным и ложным или когда высказывание и его отрицание одновременно признаются истинными и др.) однозначно расценивается как ошибка мышления, подлежащая исправлению в соответствии с этими законами. Это обусловлено тем, что законы логики, определяющие, как мыслить, позволяют обеспечить правильность мышления и, как следствие, обеспечивают приоритет законов логики над индивидуальным мыслительным процессом. Следовательно, мышление, не соответствующее этим законам, не является правиль-

¹ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. Второе, исправ. и дополн. изд. М., 1975. С. 310–311.

² См., подр.: Кондаков Н. И. Указ. соч. С. 310–313; Волкова Т. И. Законы традиционной логики как основа врачебного мышления // Известия высших учебных заведений Уральский регион. 2016. № 3. С. 72–82.

ным, адекватным предмету мысли и поэтому подлежит корректровке¹.

Представляется, что продемонстрированный выше подход применим как к деятельности «предварительное расследование» в целом с обязательным учетом специфики этого вида деятельности, которая была рассмотрена в первом параграфе настоящей главы, так и к объективности субъекта, осуществляющего предварительное расследование (с учетом процессуального статуса этого уполномоченного уголовно-процессуальным законом должностного лица).

Однако в этой связи закономерен вопрос: что может обеспечить объективность субъекта такого специфичного вида деятельности, каковым является предварительное расследование?

По мнению С. В. Власовой, объективность расследования преступлений (в первую очередь противоправных деяний в сфере использования цифровой информации) могут обеспечить следующие нововведения: глобальная цифровизация досудебного уголовного производства; замена следователя любым субъектом, который сможет с помощью информационных технологий получить информацию о преступнике (в данном случае речь идет о том, что субъектом расследования может быть программист, специалист по информационной безопасности, а также «робот» (компьютер)); отказ от уголовного дела в традиционном его понимании и переход на открытую, состязательную модель получения-передачи информации суду (передача этой информации суду возможна как следователем, так и любым иным субъектом, вступившим в дело в качестве стороны или третьего лица, при условии, что доказательство из этой информации формируется только в судебном заседании при перекрестном исследовании источников и содержания информации (цифровой))².

Сходную с позицией С. В. Власовой занимает и профессор А. С. Александров, по сути, сводящий цифровизацию уголовного судопроизводства к ликвидации следственного аппарата и его замены программистами, профессиональными «антихакерами», «роботами»³.

¹ См., подр.: Предеина М. Ю. Проблема критериев адекватности законов мышления и познания «реальному» бытию идеального // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2013. Т. 13. № 1. С. 170–172.

² Власова С. В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 9–18.

³ Александров А. С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 130–139.

Позиция С. В. Власовой и А. С. Александрова представляется излишне радикальной и недостаточно аргументированной. С одной стороны, замена следователя некими интеллектуальными агентами, работающими в связке с «роботом», с другой – привлечение не в полной мере понятно каких людей в неких стыковых этапах, требующих принятия творческих, оригинальных решений, на наш взгляд, не могут служить гарантией объективности никого из лиц, которых авторы предлагают в качестве участников модернизированного уголовного процесса.

В силу изложенного мы поддерживаем точку зрения В. И. Пржиленского, который, отмечая стремление правоохранителей к объективности, считает, что в современных условиях объективность выступает в трех ипостасях: в качестве ценности, характеризующей идеал строго и истинного знания; как теоретическое понятие, объясняющее свойства достоверных утверждений; в качестве операционального понятия, позволяющего конструировать формы и процедуры правоприменительной практики, при этом данный автор, указывая на необходимость определения тех процедур в уголовном процессе, в которых может проявиться человеческая субъективность, выражает сомнение в том, что в условиях цифровизации уголовного судопроизводства перепоручение машине указанных процедур позволит искоренить или снизить негативные последствия, связанные с понятием субъективности (например, заменив рассказ очевидца видеозаписью, сделанной машиной)¹.

Авторы статьи «Цифровые информационные платформы как предмет нормативно-правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства» (как и С. В. Власова) видят смысл перехода к нормативно-правовому регулированию цифровых информационных платформ в сфере уголовного судопроизводства в снижении издержек и исключении субъективного фактора. Однако, указывая на недопустимость упрощенчества и примитивизма, они не конкретизируют, каким образом цифровизация уголовного судопроизводства сможет противодействовать субъективному фактору².

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о том, что возможности цифровизации уголовного судопроизводства в части хотя бы снижения субъективности должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, в современных условиях

¹ Пржиленский В. И. Указ. соч. С. 26–27.

² Григорьев В. Н., Суходолов А. П., Ованесян С. С., Спасенникова М. Г., Тюньков В. В. Цифровые информационные платформы как предмет нормативно-правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 6. С. 873–883.

не ясны, а предлагаемые исследователями варианты развития событий как минимум нуждаются в полной и надлежащей аргументации. Можно согласиться с тем, что цифровые информационные платформы действительно являются незаменимыми помощниками современного человека в любой сфере деятельности, и применительно к сфере уголовного судопроизводства они не являются исключением и действительно могут исключить или хотя бы снизить проявление субъективного фактора. Однако данный положительный аспект цифровых информационных технологий в уголовном судопроизводстве будет иметь место лишь на этапе сбора доказательств, так как последующие этапы процесса доказывания, такие как проверка и оценка доказательств, несомненно, требуют живую мыслительную деятельность уполномоченного законом лица, наделенного процессуальными правами и обязанностями.

На наш взгляд, при рассмотрении возможностей обеспечения объективности субъекта такого специфичного вида деятельности, каковым является предварительное расследование, следует учитывать ряд обстоятельств. В первую очередь необходимо указать ретроспективный характер предварительного расследования. Это обусловлено тем, что событие совершенного противоправного деяния является событием прошлого и предшествует не только предварительному расследованию, но и проверке сообщения о преступлении, за исключением случаев, когда проводится проверка сообщения (заявления) о готовящемся преступлении и его последующее расследование. Разрыв во времени между событием совершенного преступления и его непосредственным расследованием, как правило, служит естественным препятствием к точному и достоверному установлению всех обстоятельств совершенного преступления. Необходимо также отметить, что некоторые преступления представляют собой события далекого прошлого, что, безусловно, затрудняет процесс полного и достоверного установления всех обстоятельств совершенного преступления. Следствием этого являются следующие обстоятельства: субъект предварительного расследования не может лично воспринимать события, связанные с подготовкой, совершением и сокрытием преступления, а воспринимает лишь изменения в реальной действительности, возникшие под воздействием этих процессов в виде различного рода материальных следов (изменений в окружающем материальном мире, отображающих признаки внешнего строения объектов, непосредственно контактировавших с другими объектами – следов человека: ног, рук, зубов, иных частей тела; орудий и инструментов; транспортных средств и иных механизмов; животных) и интеллектуальных следов

(отображений событий, предшествующих совершению преступления, происходящих во время его совершения, а также в процессе его сокрытия в сознании человека, мысленный образ воспринятого); субъект расследования может выяснить, проверить или уточнить экспериментальным путем лишь отдельные обстоятельства события преступления, но не может опытным путем полностью повторить это событие в объективной действительности с целью выяснения, проверки или уточнения своих предположений (версий), показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, выводов судебного эксперта или заключения специалиста.

Несмотря на важность указанных обстоятельств представляется, что максимально точное исполнение требований упомянутых выше законов логики на практике в значительной степени обеспечивает объективность должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, и окажет положительное влияние на качество этой деятельности, а также на ее промежуточный окончательный результаты. Так, на требованиях закона тождества основана идентификация людей, животных, предметов, участков местности, помещений и других объектов, которые применяются, например, при производстве таких следственных действий, как предъявление для опознания, производство судебных экспертиз.

Важную роль в деятельности субъекта предварительного расследования выполняет закон противоречия, который способствует выявлению противоречий в показаниях подозреваемого (обвиняемого) и потерпевшего или свидетеля, показаниях нескольких подозреваемых (обвиняемых), нескольких потерпевших либо свидетелей. Применение данного закона логики в ходе предварительного расследования служит важным средством к планированию последующих следственных действий, проводимых с целью устранения противоречий, имеющих в ранее данных показаниях участников уголовного судопроизводства.

Недопустимы противоречия и при выдвижении версий, а также их проверке, фиксации следственных действий (например, между содержанием протокола осмотра места происшествия и приложенными к нему схемами, фототаблицами).

Большое значение в теории и практике предварительного расследования имеет закон исключенного третьего, так как, по существу, на его основе осуществляется предварительное расследование. Субъект предварительного расследования, исходя из наличия (отсутствия) признаков конкретного преступления, должен установить, совершено преступление или нет, а исходя из результатов осмотра места происшествия и заключения эксперта установить, что

произошло убийство или самоубийство, кража или инсценировка кражи. Нередко в ходе допроса следователь (дознатель) сталкивается с ситуацией, когда участники уголовного процесса (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель) дают противоречащие друг другу показания о конкретном факте либо обстоятельстве, когда в заключениях эксперта сформулированы противоречащие друг другу выводы.

Закон достаточного основания также имеет самое прямое отношение к деятельности должностного лица, осуществляющего предварительное расследование. Так, основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ст. 140 УПК РФ). В соответствии со ст. 97 УПК РФ дознаватель, следователь вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных уголовно-процессуальным законом при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый: скроется от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Таким образом, при оценке наличия оснований для принятия того или иного процессуального решения, следователь (дознатель) в обязательном порядке должен руководствоваться законом достаточного основания. Это будет служить гарантией обоснованности и объективности принимаемых процессуальных решений по уголовному делу.

Вместе с тем необходимо признать огромное значение законов логики в обеспечении объективности следователя (иного уполномоченного должностного лица) в процессе доказывания. А. Р. Белкин в работе «Теория доказывания» сформулировал следующие аксиомы, отражающие эти законы: доказываемый факт, обстоятельство и средства его доказывания должны быть явными и точно определенными с точки зрения логики; на всем протяжении процесса доказывания факта, обстоятельства доказываемое должно оставаться одним и тем же; доказываемое обстоятельство не должно быть внутренне противоречивым (иметь противоречивое содержание); нельзя одним актом доказывания пытаться доказать два логически противоречивых факта, обстоятельства; доказательства, используемые для доказывания факта, обстоятельства не должны противоречить друг другу; два доказываемых факта, обстоятельства, которые противоречат друг другу, не могут быть оба истинными или оба ложными; факты доказываются в конечном счете фактами; средства

доказывания должны быть полными; средства доказывания в своей совокупности должны служить достаточным основанием для признания доказанным факта, обстоятельства; средства доказывания сами должны быть истинными; истинность средств доказывания должна быть установлена независимо от доказываемого факта, обстоятельства¹.

Что же может служить своего рода гарантией (гарантиями) объективности субъекта предварительного расследования? Полагая, что, в первую очередь, это соблюдение норм уголовно-процессуального закона при подготовке, производстве и фиксации хода и результатов процессуальных действий и принятии процессуальных решений. Так, каждое из процессуальных действий:

- имеет свою цель, которая является промежуточной в рамках деятельности «предварительное расследование», достижение которой служит достижению основной цели рассматриваемого вида деятельности. Как правило, цели следственных и иных процессуальных действий имеют непосредственное отношение к установлению, уточнению обстоятельств, входящих в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ). Например, целью осмотра является обнаружение, фиксация и изъятие следов преступления (следов частей тела человека и используемых им объектов, орудий, инструментов, приспособлений, транспортных средств, животных), а также выяснение других обстоятельств происшедшего события (обстановки и особенностей места происшествия, окружающей среды и др.); целью освидетельствования – получение процессуально закреплённой информации, с помощью которой могут быть установлены (подтверждены, опровергнуты) обстоятельства происшедшего события (в частности, наличие на теле освидетельствуемого следов преступления различного происхождения, особых примет, выявление у освидетельствуемого внешних признаков алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для установления обстоятельств происшедшего события), если при этом не требуется производство судебной экспертизы;

- имеет строго определённый способ (правила, порядок) совершения (производства), который регламентирован уголовно-процессуальным законом (например, ст. 166 УПК РФ – протокол следственного действия; ст. 164 УПК РФ – общие правила производства следственных действий; ст. 187 УПК РФ – место и время допроса; ст. 188 УПК РФ – порядок вызова на допрос; ст. 189 УПК РФ – общие правила допроса; ст. 191 УПК РФ – общие правила проведе-

¹Белкин А. Р. Теория доказывания: науч.-метод. пособие. М., 1999. С. 64–65.

ния допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего);

- должно быть зафиксировано в определенных уголовно-процессуальном законом процессуальных документах, отражающих ход и результаты конкретного следственного или иного процессуального действия, а также в определенном уголовно-процессуальном законом порядке (в частности, ст. 180 УПК РФ – протоколы осмотра и освидетельствования; ст. 190 УПК РФ – протокол допроса);

- требует соответствующей подготовки, обеспечивающей эффективность следственного или иного процессуального действия и, как следствие, достижение его цели путем своевременного планирования каждого следственного и иного процессуального действия в отдельности и всей их совокупности, в том числе определение времени, места, участников конкретного процессуального действия, а также наиболее эффективных тактических приемов, комбинаций и операций, осуществление которых целесообразно в ходе его производства; подбор необходимых криминалистических технических средств для поиска, обнаружения, фиксации, изъятия следов преступления; подбор средств индивидуальной защиты для проведения осмотра места происшествия, в частности, на производственных участках (строительных объектах, химическом производстве и т. п.); поиск и привлечение специалистов соответствующего профиля для участия в конкретном следственном или ином процессуальном действии. Необходимо также отметить, что в ходе подготовки к производству конкретного следственного или процессуального действия, следователь (дознатель) должен своевременно позаботиться о наличии необходимой, полной и достоверной информации, требующейся для его производства. Кроме этого перед производством следственных и процессуальных действий следователь и дознаватель должны учитывать возможные сценарии их производства, в том числе возможные результаты, а также быть готовыми к применению имеющейся у них информации в соответствии с теми или иными возможными сценариями или возможными результатами их производства. Иными словами, следователь и дознаватель должны иметь несколько конкретных планов действий в зависимости от возможных сценариев и результатов производства следственных и процессуальных действий. Наличие нескольких, четко обозначенных планов действий в ходе производства следственных и процессуальных действий в разы повышает эффективность их производства и является гарантией достижения положительного результата от их производства;

– требует применения в ходе его производства тактических приемов, комбинаций и операций, которые наиболее целесообразны в складывающейся следственной ситуации и обеспечивают эффективность следственного или иного процессуального действия и достижение его цели.

Следовательно, любое процессуальное действие сопряжено с действиями непроцессуального характера (организационными, включая подготовку, планирование, подбор необходимой техники, своевременное привлечение сведущих лиц – эксперта, специалиста, а также тактическими).

Наряду с этим важной составляющей, в значительной степени обеспечивающей объективность субъекта предварительного расследования, является наличие контроля¹: процессуального контроля со стороны руководителя следственного органа (внутреннего контроля), а также осуществляемого в процессе прокурорского надзора за законностью и обоснованностью процессуальной деятельности органов предварительного следствия и судебного контроля (внешнего контроля).

Специфика внутреннего и внешнего контроля заключается в следующем: он распространяется на всю процессуальную деятельность субъекта предварительного расследования; его целью является выявление, устранение и предотвращение следственных ошибок и упущений как уголовно-процессуального характера, совершаемых при производстве процессуальных действий и принятии процессуальных решений, так и криминалистического характера, касающихся, в частности, полноты, всесторонности проведения проверок сообщений о преступлении, предварительного расследования и процессуальных действий, а также целесообразности или нецелесообразности принятия процессуальных решений.

На основании вышеизложенного следует прийти к следующим выводам:

1. Объективность – свойство, присущее конкретному человеку, который что-то определенное делает (совершает действия, осуществляет деятельность), оценивает себя либо другого человека, свою или чужую работу и ее результаты, какое-либо событие, явление, принимает конкретное решение. Объективность наряду с необъективностью – это одна из составляющих отношения человека к самому себе, кому-либо или чему-либо.

¹ Контролировать – подвергать проверке; наблюдение с целью проверки (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1964. С. 285).

2. Формирование объективного отношения к тому или иному объекту (предмету, событию, явлению) должно основываться на максимально нейтральном отношении к воспринятой информации, то есть путем устранения (игнорирования) всего непосредственно не относящегося к этой информации, в том числе факторов личностного характера – личных эмоций, убеждений, пристрастий, мотивов, идеалов.

3. Понятие «объективность какой-либо деятельности» следует отнести к числу некорректных, так как сама по себе деятельность не может быть ни субъективной, ни объективной, поскольку это свойство присуще человеку и является одним из аспектов его отношения к кому-либо или чему-либо. На наш взгляд, вернее было бы говорить не об объективности той или иной деятельности, а об объективности субъектов, ее осуществляющих.

4. Объективность субъекта, осуществляющего определенный вид деятельности обеспечивается сознательным и целенаправленным выполнением им мыслительных действий. Именно мыслительные действия обеспечивают, во-первых, формирование осознанного максимально нейтрального отношения субъекта к воспринятой им информации о конкретном объекте (предмете, событии, явлении); во-вторых, оценку этим субъектом качества и значения воспринятой им информации; в-третьих, формирование этим субъектом собственного мнения (суждения) о качестве и значении воспринятой им информации о конкретном объекте (предмете, событии, явлении).

5. При рассмотрении возможностей обеспечения объективности субъекта такого вида деятельности, каковым является предварительное расследование, следует учитывать его ретроспективный характер. Это обусловлено тем, что событие противоправного деяния предшествует не только предварительному расследованию, но и проверке сообщения о преступлении. Однако, несмотря на значимость этого обстоятельства, представляется, что не только принятие во внимание, но и максимально точное исполнение требований законов логики в значительной степени обеспечит объективность должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, и окажет положительное влияние на качество этой деятельности, а также на ее результат.

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Гарантии объективности предварительного расследования: понятие, виды, система

Слово «гарантия» имеет английский и французский корни: английский *gurance, warranty*; французский – *garantie* означает обеспечение, ручательство, поручительство, обязательство исполнения договора, сделки. В современном толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой термин «гарантия» толкуется в нескольких значениях: 1) а) обеспечение осуществления, исполнения чего-либо; поручительство; б) документ, подтверждающий такое поручительство, обязательство; 2) то, что подтверждает осуществление, исполнение чего-либо¹.

Для нас представляют интерес юридические гарантии, то есть такие обеспечительные меры, которые получили закрепление в нормах закона. Именно они имеют решающее значение для формирования объективной позиции следователя и дознавателя при производстве предварительного расследования по уголовным делам. Но отрицать при этом весомое влияние нравственных, социально-экономических, психологических и иных гарантий на обеспечение объективности в ходе предварительного расследования не приходится, так как все вышеуказанные гарантии тесно связаны между собой, взаимообуславливают и взаимодополняют друг друга.

Исследуя нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователей, И. А. Антонов обоснованно приходит к выводу, что нравственность уголовного судопроизводства – это не только нравственная обоснованность уголовно-процессуальных норм, но и этическая безупречность самой деятельности органов предварительного расследования, прокурора и суда по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел, поскольку нравственность закона, умноженная на нравственные принципы лица, применяющего этот закон, способна породить действительно эффективную правовую политику².

¹ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. URL: <http://slovarus.ru/index.php> (дата обращения: 06.04.2022).

² Антонов И. А. Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователей. СПб., 2003. С. 22.

Юридические гарантии с точки зрения верховенства закона можно с достаточной долей условности разделить на международные, конституционные и отраслевые, а среди последних следует выделить уголовно-процессуальные гарантии, как представляющие непосредственный интерес.

Вопрос об уголовно-процессуальных гарантиях, их понятии, видах, системе относится к числу дискуссионных.

Некоторые авторы считают, что «уголовно-процессуальные гарантии» – это термин, который используется исключительно в науке уголовно-процессуального права, а в уголовно-процессуальном законодательстве и международных правовых актах о правах человека он не используется¹. Действительно, законодательного определения указанного термина в этих нормативных актах не имеется, что не мешает его использованию в этих же нормативных правовых актах, правда, в весьма ограниченных случаях.

В решениях Европейского Суда по правам человека рассматриваемый термин применяется достаточно часто. Так, в постановлении Европейского Суда по правам человека по жалобе № 40288/06 «Наимджон Якубов против Российской Федерации» указано (п. 73), что возможность для заключенного быть услышанным либо лично, либо посредством представителя является одной из фундаментальных гарантий процедуры, применяемой в делах о лишении свободы², при этом определение понятия «фундаментальных гарантий», либо просто «гарантий», как было указано выше, в этих источниках отсутствует.

Один из крупных ученых отечественной науки уголовного процесса М.С. Строгович под процессуальными гарантиями понимал установленные законом средства, при помощи которых участвующие в уголовном процессе граждане могут защищать свои права и интересы³. Практически аналогичное определение дает и Т. Н. Добровольская, считая, что уголовно-процессуальные гарантии прав участников уголовного судопроизводства – это установленные нормами уголовно-процессуального закона различные по своему конкретному содержанию средства, в совокупности обес-

¹ Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000. С. 42.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 20.12.2016. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 14.02.2022).

³ Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 83.

печаивающие участвующим в деле лицам возможность реализовать предоставленные им права¹.

Анализируя позиции ученых по вопросу о процессуальных гарантиях, можно прийти к выводу, что речь идет об обеспечении прав и законных интересов участников уголовного процесса субъектами уголовной юстиции², и под гарантиями в уголовном судопроизводстве понимаются:

- то или иное средство обеспечения³;
- меры, обеспечивающие возможность реализации физическим лицом принадлежащих ему прав и свобод⁴;
- условия и средства, обеспечивающие фактическую реализацию и полную охрану прав и свобод человека⁵.

Так, некоторые авторы считают, что процессуальные гарантии – это средства, с помощью которых возможна реализация прав участников процесса, поскольку их отсутствие может превратить права личности в декларативные формулы⁶. Следует согласиться с мнением авторов работы, посвященной гарантиям прав участников уголовного судопроизводства, что правовой статус личности останется декларацией, если в государстве и в обществе не будет создан соответствующий механизм гарантий реализации соответствующих прав⁷.

Другие ученые полагают, что процессуальные гарантии – это обязанности лиц, ведущих уголовное судопроизводство, так как

¹ Добровольская Т. Н. Гарантии прав граждан в уголовном судопроизводстве // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 133.

² Морева Е. Ю. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе // Новый юридический вестник. 2017. № 2 (2). С. 50–53; Рогожкина Р. Г. Участие педагога (психолога) как гарантия защиты прав несовершеннолетнего в уголовном процессе // Openinnovation: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2-х ч. 2017. С. 135–137; Жиляев Р. М., Строгович Ю. Н. К вопросу о гарантиях независимости адвоката в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2017. № 5. С. 39–44 и др.

³ Багаутдинов Ф. Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. М., 2004. С. 53.

⁴ Государственное право Российской Федерации / под ред. О. Е. Кутафина. М., 1993. Т. 1. С. 220.

⁵ Витрук Н. В. О юридических средствах обеспечения реализации и охраны прав советских граждан // Правоведение. 1964. № 4. С. 29.

⁶ Мартынич Е. Г. Субъективные права обвиняемого и их процессуальные гарантии // Советское государство и право. 1976. № 7. С. 92.

⁷ Волколуп О. В., Чупилкин Ю. Б. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства Российской Федерации: пособие. 2-е изд., испр. и дополн. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2005. С. 6.

их обязанности соответствуют правам обвиняемого и иных участников процесса¹.

Представляется, что сами по себе процессуальные права или обязанности, которыми наделил закон участников уголовного судопроизводства, не могут быть процессуальными гарантиями, поскольку, по справедливому мнению С. Ю. Францифоровой², являются объективным выражением субъективных прав лиц, являющихся гражданами Российской Федерации. Лишь реальное обеспечение исполнения, то есть надлежащий механизм реализации данных прав будет способствовать осуществлению процессуальных гарантий и полноценной реализации назначения уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает правовой статус всех участников уголовного процесса, наделяя их соответствующими правами, обязанностями и ответственностью. В этой связи следует признать обоснованной позицию авторов, считающих, что право на чужие действия всегда требует корреспондирующей обязанности, поскольку, если поведение лица не связать юридической обязанностью, то право реализовать будет невозможно³.

Действительно, уголовно-процессуальным отношениям свойственно то, что, с одной стороны, таких правоотношений выступает соответствующее должностное лицо, наделенное государством властными полномочиями, с другой – лицо, подчиняющееся данной воле.

Указанное справедливо и в отношении субъектов уголовной юстиции, которые хоть и наделены по сравнению с другими участниками уголовного судопроизводства властными полномочиями, но их деятельность также носит подконтрольный и поднадзорный характер, в связи с чем вполне обоснованно может идти речь и о гарантиях деятельности данных субъектов, в том числе и о гарантиях их объективности при расследовании преступлений.

Следует согласиться с мнением П. А. Лупинской, определившей процессуальные гарантии как содержащиеся в нормах права правовые средства, обеспечивающие *всем* субъектам уголовно-процессуальной деятельности возможность выполнять обязанности

¹ Мордовец А. С. Гарантии прав личности: понятие и классификации // Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 1995. С. 240–241.

² Францифорова С. Ю. Гарантии обеспечения права личности в уголовном судопроизводстве // Известия Саратовского университета. Т. 8. 2008. Сер. Экономика. Управление. Право. Вып.1. С. 69.

³ Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М., 1989. С. 113.

и использовать предоставленные права¹. Аналогичную позицию занимает Э. Ф. Куцова, которая считает, что сущность гарантий проявляется не только в правах и обязанностях органов и лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, но и в правах и обязанностях должностных лиц, осуществляющих данное производство².

Таким образом, уголовно-процессуальные гарантии имеют двоякий характер: с одной стороны, это процессуальные гарантии, обеспечивающие права и обязанности участников уголовного процесса, не являющихся субъектами уголовной юрисдикции, а с другой стороны, гарантии процессуальной деятельности дознавателя, следователя и иных субъектов уголовной юстиции, обеспечивающие объективность, законность и обоснованность принятых ими решений при расследовании преступлений.

Подводя итог изложенному выше, следует прийти к выводу, что процессуальные гарантии – это средства, обеспечительные меры, позволяющие (обеспечивающие возможность) реализовать свои права всем субъектам уголовного процесса.

Вопрос о системе гарантий в науке уголовного процесса, как отмечалось выше, также является достаточно спорным и неоднозначным.

Анализ позиций ученых³ позволил прийти к выводу, что в систему процессуальных гарантий относят: процессуальные нормы и закрепленные в них права и обязанности участников процесса; принципы судопроизводства; различные процессуальные институты; уголовно-процессуальную форму; деятельность участников судопроизводства; процессуальное принуждение; процессуальные санкции. В. В. Уланов и И. В. Мисник отмечают, что в Минимальных стандартных правилах ООН обозначены главные процессуальные гарантии, такие как презумпция невиновности, право на при-

¹ Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П. А. Лупинской. М., 2005. С. 53.

² Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1972. С. 4.

³ Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 127–128, 189; Ларин А. М. Рец. на кн.: Мартынич Е. Г. Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции. Кишинев, 1975 // Сов. государство и право. 1977. № 7. С. 160–161; Мартынич Е. Г. Субъективные права обвиняемого и их процессуальные гарантии // Сов. государство и право. 1976. № 7. С. 92; Давыдов П. М. Дифференциация и гарантии в уголовном судопроизводстве // В кн.: Гарантии прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Свердловск, 1975. С. 5–11; Добровольская Т. Н., Элькин П. С. Принципиальное единство уголовно-процессуальной формы – важная гарантия законности правосудия и прав личности // В кн.: Гарантии прав личности в социалистическом уголовном праве и процессе. Ярославль, 1977. С. 3–9 и др.

глашение адвоката, право на ознакомление с предъявленным обвинением и другие¹.

Л. Д. Кокорев и В. З. Лукашевич считают, что в систему гарантий входят: принципы уголовного правосудия; уголовно-процессуальные нормы, закрепляющие права и обязанности участников судопроизводства; процессуальная форма; деятельность участников уголовного судопроизводства; система проверки законности и обоснованности процессуальных действий и решений².

На наш взгляд, гарантиями обеспечения объективной позиции следователя и дознавателя в ходе производства ими предварительного расследования будет являться не столько установление на законодательном уровне процессуальных сроков, сколько, во-первых, точность, адекватность, внутренняя непротиворечивость, последовательность и логичность всех норм уголовно-процессуального закона и, во-вторых, точное исполнение указанных норм абсолютно всеми субъектами уголовного процесса.

Статья 37 УПК РФ, регламентирующая процессуальный статус следователя, перечня обязанностей, как собственно и перечня его прав, не содержит (в отличие от участников процесса, защищающих личный или представляемый интерес), что вряд ли свидетельствует о диспозитивности данной нормы. Необходимо при этом признать, что в определенных случаях право следователя автоматически превращается в его обязанность, даже при отсутствии на это прямого нормативного указания. Следователь имеет право (полномочен) возбудить уголовное дело, но при установлении законного повода и достаточных оснований для возбуждения уголовного дела публичного обвинения, указанное право превращается в его обязанность (ст. 21 УПК РФ). При этом хотелось бы отметить, что хотя указанная норма и называется «Обязанность осуществления уголовного преследования», императива для следователя (как, впрочем, и иных субъектов уголовной юрисдикции) при этом не содержит (законодатель применяет слова «осуществляют», «применяют меры»), распространяя обязательность лишь на выполнение учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами соответствующих требований, поручений и запросов, поступивших от субъектов уголовной юрисдикции. Таким образом,

¹ Уланов В. В., Мисник В. И. К вопросу о правовом статусе несовершеннолетних на стадиях уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2017. № 23. С. 34–36.

² Кокорев Л. Д., Лукашевич В. З. Процессуальные гарантии прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве // Вестник Ленингр. ун-та. 1977. № 11. Экономика, философия, право. Вып. 2. С. 110.

приходится признать, что название анализируемой статьи не в полной мере отражает ее содержание, поскольку обязанности осуществления следователем (как и иными уполномоченными должностными лицами) уголовного преследования не содержит.

Принимая во внимание, что основное функциональное назначение следователя (дознавателя) – осуществление уголовного преследования, поэтому представляется необходимым отразить это в анализируемой норме закона, приведя тем самым в полное соответствие ее название с содержанием, а именно указав в ч. 2 ст. 21 УПК РФ на обязанность следователя (дознавателя) возбуждать уголовные дела и принимать меры к изобличению лица, совершившего преступление.

В науке уголовного процесса сложилось достаточно устойчивое мнение о фактическом наличии в уголовном судопроизводстве процессуальной ответственности, при этом правовая регламентация данного явления до настоящего времени отсутствует. Указанное обстоятельство требует самостоятельного научного исследования, поскольку возможность наступления процессуальной ответственности для нарушителей уголовно-процессуального закона, включая субъектов уголовной юрисдикции, будет служить эффективным процессуальным средством обеспечения объективного, беспристрастного поведения должностных лиц, непосредственно расследующих преступления и принимающих процессуальные решения по уголовным делам, определяя тем самым направления их дальнейшего движения.

Анализируя уголовно-процессуальные гарантии, необходимо констатировать, что они не могут существовать изолированно как друг от друга, так и в целом от процессуального порядка, регламентированного законом, так как являются непосредственными, взаимосвязанными элементами одной и той же закономерной системы. Действительно, трудно себе представить какую-нибудь гарантию, средство обеспечения, способное автономно, без содействия других гарантий, реализовать те или иные правоотношения. Следует согласиться с мнением, что все то, что в той или иной мере содействует достижению определенных результатов и обеспечивает определенное состояние, может быть расценено как гарантия соответствующей деятельности или состояния, потому что способствует деятельности, защищает состояние, то есть гарантирует их¹. Действительно, процессуальные гарантии представляют собой совокупность взаи-

¹ Кирдина Н. А. Процессуальные гарантии объективности производства следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 193 с.

мообусловленных, взаимосвязанных, взаимозависимых средств, образующих единую систему гарантий, единый обеспечительный механизм.

Анализ юридической литературы, посвященной уголовно-процессуальным гарантиям, позволил прийти к выводу, что авторы предпочитают рассматривать процессуальные гарантии с разных сторон, исследуя таким образом лишь отдельные структурные элементы данной системы. Так, большинство работ связано с гарантиями обеспечения прав личности в уголовном процессе¹, другие авторы более подробно исследуют гарантии прав определенных участников уголовного процесса², третьи рассматривают гарантии объективности производства всех следственных действий³, либо какого-то одного⁴ и т. п., что позволяет более подробно исследовать механизм взаимодействия гарантий, дать их классификацию.

В этой связи отметим, что вопрос классификации гарантий всегда относился к числу приоритетных в отечественной науке уголовного процесса.

С. Б. Россинский выделяет три вида процессуальных гарантий: 1) законность (процессуальные формы, разграничение функций между участниками процесса, прокурорский надзор и судебный контроль над деятельностью субъектов уголовной юстиции, возможность пересмотра судебных решений в вышестоящих инстанциях); 2) обеспечение достижения истины в уголовном процессе,

¹ См., напр.: Волколуп О. В., Чупилкин Ю. Б. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства Российской Федерации: пособие. 2-е изд., испр. и дополн. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2005; Кокорев Л. Д., Лукашевич В. З. Процессуальные гарантии прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве // Вестник Ленингр. ун-та. 1977. № 11. Экономика, философия, право. Вып. 2.; Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1972; Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000 и др.

² См., напр.: Качалов В. И. О процессуальных гарантиях прав обвиняемого в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2019. № 9. С. 86–93; Мартынич Е. Г. Субъективные права обвиняемого и их процессуальные гарантии // Сов. государство и право. 1976. № 7. С. 92; Жилиев Р. М., Строгович Ю. Н. К вопросу о гарантиях независимости адвоката в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2017. № 5. С. 39–44; Ширеторова Л. П. Уголовно-процессуальные гарантии защиты прав иностранных граждан в Российской Федерации // Вестник Бурятского государственного университета. 2007. № 2. С. 120–122 и др.

³ См., напр.: Кирдина Н. А. Процессуальные гарантии объективности производства следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.

⁴ См., напр.: Моторин А. С. Производство допроса в контексте современной системы уголовно-процессуальных гарантий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009; Дунаева М. С. Об уголовно-процессуальных гарантиях тайны связи при проведении контроля и записи переговоров // Юридические науки. 2011. № 3. С. 35–36 и др.

которое связано с властными полномочиями субъектов уголовной юстиции (например, избрание мер процессуального принуждения); 3) обеспечение прав и свобод участников уголовного судопроизводства (принципы уголовного процесса)¹. Данная классификация вызывает определенные вопросы, поскольку, во-первых, не понятны основания предложенной автором классификации; во-вторых, представляется, что в современных условиях, помимо прокурорского надзора и судебного контроля, важную роль играет ведомственный контроль за процессуальной деятельностью следователя и дознавателя.

Исходя из вышеизложенного, представляется, что гарантии объективности предварительного расследования, несомненно, являются структурным элементом системы процессуальных гарантий, и которые можно классифицировать (по отношению к субъектам уголовного судопроизводства) на две группы:

- гарантии прав субъектов уголовной юстиции, осуществляющих предварительное расследование преступлений (дознаватель, следователь и др.);
- гарантии прав участников уголовного процесса, не являющихся субъектами уголовной юстиции (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и др.).

При этом можно выделить то общее, что характеризует связь этих двух групп гарантий объективности расследования и является их неизменным условием:

- точное, логичное и непротиворечивое нормативное определение правового статуса и компетенции всех участников уголовного процесса;
- логичность и непротиворечивость норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих предварительное расследование;
- неукоснительное выполнение требований уголовно-процессуального закона всеми участниками уголовного процесса;
- наличие судебного контроля за обеспечением прав и законных интересов участников процесса, прокурорского надзора за соблюдением законов при осуществлении предварительного расследования и процессуального контроля со стороны руководителя следственного органа и органа дознания.

Объективность следователя (иного уполномоченного лица) в ходе предварительного расследования обеспечивается сознательным и целенаправленным выполнением им мыслительных действий

¹Россинский С. Б. Уголовный процесс России. М., 2008. С. 21–22.

(мышления), которые являются основой полного и всестороннего познания всех обстоятельств совершенного преступления. В этой связи интерес представляет исследование, проведенное Ю. П. Боруленковым, который, обстоятельно проанализировав представленные в юридической литературе позиции ученых, сформулировал перечень следственных ошибок, оказывающих существенное негативное влияние на результаты юридического познания¹, с учетом сказанного и на объективность следователя (иного уполномоченного лица).

К таким следственным ошибкам данный автор относит: отсутствие планирования; некачественную аналитическую работу; неправильную координацию деятельности сотрудников правоохранительных органов; отсутствие взаимодействия между следователями и сотрудниками правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность; недоведение до следователя информации, полученной в результате оперативно-розыскных действий; несвоевременность возбуждения и принятия уголовного дела к производству; несвоевременность принятия решения о создании следственной группы; несвоевременное и неквалифицированное производство следственных действий и их протоколирование (в том числе неправильная упаковка изымаемых в ходе следственных действий объектов); ошибки при назначении судебных экспертиз (неназначение, несвоевременное назначение необходимых экспертиз, в том числе тех, которые должны проводиться в обязательном порядке; неполноту вопросов, поставленных на разрешение эксперта; неумелое и неполное использование полученной доказательственной информации; недостатки, связанные с оценкой доказательств (в основу выводов положена недостаточная совокупность доказательств; противоречивость выводов следователя; безмотивное отвержение доказательств; противоречивость следственных версий); односторонность и неполнота предварительного следствия, выразившиеся в недоказанности отдельных элементов предмета доказывания или вины в целом; ошибки, связанные с нарушением права обвиняемого на защиту (подозреваемому и обвиняемому не разъясняются или неполно разъясняются их права, в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого неполностью излагаются фактические обстоятельства деяний, вменяемых в вину)².

Следует отметить, что значительная часть приведенных следственных ошибок лежат во внепроцессуальной плоскости.

¹ Боруленков Ю. П. Правовые ошибки: постановка проблемы // Российский следователь. 2014. № 7. С. 47.

² Там же.

Но, несмотря на это, ошибки эти в той или иной степени негативно влияют на объективность уполномоченного лица, а вместе с тем на достоверность и полноту получаемых результатов предварительного расследования и соответственно на обоснованность и справедливость принимаемых процессуальных решений.

Полагаем, что объективность уполномоченного лица при реализации процессуальной и познавательной (познавательно-удостоверительной) деятельности при производстве предварительного расследования должна обеспечиваться не только системой процессуальных гарантий, но также гарантиями непроцессуального характера, которые в единстве с процессуальными гарантиями образуют систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов.

Целесообразность выделения отдельного блока (системы) непроцессуальных гарантий объективности уполномоченного лица продиктована стоящей перед ним необходимостью разрешения имеющихся и постоянно возникающих новых задач в условиях информационной неопределенности и дефицита времени, постоянно меняющихся и усложняющихся оперативных и следственных ситуаций, а также действия разнообразных и в то же время противоречивых внутренних и внешних факторов.

К таким гарантиям, по нашему мнению, следует отнести:

1) *гарантии организационного характера*, обеспечивающие оптимальные условия для достижения целей, решения задач следственных действий, а также объективности уполномоченных лиц, которые проводят эти следственные действия:

а) своевременное и тщательное планирование следственных действий (что не исключает корректировку такого планирования по мере необходимости): определение очередности их производства в ходе предварительного расследования; разработка плана подготовки и проведения каждого из них в отдельности, включая время, место, состав участников, необходимых технических средств, наиболее целесообразных тактических приемов, комбинаций и операций. При этом важно отметить, что планирование следственных действий должно осуществляться с учетом требований уголовно-процессуального закона в части соблюдения законодательно установленного порядка их производства и процессуальных сроков; должно отличаться конкретностью в части определения всех задач, подлежащих разрешению, всех необходимых следственных действий, подлежащих производству с точным определением сроков их проведения и исполнителей; должно быть непрерывным, то есть подвергаться изменениям и дополнениям по мере необходимо-

сти (например, с учетом складывающейся следственной ситуации, выдвижения новых версий и т. п.).

В этой связи отметим, что часть этих гарантий сформулирована в приказе Следственного комитета Российской Федерации от 15 января 2011 г. № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации»¹. Так, в п. 1.4. данного приказа указана необходимость с участием следователей и работников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, обсуждать результаты производства первоначальных следственных действий с тем, чтобы по каждому уголовному делу был разработан конкретный план следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, были своевременно выявлены и изъяты следы преступления, вещественные доказательства, установлены возможные очевидцы, свидетели.

Наряду с этим, организационный аспект самым непосредственным образом связан с организацией труда уполномоченного должностного лица. В данном случае речь идет об организации труда указанного лица как в целом в процессе предварительного расследования, так и при подготовке и производстве конкретных следственных действий;

б) создание благоприятных условий труда в части обеспечения уполномоченных лиц необходимым количеством надлежащим образом оснащенных служебных кабинетов, средствами связи, исправными техническими устройствами, транспортом, канцелярскими принадлежностями, внедрение новой техники и технологий и пр. для производства отдельных следственных действий (например допроса), проведения технической работы (например работы с различными документами).

Отсутствие надлежащей материально-технической базы в следственном органе влечет за собой нехватку или наличие некачественной техники и, как следствие, отсутствие надлежащего технического сопровождения следственных действий, а это, в свою очередь, лишает или существенно уменьшает гарантию объективного отношения уполномоченного лица с точки зрения надлежащего восприятия им информации о конкретном объекте (предмете, событии, явлении), оценки качества и значения этой информации и формирования собственного мнения о ее качестве и значении;

¹ Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации : приказ Следственного комитета Российской Федерации от 15 января 2011 г. № 2.

в) организация подготовки к производству следственных действий (например подбор необходимых технических средств для поиска, обнаружения, фиксации, изъятия следов преступления); подбор средств индивидуальной защиты (для производства осмотра места происшествия); поиск и привлечение сведущих лиц для участия в производстве конкретных следственных действий, а при необходимости сотрудников органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность; организация взаимодействия с работниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, специалистом, экспертом, общественностью и средствами массовой информации; организация информационного обеспечения конкретных следственных действий (например, обращение за консультацией к сведущему лицу соответствующего профиля, поиск необходимой литературы, обращение к криминалистическим устам, иным специализированным информационным системам).

Примером таких гарантий служит п. 1.3 упомянутого выше приказа Следственного комитета Российской Федерации от 15 января 2011 г. № 2, в котором предписывается организовать в каждом следственном органе Следственного комитета Российской Федерации четкую систему дежурства следователей, согласованного с оперативными службами и экспертными учреждениями, для их незамедлительного выезда на место происшествия, предусмотрев для этого необходимые транспортные средства.

Обеспечивать своевременность выездов следователей и следователей-криминалистов на место происшествия, квалифицированное проведение его осмотра с обязательным привлечением к данному следственному действию специалистов, своевременное назначение исследований, судебных экспертиз, предоставление в распоряжение специалистов, экспертов необходимых следственных материалов, личное присутствие следователя при проведении судебно-медицинского вскрытия трупа, применение современных технико-криминалистических и иных специальных средств, методик и научных рекомендаций для обнаружения следов преступления, установления других обстоятельств, имеющих значение для расследования и раскрытия преступления.

Лично выезжать на место убийства, совершенного без очевидцев, двух и более лиц, акта терроризма, аварии, возникновения чрезвычайных ситуаций и техногенных катастроф, повлекших человеческие жертвы, значительные разрушения и иные тяжкие последствия, а также преступлений, имеющих большой общественный резонанс, с целью организации квалифицированного проведения первоначальных следственных действий и взаимодействия с опе-

ративно-розыскными подразделениями, органами исполнительной власти и органами местного самоуправления.

В этой связи отметим важность надлежащей организации труда следователей (иных уполномоченных лиц), отсутствие которой влечет за собой запредельную нагрузку по количеству уголовных дел и материалов проверок сообщений о преступлении, находящихся в производстве; исполнение служебных обязанностей за пределами рабочего времени, а также в выходные и праздничные дни и др. Полагаем, что в значительной степени гарантии надлежащей организации труда нашли отражение в уже упоминаемом выше приказе Следственного комитета Российской Федерации от 15 января 2011 г. № 2, содержащем, в том числе, положения, адресованные руководителям следственных органов¹.

Полагаем, что продемонстрированный выше подход руководства Следственного комитета Российской Федерации целесообразно распространить на все субъекты, осуществляющие предварительное расследование путем разработки и последующего принятия Федерального закона «Об организации предварительного расследования», в котором могли бы найти отражение наиболее важные вопросы, касающиеся различных аспектов деятельности «предварительное расследование», в том числе непроцессуальных гарантий, обеспечивающих объективность следователей (иных уполномоченных лиц) в ходе предварительного расследования;

2) *гарантии, обеспечивающие профессиональные стандарты следователя* (иного уполномоченного лица), в том числе наличие у указанных лиц специальной компетентности: а) когнитивной компетентности (комплекса аналитических навыков, способность к рациональному и абстрактному мышлению в сочетании с поисковой активностью; б) инструментальной компетентности (наличия навыков и умений применять различные приемы, методы произ-

¹ Руководителям следственных органов предписано: использовать все средства поощрения следователей, проявивших инициативу, оперативность и профессиональное мастерство при раскрытии и расследовании убийств, терроризма, коррупционных преступлений, сложных преступлений в сфере экономики, а также других тяжких и особо тяжких преступлений; уделять постоянное внимание улучшению условий труда и быта следователей, их размещению в служебных помещениях, обеспечению следственных работников необходимыми средствами связи; организовать использование следователями современных компьютерных учетных и аналитических программ, в том числе специальных программно-технических комплексов («АРМ следователя»); вносить предложения по их совершенствованию; обеспечить доступ следователей по месту производства расследования к автоматизированным криминалистическим учетам, информационно-правовым системам, базам данных и сети Интернет (п. 1.31 и 1.32 приказа Следственного комитета Российской Федерации от 15 января 2011 г. № 2).

водства следственных действий; способности к мышлению прогностического характера; умения выдвигать и проверять следственные версии; умения применять нормы права); в) информационной компетентности (умения к самостоятельному осуществлению поиска, отбора, обработки, анализа и передачи необходимой информации); г) индивидуально-личностной компетентности (наличия необходимых личностных качеств – чувства справедливости, порядочности, честности, объективности, бескорыстности, позитивных личных целей, организованности, самоконтроля, психической устойчивости и эмоциональной стабильности, самостоятельности, независимости и уверенности в себе, способности принимать решения и разрешать управленческие проблемы, ответственности и добросовестности, работоспособности, восприимчивости к различного рода нововведениям, потенциала творческой активности и активного саморазвития); д) коммуникативной компетентности (владения навыками устного и письменного общения, навыками взаимодействия с окружающими, в том числе с участниками уголовного судопроизводства, умения работы в коллективе, терпимости по отношению к различному образу жизни и стилю поведения окружающих, способности к сопереживанию); е) экстремальной компетентности (наличием способности действовать во внезапно усложнившихся условиях, чрезвычайных ситуациях); ж) конфликтной компетентности (способности к разрешению различных конфликтов и разногласий); з) внутренней потребности в собственной компетентности (наличием потребности к овладению новыми знаниями, потребностью ощущать себя компетентным); и) профессиональным мастерством (наличием системы свойств, качеств, опыта следователя, позволяющей комплексно, эффективно и надежно выполнять работу в самых разнообразных условиях);

3) *гарантии, обеспечивающие создание условий для качественной и своевременной профессиональной подготовки и переподготовки следователей* (иных уполномоченных лиц) с целью повышения их квалификации, что, в свою очередь, позволит на надлежащем уровне обеспечить в ходе производства следственных действий: а) применение наиболее целесообразных и эффективных тактических приемов, комбинаций и операций; б) применение научных методов познания (анализа, синтеза, наблюдения, измерения, сравнения и др.) и законов логики; в) формирование объективного отношения к исследованию в ходе предварительного расследования в целом и при производстве следственных действий в частности, различных объектов (предметов, событий, явлений).

Так, например, сложно говорить об объективности следователя (иного уполномоченного лица), игнорирующего законы логики, скажем, при производстве допроса и фиксации его хода и результатов (когда одно понятие или тезис подменяется другим, когда тождественные мысли выдаются за различные, а различные – за тождественные, когда одно и то же высказывание одновременно признается истинным и ложным или когда высказывание и его отрицание одновременно признаются истинными и др.), которые выступают в качестве принципов правильного рассуждения в процессе доказательства истинных суждений и опровержения ложных, то есть которые определяют, как правильно мыслить;

4) *гарантии безопасности следователя* (иного уполномоченного лица), обеспечивающие как физическую безопасность указанных лиц при производстве следственных действий (разработка комплекса научно-обоснованных и практически значимых способов преодоления воспрепятствования производству следственных действий и противодействия, оказываемого в ходе их проведения со стороны заинтересованных лиц, а также организация работы по их практической реализации), так и психологическую безопасность указанных лиц (которая, с одной стороны, обеспечивается рассмотренной выше индивидуально-личностной компетентностью уполномоченного лица при производстве следственных действий, с другой – надлежащими условиями труда, включая координацию и обеспечение надлежащей работы указанного лица со стороны руководства);

5) *гарантии социальной защищенности следователей* (иных уполномоченных лиц), к составным частям которой относятся: достойный уровень денежного довольствия и пенсии, медицинского обслуживания, отдыха, решение жилищного вопроса и др., предоставление более широких возможностей личностного и карьерного роста.

На основании вышеизложенного возможно сформулировать следующие выводы:

1. Гарантиями обеспечения прав субъектов уголовного процесса будет являться, во-первых, точность, адекватность, внутренняя непротиворечивость норм уголовно-процессуального закона и, во-вторых, точное исполнение указанных норм всеми субъектами уголовного процесса.

2. Уголовно-процессуальная ответственность имеет целью обеспечение надлежащего исполнения норм уголовно-процессуального закона, в силу чего она может выступать в качестве гарантии объективности расследования. Однако такая гарантия в свою очередь

должна обеспечиваться соответствующими нормами уголовно-процессуального закона и, как следствие, быть реально действующей.

3. Принимая во внимание, что основное функциональное назначение следователя (дознателя) – осуществление уголовного преследования, представляется необходимым отразить это в ст. 21 УПК РФ, соотнеся ее название с содержанием, указав в ч. 2 ст. 21 УПК РФ на обязанность следователя (дознателя) возбуждать уголовные дела и принимать меры к изобличению лица, совершившего преступление.

4. Гарантии объективности предварительного расследования являются структурным элементом системы процессуальных гарантий. Их возможно классифицировать (по отношению к субъектам уголовного судопроизводства) на две группы:

- гарантии прав субъектов уголовной юстиции, осуществляющих предварительное расследование преступлений (дознатель, следователь и др.);

- гарантии прав участников уголовного процесса, не являющихся субъектами уголовной юстиции (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и др.).

При этом можно выделить то общее, что характеризует связь этих групп гарантий объективности расследования и является ее неперенным условием: точное, логичное и непротиворечивое нормативное определение правового статуса и компетенции всех участников уголовного процесса; логичность и непротиворечивость норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих предварительное расследование; неукоснительное выполнение требований уголовно-процессуального закона всеми участниками уголовного процесса; наличие судебного контроля за обеспечением прав и законных интересов участников процесса, прокурорского надзора за соблюдением законов при осуществлении предварительного расследования и процессуального контроля со стороны руководителя следственного органа и органа дознания.

§ 2. Гарантии прав субъектов уголовной юстиции в системе гарантий объективности предварительного расследования

Рассматривая гарантии прав субъектов уголовной юстиции, осуществляющих предварительное расследование как необходимую составляющую гарантий объективности всего хода и результатов этого процесса (расследования), следует повториться, что точное, полное, логичное и непротиворечивое нормативное определение правового положения названных участников уголовного процесса,

недвусмысленное законодательное регламентирование их деятельности, надлежащий процессуальный контроль со стороны руководителя следственного органа и органа дознания, судебный контроль и прокурорский надзор – вот те основы, опираясь на которые можно прийти к выводу о том, что расследование преступлений объективно (спрогнозировать, что при наличии указанных условий расследование будет объективным).

В настоящее время к субъектам уголовной юстиции, осуществляющим предварительное расследование преступлений, уголовно-процессуальный закон относит следователя (ст. 38 УПК РФ), следователя-криминалиста (п. 40.1 ст. 5 УПК РФ), руководителя следственного органа (п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ), орган дознания (ст. 40 УПК РФ), начальника подразделения дознания (ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ), начальника органа дознания (ст. 40.2 УПК РФ) и дознавателя (ст. 41 УПК РФ). Единственным субъектом уголовной юстиции со стороны обвинения, не обладающим права производства предварительного расследования, является прокурор.

Субъектами уголовной юстиции, непосредственно и на постоянной основе осуществляющими производство предварительного расследования, являются следователь и дознаватель. Иные вышеперечисленные участники процесса имеют право осуществлять предварительное расследование наряду с другими полномочиями контролирующего характера и в необходимых случаях. Руководитель следственного органа вправе принять уголовное дело к своему производству и произвести предварительное следствие в полном объеме, обладая при этом полномочиями следователя или руководителя следственной группы (ч. 2 ст. 39 УПК РФ). Данное полномочие неоднократно обжаловалось в Конституционный Суд Российской Федерации, как не соответствующее ряду норм Конституции Российской Федерации, поскольку ставилась под сомнение возможность осуществления процессуального ведомственного контроля над производством предварительного следствия следственной группой (продлевать срок следствия, разрешать отводы, давать согласие на производство отдельных следственных действий, составление обвинительного заключения и т. п.) по уголовному делу, которое принято руководителем следственного органа к своему производству в качестве следователя в составе следственной группы¹. Кон-

¹ См., напр.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Степанова Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 39 УПК РФ : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 октября 2015 г. № 2445 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022).

ституционный Суд Российской Федерации не нашел в данном случае никаких противоречий в правовом статусе руководителя следственного органа, указав, что принятие им уголовного дела к своему производству и производство предварительного следствия в полном объеме не освобождает данное должностное лицо от обязанности при выполнении им возложенных на него полномочий выносить законные и обоснованные решения, которые, кроме того, контролируются прокуратурой, а также могут быть обжалованы как вышестоящему руководителю следственного органа, прокурору, так и в суд, а составление обвинительного заключения руководителем следственного органа также не снижает гарантии законности, обоснованности и мотивированности обвинительного заключения в сравнении с направлением прокурору уголовного дела следователем с согласия руководителя следственного органа в соответствии с ч. 6 ст. 220 УПК РФ.

Аналогичными полномочиями (принять уголовное дело к своему производству и произвести дознание в полном объеме) обладает начальник подразделения дознания (ст. 40.1 УПК РФ). Что же касается начальника органа дознания, то данное право специально в ст. 40.2 УПК РФ не выделено, хотя взаимосвязанный анализ п. 11 ст. 40.2 УПК РФ и ст. 40 УПК РФ не исключает данного полномочия.

Относительно полномочий по производству предварительного расследования следователем-криминалистом, необходимо отметить, что в гл. 6 УПК РФ, регламентирующей понятие и процессуальное положение участников уголовного процесса со стороны обвинения, такого участника уголовного процесса нет. Понятие данного участника дается лишь в п. 40.1 ст. 5 УПК РФ, в соответствии с которым следователь-криминалист – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству.

Отсутствие необходимой регламентации процессуального положения указанного участника уголовного процесса не могло не вызвать определенные проблемы у правоприменителей и развернуло оживленную дискуссию на страницах юридической лите-

ратуры¹. Одни авторы считают следователя-криминалиста неким процессуальным суррогатом, лишенным процессуальной формы и не вписывающимся в правовую систему координат понятийного аппарата уголовного судопроизводства, отнеся его к статисту или техническому исполнителю распоряжений лица, производящего расследование², другие оправдывают появление указанного участника процесса спецификой работы Следственного комитета Российской Федерации, малочисленностью его подразделений, находящихся нередко вне дислокации следственных отделов, что затрудняет осуществление процессуального контроля за работой следователей, не дает возможности создавать следственные группы по большим и сложным делам. В этих условиях оперативное подключение следователей-криминалистов к расследованию преступлений на наиболее важных этапах является единственной возможностью эффективно тактико-методически и организационно помочь следователю и проконтролировать его работу³. При этом хотелось бы отметить, что следователи других ведомств также иногда находятся в описанной выше ситуации, но при этом в структуре данных ведомств руководство не усматривает необходимость во введении должностей следователей-криминалистов.

Наиболее подробная регламентация полномочий следователя-криминалиста дана в приказе Следственного комитета Российской Федерации от 8 августа 2013 г. № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации», в котором указаны основные направления их деятельности⁴, а также определено, что при производстве предварительного

¹ Савченко А. Н. Следователь-криминалист как участник уголовного судопроизводства и его право возбуждать уголовные дела // Российский судья. 2017. № 3. С. 41–44; Быков В. М. Следователь-криминалист как новый участник уголовного процесса со стороны обвинения // Российская юстиция. 2009. № 7. С. 43–45; Забуга Е. Е. Следователь-криминалист в современном уголовном процессе России (проблемы процессуального статуса) // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 1 (22). С. 69–72 и др.

² Мешков М. В., Гончар В. В. Следователь в уголовном процессе России: понятийно-правовые проблемы // Российский следователь. 2011. № 23. С. 18–20.

³ Темираев О. П. Процессуальные полномочия следователя-криминалиста // Российский следователь. 2012. № 18. С. 24–27.

⁴ Следователь-криминалист осуществляет свою деятельность по следующим основным направлениям: криминалистическое сопровождение производства предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, отнесенных к подсудственности Следственного комитета; производство предварительного расследования; выполнение отдельных функций процессуального контроля; дополнительная профессиональная подготовка сотрудников Следственного комитета по вопросам организации, тактики и методики расследования преступлений.

расследования следователь-криминалист вправе осуществлять следующие полномочия:

1) участвовать в производстве или проводить:

- осмотры неопознанного трупа, места жительства (последнего места пребывания) пропавшего без вести лица, места происшествия по сообщениям о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных в условиях неочевидности, получивших общественный резонанс или требующих применения специальных навыков при проведении указанного следственного действия в целях обнаружения и закрепления следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для расследования уголовного дела или рассмотрения сообщения о преступлении;

- осмотр предметов и документов;

- обыск и выемку с применением необходимой криминалистической техники;

- проверку показаний на месте, следственный эксперимент;

- изъятие образцов для сравнительного исследования;

2) участвовать по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях в производстве иных следственных и процессуальных действий (производить иные следственные и процессуальные действия) без принятия уголовного дела к своему производству, в том числе в составе следственных групп, создаваемых для предварительного следствия по сложным или большим по объему уголовным делам.

При этом анализ рассматриваемого приказа во взаимосвязи с нормами уголовно-процессуального закона позволил выявить ряд пробелов в процессуальной деятельности следователей-криминалистов, связанных в том числе и с гарантиями процессуальной самостоятельности следователя.

Во-первых, по общему правилу, закрепленному в УПК РФ, приступить к производству предварительного расследования и осуществлять его возможно, лишь приняв дело к своему производству, о чем следователь (дознатель) должен вынести постановление (ст. 156 УПК РФ). Единственное исключение из данного правила содержится в праве руководителя следственного органа лично допросить подозреваемого, обвиняемого без принятия уголовного дела к своему производству при рассмотрении вопроса о даче согласия следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, продлении, об отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Следователь-криминалист же вопреки требованию уголовно-про-

цессуального закона вправе производить любые процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству, что позволяет сделать вывод о значительно большем объеме полномочий следователя-криминалиста по сравнению с руководителем следственного органа.

Во-вторых, не ясны полномочия следователя-криминалиста по принятию процессуальных решений, поскольку производство определенных следственных и иных процессуальных действий требует первоначального вынесения соответствующего постановления, например, при производстве обыска или выемки. Анализируемый приказ Следственного комитета Российской Федерации от 8 августа 2013 г. № 53 обязывает лишь обеспечивать внесение соответствующей отметки в протокол следственного действия в соответствии со ст. 164, 166 УПК РФ при участии следователей-криминалистов в производстве или при производстве ими отдельных следственных и иных процессуальных действий. Но если следователь-криминалист самостоятельно производит отдельные следственные и иные процессуальные действия, то он обязан выполнять требования уголовно-процессуального закона при их производстве: вынести постановление в необходимых случаях, ознакомить с ним участников следственного действия, разъяснить им права, обязанности и ответственность, составить протокол и т. п. Вышеизложенное свидетельствует о необходимости более точной регламентации процессуального положения данного участника уголовного процесса, причем в уголовно-процессуальном законе, а не в ведомственных приказах.

Как уже указывалось выше, субъектами уголовной юстиции, непосредственно и на постоянной основе осуществляющими производство предварительного расследования, являются следователь и дознаватель.

Не имея возможности в рамках настоящей работы всесторонне проанализировать все полномочия следователя (дознателя), представляется необходимым рассмотреть их в целом, с точки зрения обеспечения их процессуальной самостоятельности и независимости указанных субъектов уголовно-процессуальной деятельности, как важнейшей характеристики (гарантий) объективности расследования.

Анализ мнений ученых и правоприменителей, затрагивающих в многочисленных научных публикациях вопросы независимости и самостоятельности следователя, позволил прийти к выводу об отсутствии единой позиции, причиной чему, на наш взгляд, является смешение понятий «независимость» и «самостоятельность», подмена одного понятия другим, либо, наоборот, их искусственное

объединение. Одни авторы считают, что процессуальная самостоятельность следователя заключается в его независимости от органов государственной власти и местного самоуправления, политических, общественных объединений и др.¹, другие – что принцип процессуальной независимости следователя находит свое отражение в ст. 38 УПК РФ, согласно которой следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий², третьи – под процессуальной самостоятельностью следователя понимают гарантированную государством и реализуемую в установленном законом порядке обязанность следователя самостоятельно и эффективно направлять ход расследования, принимать и реализовывать решения, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, полагая при этом, что процессуальная самостоятельность следователя должна быть отнесена к категории принципов уголовного судопроизводства, так как рассматриваемое понятие определяет основополагающие начала деятельности следователя и формирует основы его правового статуса³.

Действительно, понятия «независимость» и «самостоятельность» имеют некоторое сходство. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля определение – «независимый» толкуется как «ни от кого или чего не зависящий, неподчиненный, ничем не связанный, самостоятельный», при этом, на наш взгляд, наиболее точное определение дано в словаре синонимов русского языка, в соответствии с которым «слово независимый указывает на отсутствие зависимости, подчинения чьей-либо власти, воле и т. п., самостоятельный, помимо этого, подчеркивает способность проявить свою волю, действовать по собственному усмотрению»⁴. Таким образом, независимость имеет скорее объективный характер, то есть предполагает отсутствие зависимости от внешних факторов, а самостоятельность носит субъективный характер, предполагая наличие возможности и способности действовать, руководствуясь собственным усмотрением.

¹ Попов И. А., Борбат А. В. Процессуальное взаимодействие следователя и руководителя следственного органа с прокурором // Российский следователь. 2017. № 3. С. 23–24.

² Беляев В. П., Беляева Г. С. Принципы и гарантии процессуально-правового режима юридической деятельности // Lexrussica. 2014. № 10. С. 1174.

³ Огородов А. Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 10.

⁴ Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т. 1. Ленинград, 1970. С. 634.

При этом необходимо отметить, что абсолютной независимости, либо абсолютной самостоятельности ни в природе, ни в обществе, ни в каком-либо виде деятельности быть не может. Следует согласиться с Д. А. Веневым утверждающим, что, с одной стороны, невозможно представить следователя, который осуществляет свои полномочия в вакууме, с другой – сложно представить такое воздействие на здорового взрослого человека, которое лишило бы его свободы выбора, полностью подавило его волю¹.

Представляется, что предварительное расследование должно осуществляться в условиях, не допускающих воздействия на следователя в какой-либо форме (путем противодействия, вмешательства, оказания давления, принуждения) федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, средств массовой информации, их представителей и должностных лиц, и в этом смысле рассматриваемое положение должно иметь статус принципа уголовного судопроизводства, наряду с принципом независимости судей. Определенную регламентацию данный принцип получил в п. 1 ч. 2 ст. 5 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации», в соответствии с которым следственные органы и учреждения осуществляют полномочия независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, иных органов и в соответствии с законодательством Российской Федерации. Причем в этом же законе (ч. 1 ст. 6) предусмотрены и определенные гарантии реализации рассматриваемого принципиального положения, заключающиеся в том, что воздействие в какой-либо форме указанных выше органов, организаций, а также должностных лиц на сотрудника Следственного комитета в целях оказания влияния на принимаемое им процессуальное решение или воспрепятствования в какой-либо форме его процессуальной деятельности влечет за собой установленную законом ответственность.

В связи с этим сформулируем выводы: во-первых, отсутствие законодательного закрепления принципа независимости следователя (дознавателя) автоматически порождает отсутствие как гарантий его реализации, так и санкций за его несоблюдение, что влечет за собой невозможность его практического применения; во-вторых,

¹ Венев Д. А. Независимость следователя: реальность или фикция? // Российский следователь. 2016. № 9. С. 10.

частичное закрепление как принципа независимости, так и гарантий его реализации применительно к следователям Следственного комитета Российской Федерации создает неблагоприятное впечатление о существовании некой большей и меньшей независимости следователей разных ведомств (не говоря уже о дознавателях) и о производстве предварительного расследования следователями (дознавателями) «первого и второго сорта».

На наш взгляд, независимость и самостоятельность следователя (дознавателя) являются парными категориями и не могут существовать в отрыве друг от друга. В отличие от независимости следователя (дознавателя), их самостоятельность означает возможность и способность действовать, руководствуясь собственным усмотрением в рамках полномочий, предоставленных действующим законодательством.

Ранее отмечалось, что ни в природе, ни в обществе абсолютной независимости быть не может, поскольку существует всеобщая взаимосвязь процессов и явлений. Это в полной мере относится и к абсолютной самостоятельности, поэтому речь может идти только об относительной самостоятельности, в той или иной степени контролируемой, то есть уравниваемой, ограничиваемой контролем и надзором. В связи с этим, рассматривая вопросы объективности предварительного расследования, нельзя обойти вниманием вопросы, связанные с ограничением самостоятельности следователя (дознавателя) при его производстве.

Задача контроля как внешнего (судебного), так и внутреннего (процессуального контроля со стороны руководителя следственного органа и органа дознания) заключается в выявлении, устранении и предотвращении нарушений уголовно-процессуального закона при производстве предварительного расследования, аналогичную задачу выполняет и прокурорский надзор за соблюдением законов на этом этапе уголовного судопроизводства. Особенность подобного контроля и надзора заключается в том, что им охватывается вся процессуальная деятельность следователя (дознавателя).

Анализ норм уголовно-процессуального закона в их взаимосвязи, мнений ученых и правоприменителей о соотношении полномочий руководителя следственного органа и следователя, изложенных в научной литературе¹, позволил прийти к выводу о сложившейся

¹ Алексеев И. М. К вопросу о сущности и ведомственном понимании некоторых полномочий руководителя следственного органа // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 106–110; Антонов И. А. Работа следователя: противоречия процессуального положения, решаемых задач и ответственности // Российский следователь. 2019. № 7. С. 15–19; Антонов И. А. Процессуальная самостоятельность следователя сквозь призму право-

в настоящее время определенной диспропорции процессуальных полномочий руководителя следственного органа и процессуальной самостоятельности следователя. Следует согласиться с мнением С. А. Шейфера, утверждавшего, что широчайшие полномочия руководителя следственного органа позволяют ему жестко управлять поведением следователя, который предстает как участник процесса, фактически лишенный реальной возможности совершать самостоятельные действия и принимать самостоятельные решения о направлении следствия. В этих условиях вопрос о том, располагает ли следователь необходимой процессуальной самостоятельностью, звучит риторически, поскольку ясно, что ее у него нет¹.

В качестве примера такого жесткого и многоуровневого контроля можно привести полномочия руководителя следственного органа по согласованию итогового процессуального документа – обвинительного заключения, аналогичным полномочием обладает и прокурор, который утверждает обвинительное заключение, подготовленное следователем. Причем и руководитель следственного органа и прокурор вправе вернуть уголовное дело следователю на дополнительное расследование. Возникает вопрос: зачем нужны дублирующие полномочия контролирующего и надзирающего органа? Особенно с учетом того, что руководитель следственного органа ответственности за надлежащее качество расследования не несет, так как суд, обнаружив «огрехи» предварительного расследования, возвращает уголовное дело прокурору, который и отвечает за нека-

применительной практики // Общество и право. 2019. № 2 (68). С. 57–61; Александров А. С., Круглов И. В., Кухта А. А. К вопросу о некоторых полномочиях руководителя следственного органа // Российский следователь. 2007. № 19. С. 30–32; Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты: монография. М., 2008. 208 с.; Гаврилов Б. Я. О современном состоянии и авторской концепции досудебного производства в XXI веке: взгляд на проблему ученого и правоприменителя // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28. № 4. С. 524–534; Гаврилов Б. Я., Малышева О. А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы: монография. М., 2018. 307 с.; Лапин С. Ю. Прокурор и следователь: революция началась // ЭЖ-Юрист. 2007. № 26. С. 21–25; Багмет А. М. Анализ процессуальной самостоятельности следователя Следственного комитета Российской Федерации через призму российской истории // Российская юстиция. 2014. № 9. С. 23; Избранные труды. М., 2010. 715 с.; Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. 160 с.; Насонова И. А., Моругина Н. А. Роль руководителя следственного органа при осуществлении функции руководства процессуальной деятельностью следователя при расследовании преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2008. № 3. С. 18; Рохлин В. И. Избранное: статьи. СПб., 2001. 67 с.; Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 402 с. и др.

¹ Шейфер С. А. Мнение профессора С. А. Шейфера. Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова. М., 2016. С. 246.

чественно проведенное расследование. Таким образом, указанный контроль вряд ли соотносится с самостоятельностью следователя.

Еще сложнее обстоит дело с самостоятельностью дознавателя, поскольку контролирующими функциями по отношению к нему обладает начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, прокурор и суд. Может возникнуть вполне справедливый вопрос: что делать дознавателю, если начальник органа дознания и начальник подразделения дознания одновременно дадут ему обязательные для исполнения взаимоисключающие указания о направлении расследования?

Ситуация в ряде случаев осложняется еще и недостатками законодательного регулирования полномочий следователей при расследовании уголовных дел в форме дознания. Так, например, уголовно-процессуальный закон дает полномочия следователю Следственного комитета Российской Федерации осуществлять предварительное расследование преступлений как в форме предварительного следствия, так и в форме дознания, но при этом законодатель не соотнес процедуру окончания дознания с полномочиями следователя, поскольку в ч. 4 ст. 225 УПК РФ предусмотрено, что обвинительный акт, составленный дознавателем, утверждается начальником органа дознания. Возникает ряд вопросов: кем должен утверждаться обвинительный акт, составленный следователем? Кто осуществляет процессуальный контроль за производством дознания следователем? и многие другие. К сожалению, действующий уголовно-процессуальный закон сегодня не дает ответов на эти существенные вопросы.

Анализ правоприменительной практики и опрос следователей и прокуроров показал, что в том случае, когда руководитель следственного органа или начальник органа дознания имеет аналогичные с прокурором, надзирающим за законностью предварительного расследования, полномочия, то, как правило, выполнение данных полномочий носит формальный характер со стороны контролирующих субъектов.

На наш взгляд, процессуальная самостоятельность следователя (дознавателя), как одна из составляющих объективности предварительного расследования, должна быть подвергнута самостоятельному комплексному исследованию, в результате которого будет сформирована целостная система как полномочий субъектов уголовной юстиции, так и их гарантий, с учетом:

- взаимосвязи с контролирующими полномочиями руководителя следственного органа, начальника органа дознания и начальника подразделения дознания;

- формы предварительного расследования преступлений;
- надзорных полномочий прокурора;
- контрольных полномочий суда.

При этом следует отметить, что ни процессуальная независимость, ни процессуальная самостоятельность следователя (дознавателя), даже введенная в уголовно-процессуальный закон, автоматически не приведет ни к улучшению качества предварительного расследования, ни к его объективности. Для достижения этих положительных результатов необходима планомерная, системная, всесторонняя работа на законодательном и организационном уровнях на протяжении длительного периода времени.

Как указывалось выше, важным фактором для обеспечения объективности предварительного расследования может служить неукоснительное соблюдение следователем (дознавателем) требований уголовно-процессуального закона при собирании и оценке доказательств.

Анализ юридической литературы свидетельствует о единстве позиций ученых, что основным способом собирания и проверки доказательств являются следственные действия, которые, по мнению подавляющего большинства исследователей, имеют следующие особенности:

- следственные действия относятся к процессуальным действиям;
- основания, порядок производства и оформления хода и результатов следственных действий регламентированы уголовно-процессуальным законом;
- следственные действия проводятся уполномоченными уголовно-процессуальным законом лицами;
- в ходе их производства формируются доказательства по уголовному делу путем обнаружения содержащейся в следах преступления доказательственной информации, ее восприятия, преобразования и закрепления в протоколе соответствующего следственного действия;
- производство следственных действий обеспечено мерами государственного принуждения;
- в ходе производства следственных действий уполномоченное законом лицо непосредственно вступает в контакт с иными участниками следственного действия, включая носителя доказательственной информации¹.

¹ Шейфер С. А. Следственные действия: система и процессуальная форма. М., 2001. С. 5–50; Шейфер С. А. Правовая регламентация следственных действий в новом

В силу специфики следственных действий профессор С. А. Шейфер рассматривает их в двух аспектах – процессуальном и познавательном. Познавательный аспект, по мнению автора, состоит в том, что следственные действия выступают как способ собирания доказательств (обнаружения информации доказательственного характера, которая содержится в следах преступления, ее восприятия, преобразования и закрепления в материалах уголовного дела). Процессуальный аспект заключается в том, что проведение каждого следственного действия регламентировано нормами УПК РФ, в которых содержатся основания проведения следственных действий; права лиц, привлекаемых к участию в их производстве; предписания, определяющие содержание познавательных и удостоверительных операций; меры принуждения, которые могут быть применены к недобросовестным участникам следственных действий¹.

Исходя из изложенного, можно предположить, что следственные действия (наряду с процессуальными решениями) являются важным структурным элементом системы «предварительное расследование», и объективность уполномоченного должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, не только необходима, но и обязательна при проведении им следственных действий. Данное утверждение обуславливает постановку следующего вопроса: что должно гарантировать объективность уполномоченного должностного лица при производстве следственных действий?

Полагаем, что в первую очередь – это рассмотренная выше система процессуальных гарантий, которая, являясь своего рода универсальной для всей деятельности «предварительное расследование», конкретизируется и наполняется спецификой применительно к каждому следственному действию с учетом его особенностей.

Как указывалось выше, первоочередно объективность уполномоченного лица при производстве следственных действий обеспечивается надлежащим законом, то есть отсутствием противоречивости и иных дефектов норм уголовно-процессуального закона (осложняющих, нередко препятствующих надлежащему правопо-

УПК РФ // Государство и право. 2003. № 2. С. 55–60; Шейфер С. А. Следственное действие: правомерны ли новые трактовки? // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 1 (65). С. 124–129; Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики): монография. Екатеринбург, 2006. С. 26; Токаренко Е. С. Основные признаки следственных действий // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 4 (18). С. 51–54.

¹Шейфер С. А. Следственные действия: система и процессуальная форма. М., 2001. С. 5–50.

ниманию и единообразному применению этих норм) и неукоснительным соблюдением требований УПК РФ.

К таким правотворческим (законодательным) ошибкам относятся логические, филологические и гносеологические ошибки¹.

Следует признать, что уголовно-процессуальный закон не избежал подобного рода дефектов. В связи с этим считаем правомерной представленную в юридической литературе критику ряда статей УПК РФ, регулирующих производство следственных действий. Так, С. Н. Гонтарь и А. А. Отаров справедливо указывают на отсутствие тщательной регламентации оснований производства следственных действий. Отмечая, что законность проведения каждого следственного действия самым непосредственным образом связана с необходимостью обоснования принятого решения, авторы приходят к выводу, что это является неотъемлемым правилом производства любого следственного действия. Иной подход влечет безосновательное проведение следственных действий и вторжение государства в частную жизнь граждан, ограничение ряда конституционных прав личности и влечет унижение человеческого достоинства, а нередко и огласку тайн частной жизни².

Не менее категоричны в своих рассуждениях С. А. Шейфер и С. Б. Россинский, по мнению которых следователь превратился в классического обвинителя-инквизитора, лишённого на законодательном уровне обязанности всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Столь явный обвинительный уклон требует не только законодательной реставрации принципа всестороннего, полного объективного исследования обстоятельств уголовного дела, но также повышения уровня профессионализма следователя, его правосознания, ответственности за исполнение своих обязанностей³.

¹ Логические ошибки – это необеспеченное последовательное развитие мысли законодателя как внутри отдельного акта, так и в процессе его согласования с иными нормативными правовыми актами; филологические ошибки – это нарушение правил грамматики современного русского языка при изложении законодательных положений; гносеологические ошибки – когда закон не соответствует объективным закономерностям развития общественных отношений (Голубева М. Л. Судебная ошибка: теоретико-прикладной анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. С. 12–13).

² Гонтарь С. Н., Отаров А. А. Основания производства следственных действий и проблемы их определения // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 4 (53). С. 226–227.

³ Шейфер С. А. Российский следователь – исследователь или преследователь? // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 34–36; Россинский С. Б. О полномочиях должностных лиц, осуществляющих следственные действия: вопросы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 8. С. 73–81.

М. М. Бондарь к причинам, которые приводят к субъективизму участников уголовного процесса, относит следующие недостатки УПК РФ: наличие в законе оценочных понятий; недостаточная конкретизация ряда норм; некоторая размытость правового регулирования отдельных аспектов уголовного судопроизводства¹.

Объективность следователя (иного уполномоченного лица) в процессе осуществления деятельности «предварительное расследование» в целом и производства следственных действий в частности, обеспечивается сознательным и целенаправленным выполнением им мыслительных действий (мышления), которые лежат в основе процесса познания².

В этой связи уже обращалось внимание на исследование Ю. П. Боруленкова, в котором он формулировал перечень следственных ошибок, которые оказывают существенное негативное влияние на результаты юридического познания³ и на объективность следователя. В дополнение к уже отмеченному укажем, что значительная часть приведенных данным автором следственных ошибок: во-первых, самым непосредственным образом связана с производством следственных действий; во-вторых, носит непроцессуальный характер; в-третьих, что, на наш взгляд, имеет большое значение применительно к теме исследования, в той или иной степени негативно влияет на объективность уполномоченного лица; в-четвертых, может быть конкретизирована применительно к отдельным следственным действиям.

Развивая указанные идеи, Н. А. Данилова и Т. Г. Николаева выделяют следующие ошибки непроцессуального характера, допускаемые при производстве осмотра места происшествия: неверное указание места и времени производства осмотра места происшествия; производство осмотра места происшествия без привлечения специалиста соответствующего профиля, что нередко влечет неграмотное с точки зрения использования специальной терминологии описание обстановки места происшествия; поверхностное проведе-

¹Бондарь М. М. Объективность предварительного расследования как предпосылка обеспечения законности и обоснованности процессуальных решений // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 81.

²См., доп.: Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск, 2003. 227 с.; Григорьев В. Н., Победин А. В. О методологии совершенствования доказательственного права // Государство и право. 2003. № 10. С. 55–62; Костенко Р. В. Теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты понятия уголовно-процессуальных доказательств. Краснодар: Экоинвест, 2005. 300 с.; Костенко Р. В. Оценка уголовно-процессуальных доказательств. М., 2012. 152 с.

³Боруленков Ю. П. Правовые ошибки: постановка проблемы // Российский следователь. 2014. № 7. С. 47.

ние осмотра места происшествия, влекущее утерю потенциальных доказательств в силу различных обстоятельств (неблагоприятных климатических условий, отсутствия у уполномоченного лица необходимого опыта, действий заинтересованных лиц и др.); неоправданно краткое описание обстановки места происшествия; использование неполных, нечетких, неясных, некорректных формулировок, которые могут повлечь неверное представление о месте происшествия в целом, его отдельных участках, обнаруженных в ходе осмотра предметов, документов, следов, а также мест их обнаружения; непоследовательное описание различных участков (деталей) обстановки места происшествия; наличие в протоколе осмотра места происшествия выводов, суждений и предположений следователя относительно места, времени, способа совершения преступления, действий участника (участников) преступления и других обстоятельств; несоответствие содержания протокола осмотра места происшествия результатам использования средств дополнительной фиксации (фотоснимкам, планам, схемам, видеозаписи); поверхностное, неконкретное отражение в протоколе осмотра места происшествия индивидуальных признаков и особенностей изъятых предметов (дефектов, следов, указывающих на связь осматриваемого предмета с преступлением)¹.

Так, приведем пример из материалов надзорного производства органов прокуратуры, в ходе которого был установлен целый ряд ошибок при проведении осмотра места происшествия: в протоколе осмотра места происшествия (двора возле дома № 79 по ул. Февральская) указано следующее: «данный дом имеет пять этажей (хотя в действительности дом является четырехэтажным); на противоположной стороне находится городской сад, расположенный по адресу: ул. Февральская, 76 (в то время как по указанному адресу находится дом, который расположен на расстоянии одного километра от осматриваемого участка местности)». Приобщенная к протоколу осмотра места происшествия фототаблица свидетельствовала о том, что фактически был осматрен участок местности возле домов № 75 и 81 по ул. Февральской².

Изучение судебной практики также нередко свидетельствует о допускаемых в ходе расследования следственных ошибках, которые влекут и уклонение лиц, совершивших преступления, от уго-

¹ Данилова Н. А., Николаева Т. Г. Анализ прокурором протокола осмотра места происшествия // Военное право. 2018. № 3 (49). С. 215–221.

² Из практики работы Шадринской межрайонной прокуратуры Курганской области.

ловной ответственности. Так, мировым судьей вынесен оправдательный приговор в отношении лица, привлекавшегося к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, ввиду его непричастности к совершению данного преступления. Подобное решение судьи было обусловлено тем, что версия подсудимого о том, что на момент задержания сотрудниками полиции автомобиля он не находился за рулем, а управлял транспортным средством его знакомый, который выпрыгнул и убежал, не была проверена в ходе предварительного расследования, а видеозапись с видеорегистратора, установленного в служебном автомобиле сотрудников ДПС, осмотрена поверхностно; из указанной записи следует, что слева по ходу движения автомобиля человек, лежащий на проезжей части дороги, поднимается с колен и убегает в левую сторону, что фактически подтверждает версию защиты¹.

Дополнительно укажем, что анализ судебно-следственной практики позволил заключить, что к числу наиболее часто допускаемых ошибок непроцессуального характера при производстве допросов, значительно снижающих уровень гарантий объективности расследования, относятся: а) ошибки, связанные с ненадлежащим планированием расследования конкретного преступления в сочетании с отсутствием заранее разработанного плана допроса или его нечетким планированием: несвоевременное с тактической точки зрения производство допроса; неверное определение места производства допроса; неверное определение предмета допроса, влекущее необходимость неоднократного допроса одних и тех же лиц; игнорирование необходимости получения консультации специалиста соответствующего профиля; игнорирование необходимости заблаговременного составления перечня вопросов, подлежащих выяснению в ходе допроса; неполнота выяснения обстоятельств события преступления и иных обстоятельств, имеющих значение для его расследования; непредъявление допрашиваемому имеющихся в распоряжении следователя (иного уполномоченного лица) доказательств или тактически неправильная последовательность их предъявления; неприменение технических средств при производстве допроса; б) связанные с неприменением или неверным применением тактических приемов: для восстановления в памяти допрашиваемого забытого, детализации его показаний; для оказания воздействия на лицо, дающее заведомо ложные показания; тактически неверное и (или) неумелое предъявление доказательств в ходе допроса;

¹ Уголовное дело № 1-39/2018. Архив мирового судьи судебного участка № 53 Шадринского судебного района Курганской области.

неумение контролировать ход допроса; неумение анализировать показания допрашиваемого на предмет их полноты и объективности; неумение сопоставлять показания допрашиваемого с иными материалами уголовного дела; неиспользование или неумелое применение методов психологического и логического воздействия на допрашиваемого; в) связанные с намеренным или ненамеренным игнорированием следователем (иным уполномоченным лицом) обстоятельств, имеющих значение для расследования конкретного преступления: поверхностная, неконкретная, необоснованно краткая фиксация в протоколе допроса показаний допрашиваемого, в том числе подозреваемого (обвиняемого), который не признает себя виновным или признает себя виновным частично; искажение показаний допрашиваемого; игнорирование неточностей, пробелов и противоречий в показаниях допрашиваемого; игнорирование явных противоречий между показаниями различных лиц; игнорирование противоречий между сведениями, полученными в ходе допроса и обстоятельствами, установленными при производстве иных следственных действий.

Негативное влияние на объективность следователя (иного уполномоченного лица) при производстве допросов также оказывают ошибки психологического характера, широко описанные А. А. Аубакировой¹.

Не менее распространены ошибки, связанные с назначением судебных экспертиз и последующим анализом заключения эксперта, которые также отрицательно влияют на объективность следователя (иного уполномоченного лица): игнорирование необходимости назначения соответствующих судебных экспертиз; неверный выбор вида судебной экспертизы; постановка перед экспертом вопросов, выходящих за рамки его профессиональной компетенции; постановка перед экспертом лишних, не имеющих значение для расследования конкретного преступления вопросов и, наоборот, игнориро-

¹ А. А. Аубакирова к ошибкам психологического характера относит следующие: незнание (ненадлежащее знание) психологии в целом и судебной психологии в частности: невладение психологическими методами, в том числе методами психологического анализа (методами изучения личности, речевого взаимодействия и др.); игнорирование психологических аспектов познавательной деятельности, приводящее к неполноте исследования, недополучению необходимой информации; психологические ошибки в коммуникативной деятельности (плохое владение речевым контактом; невладение (слабое владение) неязыковыми средствами общения; ненадлежащий психологический анализ семантики поведения участников следственного действия; психологические ошибки организаторской деятельности (Аубакирова А. А. Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 25–27).

вание имеющих такое значение вопросов; различного рода ошибки при формулировке вопросов эксперту; предоставление эксперту неверных данных, которые необходимы для экспертного исследования; ознакомление лишь с выводами, содержащимися в заключении эксперта.

Так, изучение материалов надзорного производства органов прокуратуры позволило выявить следующие обстоятельства, негативно отразившиеся на качестве расследования и в целом его объективности: «По результатам проверки сообщения об обнаружении трупа З., было установлено, что причиной смерти З. явились множественные телесные повреждения, которые не были получены в результате наезда автомобилем под управлением Н., что послужило основанием для вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в действиях Н. признаков состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ.

Опрошенный в ходе проверки сообщения о преступлении в качестве специалиста Б., являющийся судебно-медицинским экспертом, а также заведующим Сампурским межрайонным отделением ТОГБУЗ «БСМЭ», пояснил, что тело З. находилось в горизонтальном положении и повернутым либо правой боковой поверхностью тела, либо правой передней боковой. Каких-либо телесных повреждений, которые можно было бы расценивать как следы волочения, при обследовании трупа не обнаружено, то есть довод Н. о том, что З. лежал туловищем в высокой траве, а на проезжую часть выступали только ноги, которые при наезде зацепились за выступающие части автомобиля, вследствие чего З. затянуло под машину, является несостоятельным.

Исходные данные, содержащиеся в постановлении о назначении судебной автотехнической экспертизы, которая была назначена с целью установления обстоятельств дорожно-транспортного происшествия, не соответствовали установленным проверкой фактическим обстоятельствам.

Так, согласно п. 1 исходных данных «Дорожные условия» указано, что погодные условия – темное время суток, моросящий дождь. Однако исходные данные в отношении моросящего дождя материалами проверки не подтверждены. Из протокола осмотра места происшествия и фототаблицы к нему следует, что следов осадков не имеется, днище автомобиля является чистым; в акте судебно-медицинского исследования трупа сведения о том, что одежда на З. была мокрая или влажная отсутствуют; лица, обнаружившие труп,

по вопросу погодных условий не опрошены; сведения о погодных условиях в соответствующих метеослужбах не запрошены.

Согласно п. 3 исходных данных «Условия видимости в направлении движения» указано темное время суток, видимость в ближнем свете фар ограничена кустарником с левой стороны, высокой травой с правой стороны. Однако, как следует из фототаблицы к протоколу осмотра места происшествия, высокой травы на месте дорожно-транспортного происшествия не имеется.

Таким образом, выводы, сформулированные в заключении эксперта ЭКЦ УМВД России по Тамбовской области, были основаны на неверных исходных данных, вследствие чего не могли быть положены в основу принятого процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела»¹.

Принимая во внимание изложенное выше, интересным представляется исследование, проведенное О. А. Поповой, результаты которого позволили авторам прийти к следующим выводам:

– общими причинами, создающими условия для возникновения следственных ошибок, являются: неясность, противоречивость законодательства (62,2 %); падение престижа правоохранительных органов (28,6 %); отсутствие единой правовой политики в деятельности органов государственной власти (27,7 %); сложность процессуальных требований к совершению отдельных юридических действий (21,8 %); отсутствие стабильной юридической практики (18,5 %); неразработанность рекомендаций в юридической науке (15,1 %); объективная сложность правоприменения (11,8 %); несовершенство и неоднородность правосознания (4,2 %); низкая правовая культура (4,2 %);

– к факторам, способствующим совершению следственных ошибок относятся: сложности вызова свидетелей, проведения ревизий, экспертиз, их оплата (48,7 %); недостаточная оплата труда как причина формального отношения к работе (43,7 %); недостаточно высокий уровень оперативно-розыскной работы органов дознания (33,6 %); дефицит времени, перегрузки в работе (32,7 %); отсутствие четкого взаимодействия (31,1 %); отсутствие необходимого практического опыта работы (28,6 %); недостатки в организации труда (26,9 %); неудовлетворительные внешние условия работы (26 %); проблемы подбора кадров (14,3 %); организационные недостатки в деятельности экспертных учреждений (12,6 %); недостатки участия адвокатов (9,2 %); недостаточный уровень руководства расследованием со стороны руководителя следственного органа (8,4 %);

¹ Из практики работы прокуратуры Сампурского района Тамбовской области.

неблагоприятные условия деятельности (8,4%); недостатки обучения в юридическом вузе (5,9 %); отсутствие специализации в работе (4,2 %); недостатки в организации системы повышения квалификации (2,5 %); недостатки штатного расписания (2,5 %); неблагоприятный психологический климат в коллективе (2,5 %); отсутствие необходимых для следователя личностных качеств (1,7 %); недостаточный уровень судебного контроля (0,8 %);

– к факторам, влияющим на совершение следственных ошибок относятся: формальное, безынициативное отношение к работе (10,9 %); профессиональная деформация (5,9 %); недостатки планирования (5,9 %); отсутствие специализации в работе (5,9 %); субъективные факторы – проблемы в личной жизни следователя (5,9 %); некритическое следование мнению оперативных работников по существу расследуемого преступления (2,5 %); недостатки штатного расписания (2,5 %); отсутствие необходимых для следователя личностных качеств (1,7 %)¹.

Рассмотрев и проанализировав приведенные выше следственные ошибки, на основе личного опыта работы по расследованию уголовных дел и опираясь на результаты проведенного социологического исследования, приходим к следующим выводам:

– принимая во внимание, что следственные действия являются важным структурным элементом системы «предварительное расследование», необъективность субъектов уголовной юстиции, осуществляющих предварительное расследование, при их производстве оказывает крайне негативное влияние на объективность всего предварительного расследования;

– необъективность субъектов уголовной юстиции, осуществляющих предварительное расследование, при производстве следственных действий предопределяется совершением ими различного рода ошибок, к числу которых относятся ошибки непроцессуального характера (то есть, не связанные с нарушением норм уголовно-процессуального закона), допускаемые в ходе производства следственных действий;

– оказывая негативное влияние на объективность субъектов уголовной юстиции, осуществляющих предварительное расследование, следственные ошибки непроцессуального характера отличаются латентностью, поэтому они нередко остаются за рамками внимания

¹ Попова О. А. Уголовно-процессуальные и организационно-тактические ошибки: предупреждение, выявление и исправление следователем: учебное пособие. Волгоград, 2012. С. 12–22.

со стороны уполномоченных лиц, осуществляющих процессуальный контроль и прокурорский надзор;

– степень латентности следственных ошибок непроцессуального характера зависит, во-первых, от наличия и качества криминалистических знаний как у субъектов уголовной юстиции, осуществляющих предварительное расследование, так и прокуроров, во-вторых, от систематичности их пополнения, в-третьих, от систематичности их применения. Опрос следователей и дознавателей показал, что лишь 15 % из них обращаются к криминалистическим методическим рекомендациям как к источникам повышения эффективности и объективности предварительного расследования на постоянной основе.

В силу изложенного, полагаем, что качество непроцессуальной (криминалистической) составляющей следственных действий, значение которой не менее велико, чем качество процессуальной составляющей, зависит от уровня вузовской, профессиональной подготовки и переподготовки субъектов уголовной юстиции, осуществляющих предварительное расследование, а также от создания необходимых условий для самостоятельного изучения ими соответствующей литературы. Из этого следует, что одной из гарантий объективности указанных субъектов является создание условий, обеспечивающих надлежащий уровень знаний у указанных субъектов не только в области уголовного права и уголовного процесса, но и криминалистики.

Таким образом, изложенное, на наш взгляд, полностью подтверждает выше сформулированный тезис, согласно которому точное, полное, логичное и непротиворечивое нормативное определение правового положения участников уголовного процесса, осуществляющих предварительное расследование, недвусмысленное законодательное регламентирование их деятельности, надлежащий процессуальный контроль со стороны руководителя следственного органа и органа дознания, прокурорский надзор и судебный контроль¹ – вот те основы, опираясь на которые можно прийти к выводу о том, что расследование преступлений объективно.

На основании вышеизложенного следует отметить следующие выводы:

1. Отсутствие законодательного закрепления принципа независимости следователя (иного уполномоченного должностного

¹ См., доп.: Качалов В. И., Качалова О. В. О некоторых вопросах влияния суда на досудебное производство по уголовным делам // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 39–41.

лица) автоматически порождает отсутствие как гарантий его реализации, так и санкций за его несоблюдение, что влечет за собой невозможность его практического применения; во-вторых, частичное закрепление как принципа независимости, так и гарантий его реализации, как это существует в настоящее время применительно к следователям Следственного комитета Российской Федерации, создает неблагоприятное впечатление о существовании некой большей и меньшей независимости следователей разных ведомств (не говоря уже о дознавателях) и о производстве предварительного расследования следователями (дознавателями) «первого и второго сорта».

2. Процессуальная самостоятельность следователя (иного уполномоченного должностного лица) как одна из составляющих объективности предварительного расследования должна быть подвергнута комплексному исследованию, в результате которого должна быть сформирована целостная система как полномочий субъектов уголовной юстиции, так и их гарантий с учетом взаимосвязи с контролирующими полномочиями руководителя следственного органа, начальника органа дознания и начальника подразделения дознания; формы предварительного расследования преступлений; надзорных полномочий прокурора; контрольных полномочий суда.

3. Исходя из того, что гарантией объективности расследования является надлежащее нормативное определение правового положения субъектов уголовной юстиции, осуществляющих предварительное расследование, необходима надлежащая регламентация в законе процессуального положения следователя-криминалиста.

4. Следственные действия (наряду с процессуальными решениями) являются важным структурным элементом системы «предварительное расследование», и при проведении им следственных действий не только необходима объективность уполномоченного должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, но и обязательна.

5. Необъективность субъектов уголовной юстиции, осуществляющих предварительное расследование, при производстве следственных действий предопределяется совершением ими различного рода ошибок, к числу которых относятся ошибки непроцессуального характера, допускаемые в ходе производства следственных действий. Оказывая негативное влияние на объективность лиц, осуществляющих предварительное расследование, следственные ошибки непроцессуального характера отличаются латентностью, степень которой зависит от наличия и качества криминалистических знаний как у субъектов уголовной юстиции, осуществляющих пред-

варительное расследование, так и прокуроров, от систематичности их пополнения и применения.

§ 3. Обеспечение прав участников уголовного процесса, не являющихся субъектами уголовной юстиции, как процессуальная гарантия объективности предварительного расследования

В соответствии с ч. 1 ст. 11 УПК РФ суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав. Указанная в законе обязанность субъектов уголовной юстиции может быть выполнена, но лишь при условии четкого определения в законе процессуального статуса лиц, участвующих в уголовном процессе, в частности, при расследовании преступлений.

Как показывает анализ норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих понятие и процессуальное положение тех или иных участников уголовного процесса, не являющихся субъектами уголовной юстиции, а также анализ правоприменительной практики, зачастую именно ненадлежащая регламентация процессуального положения участника уголовного процесса является причиной нарушения, либо существенного ущемления его прав.

Конечно, понятие и процессуальное положение любого участника уголовного процесса не идеально, но процессуальное положение подозреваемого, несмотря на постоянное внимание к его правам со стороны законодателя как вызывало, так и продолжает вызывать дискуссии. В соответствии со ст. 46 УПК РФ подозреваемым является лицо: в отношении которого возбуждено уголовное дело; которое задержано в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ; к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения; либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ.

В связи с этим возникает несколько вопросов, связанных, во-первых, с отсутствием определения понятия «подозрение» и «подозреваемый»; во-вторых, момента появления этого участника уголовного процесса в уголовном деле; в-третьих, объема его прав и обязанностей. Объективность лица, осуществляющего предварительное расследование, во многом зависит от разрешения этих вопросов.

Не ставя перед собой цель проанализировать все высказанные в юридической литературе определения понятия «подозрение», считаем, что наиболее близкое нашему пониманию дали А. Давлетов и И. Ретюнских, определив подозрение как основанное на процессуальной или иной информации предположение правомочного представителя органа уголовного преследования о причастности конкретного лица к совершению преступления¹.

Действительно, в процессе расследования преступления сначала появляется определенная информация, позволяющая подозревать лицо в совершении преступления. Подозрение в таком случае, как справедливо замечают некоторые авторы², представляет собой субъективное мнение, и до тех пор, пока такое мнение не объективизируется, не проявится вовне, говорить об официальном подозрении субъектов уголовной юстиции не приходится. Поскольку подозрение должно найти свое отражение в определенном или определенных процессуальных документах, с которыми имеет право ознакомиться подозреваемый, предложенное упомянутыми авторами выше определение подлежит уточнению в данной части.

Уголовно-процессуальный закон не требует вынесения отдельного постановления о признании лица подозреваемым, хотя такие предложения регулярно появляются на страницах юридических изданий.

В современном отечественном уголовном процессе процессуальное положение подозреваемого зависит не от вынесения отдельного решения о признании его подозреваемым, а от принятия иных решений: постановления о возбуждении уголовного дела, протокола задержания, постановления о применении к нему меры пресечения до предъявления обвинения, а также уведомления о подозрении, если уголовное дело расследуется в форме дознания. По поводу последнего документа – уведомления – ряд ученых³ засомневались в природе этого правового акта, поскольку его нельзя отнести к процессуальному решению. Аргументация данных исследователей заключается в следующем: все уголовно-процессуальные документы можно условно разделить на две группы: протоколы следственных и судебных действий, которые отражают содержание и результаты проведения процессуальных действий, а также являются важ-

¹ Давлетов А., Ретюнских И. Подозрение и подозреваемый в современном уголовном процессе России // Уголовное право. 2008. № 6. С. 40–46.

² Давлетов А., Ретюнских И. Указ. соч. С. 40–46.

³ Демирчян В.В. Институт подозреваемого в российском уголовном процессе: история и современность // Общество и право. 2008. № 1 (19). С. 192–196.

нейшими источниками доказательств; и процессуальные решения, принимаемые в форме постановления (п. 25 ст. 5 УПК РФ), определения (п. 23 ст. 5 УПК РФ), вердикта (п. 5 ст. 5 УПК РФ) и приговора (п. 28 ст. 5 УПК РФ), которые являются правоприменительными актами, содержащими ответы на правовые вопросы, возникающие при производстве по делу, и властные предписания о правовых действиях¹. В. В. Демирчян приходит к выводу, что законодатель уведомление о подозрении в совершении преступления к числу процессуальных решений не относит².

Представляется, что такой вывод не соответствует п. 33 ст. 5 УПК РФ, в силу которого процессуальное решение – решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, дознавателем в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. Подавляющее большинство опрошенных нами дознавателей, следователей и прокуроров (92 %) согласились с нашей позицией.

Изучение же правоприменительной практики позволило обнаружить следующее: несмотря на то, что такое процессуальное решение, как уведомление о подозрении предусмотрено лишь при расследовании преступлений в форме дознания, следователи, расследуя преступления в форме предварительного следствия, также иногда в определенных случаях выносили данный процессуальный документ (26 %), а 67 % опрошенных прокуроров, надзирающих за законностью при производстве предварительного расследования, не сочли это нарушением закона.

Результаты опроса подтвердили позицию авторов, что применение уведомления о подозрении в ходе предварительного следствия (по аналогии с дознанием) никоим образом не нарушает права лица, подозреваемого в совершении преступления. Действительно, в ходе предварительного следствия может возникнуть ситуация, при которой (в случае возбуждения уголовного дела по признакам совершения преступления) не возникает необходимости задерживать лицо или применять к нему меру пресечения до предъявления обвинения (поскольку это право, а не обязанность следователя), но при этом имеются достаточные данные подозревать это лицо в совершении преступления, и имеется необходимость его допроса. В связи с этим закономерен вопрос: допроса в качестве кого? Ана-

¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2003. С. 51.

² Демирчян В. В. Указ. соч. С. 192–196.

лизируя следственную практику, зачастую можно встретить ситуацию, когда лицо, фактически подозреваемое в совершении преступления, допрашивается в качестве свидетеля, и при допросе ему задаются вопросы, направленные на изобличение его в совершении преступления. Так, по уголовному делу о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств следователем ставились такие вопросы лицу, допрашиваемому в качестве свидетеля: «Если вы видели, что справа и слева от вас плотным потоком по главной дороге движутся автомобили со скоростью не менее 100 км/ч, то почему вы начали маневр?»¹.

Понятно, что об объективности расследования говорить не приходится, если в анализируемой ситуации лицо будет допрашиваться в качестве свидетеля, на что указывал Конституционный Суд Российской Федерации². Подавляющее большинство следователей это понимают (74 %) и вынуждены избирать меру пресечения, чтобы определить статус лица в соответствии с положениями ст. 46 УПК РФ. Создается парадоксальная ситуация: чтобы допросить лицо в качестве подозреваемого (в предложенной ситуации) необходимо ограничить свободу его передвижения (*и не только!* – Прим. авт.), избрав ему меру пресечения. Данное положение отнюдь не способствует объективности расследования, более того, существенно нарушает права человека. Представляется, что выходом из сложившейся ситуации как раз и является применение уголовно-процессуального закона по аналогии, а именно – вынесение и направление лицу уведомления о подозрении в совершении преступления.

Бесспорно, что фактором, влияющим на объективность лица, осуществляющего предварительное расследование, является определение момента появления в уголовном деле подозреваемого, которое предусматривает ст. 46 УПК РФ. В связи с этим возникает вопрос: содержит ли ст. 46 УПК РФ исчерпывающий перечень ситуаций, определяющих правовой статус лица как подозреваемого? Анализ норм уголовно-процессуального закона в их взаимосвязи позволил прийти к выводу, что по меньшей мере имеются еще три момента появления в уголовном деле подозреваемого. В соответствии с п. 4, 5, 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник (который появля-

¹ Уголовное дело № 1-663-07. Архив Дмитровского городского суда Московской области.

² По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022).

ется в уголовном деле одновременно с признанием лица подозреваемым, либо после признания) участвует в уголовном деле с момента объявления лицу, подозреваемому в совершении преступления, постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы; с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления; а также с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ.

Формулирование иных моментов появления в уголовном деле подозреваемого в другой статье, посвященной процессуальному статусу защитника, вряд ли способствует адекватному пониманию процессуального положения подозреваемого правоприменителями, что обуславливает субъективность последних при определении статуса подозреваемого, не говоря о противоречиях, выявляемых при анализе норм ст. 46 и ст. 49 УПК РФ. Так, защитник участвует в уголовном деле с момента объявления подозреваемому постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы (п. 4 ст. 49 УПК РФ). Возникает два вопроса: если подозреваемый уже имеется, поскольку именно ему объявляется о назначении данной экспертизы, а значит защитник уже ранее имел возможность вступить в уголовное дело, то в чем смысл отдельного указания законодателя именно на факт объявления постановления о назначении судебной экспертизы? Если лицо не имеет процессуального статуса подозреваемого и подозрение не оформлено в каком-либо процессуальном акте, то в отношении кого назначается судебно-психиатрическая экспертиза? Аналогичные вопросы возникают и при анализе других, указанных в ст. 49 УПК РФ, оснований.

Анализ опроса дознавателей и следователей, а также прокуроров относительно того, содержит ли ст. 46 УПК РФ исчерпывающий перечень моментов, с наступлением которых возможно появление подозреваемого в уголовном деле, подавляющее большинство ответило утвердительно (81 %).

При этом Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно указывал, что ст. 46 УПК РФ содержит общие положения, касающиеся правового статуса подозреваемого, поскольку предоставление гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод в уголовном судопроизводстве должно быть обусловлено фактическим положением лица как нуждающегося в обеспечении соответствующих прав, а понятие «подо-

зреваемый» должно толковаться в его конституционно-правовом, а не в придаваемом ему уголовно-процессуальным законом более узком смысле. Поэтому в целях реализации конституционных прав необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование¹.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации указал на еще один момент появления подозреваемого в уголовном деле – начало осуществления публичного уголовного преследования. Как определить этот момент? В соответствии с п. 55 ст. 5 УПК РФ уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления. В силу этого, исходя из буквального толкования уголовно-процессуального закона, осуществлять уголовное преследование можно только в отношении подозреваемого (обвиняемого), т. е. сначала появляется подозреваемый, а затем (или одновременно) осуществляется уголовное преследование. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» пояснил, что под началом уголовного преследования понимается принятие в отношении лица одного из процессуальных решений, указанных в ч. 1 ст. 46 или ч. 1 ст. 47 УПК РФ, в соответствии с которыми оно признается подозреваемым либо обвиняемым, или момент, с которого в отношении лица начато производство одного из процессуальных действий в порядке, предусмотренном ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, либо следственных действий, направленных на его изобличение в совершении преступления, предшествующих признанию его подозреваемым или обвиняемым². Немного позднее похожую позицию занял и Конституционный Суд Российской Федерации, указав в одном из своих решений, что предусмотренное ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ регулирование порядка исчисления разумного срока уголовного

¹ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022).

² О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 // Российская газета. 2016. № 72. 6 апр.

судопроизводства с момента начала осуществления уголовного преследования направлено, прежде всего, на обеспечение права на судопроизводство в разумный срок для лиц, привлеченных в качестве подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, а также лиц, в отношении которых начато производство одного из связанных с проверкой сообщения о преступлении процессуальных действий в порядке, предусмотренном ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, либо следственных действий, направленных на их изобличение в содеянном¹.

Анализируя вышеизложенные позиции высших судов, приходится признать следующее:

- *во-первых*, момент появления в уголовном деле подозреваемого не ограничивается ситуациями, перечисленными в ст. 46 УПК РФ, а значит требуется внести соответствующие изменения в данную статью УПК РФ для единообразного понимания и правоприменения;

- *во-вторых*, появление в уголовном деле подозреваемого не ограничивается рамками предварительного расследования, он может появиться и на стадии возбуждения уголовного дела;

- *в-третьих*, необходимо определиться (прежде всего законодательно), производство каких процессуальных (в порядке ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ) или следственных действий в отношении лица ставят его в процессуальное положение подозреваемого;

- *в-четвертых*, какой процессуальный акт (решение) субъекта уголовной юстиции должен (должно) определять процессуальный статус подозреваемого.

Подавляющее число авторов склоняются к необходимости выносить постановление о признании лица подозреваемым², ряд авторов считают, что уведомление о подозрении, выносимое как при дознании, так и на предварительном следствии, либо при про-

¹ По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э. Р. Юровских: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 30 января 2020 г. № 6-П // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022).

² См., напр.: Абесалашвили М. З. Правовой статус подозреваемого как участника уголовного процесса // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. № 2. С. 203–210; Петухов А. Н. Основания наделения лица статусом подозреваемого как участника уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2009. № 1. С. 183–185; Подольный Н. Признание подозреваемым по постановлению следователя // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 42.

изводстве органом дознания неотложных следственных действий¹ может служить тем процессуальным решением, которое сможет определить статус лица как подозреваемого.

Соглашаясь в целом с мнением Ю. В. Кайгородовой² о том, что уведомление в уголовном судопроизводстве представляет собой деятельность участников уголовного судопроизводства по доведению до сведения заинтересованных лиц в соответствующей процессуальной форме их прав, обязанностей, информации о произведенных действиях и принятых решениях, затрагивающих их права и свободы при производстве по уголовному делу, считаем, что с учетом изложенного выше данное определение подлежит уточнению.

Представляется, что, во-первых, акт уведомления в том числе и уведомление о подозрении как процессуальное решение может исходить не от всех участников уголовного судопроизводства, а только от специально уполномоченных законом лиц – субъектов, непосредственно осуществляющих функцию расследования преступления; во-вторых, подозрение, как указывалось ранее, может появиться и при проверке сообщения о преступлении, когда как такового уголовного дела еще не существует. Учитывая множество моментов возможного появления подозреваемого и необходимость незамедлительного ознакомления и разъяснения ему его прав и обязанностей, представляется, что уведомление о подозрении будет в полной мере отвечать требованиям объективности расследования (в широком смысле) и являться составной частью ее гарантий. Причем данное уведомление не всегда может иметь вид самостоятельного процессуального акта (как при производстве дознания), такое уведомление вполне может быть частью протокола любого следственного действия, проводимого с целью изобличения лица, совершившего преступление.

Разрешение этого вопроса должно быть взаимосвязано с вопросами возможной реабилитации подозреваемого, как еще одной гарантией объективности лиц, осуществляющих предварительное расследование, что требует самостоятельного научного исследования.

Ряд проблем, связанных с определением статуса подозреваемого, возникает и с решением вопроса о том, меняется ли статус

¹ См., напр.: Кальницкий В. В. Уведомление о подозрении в совершении преступления: правовая сущность и порядок применения // Вестник Омского университета. Серия Право. 2008. № 1 (14). С. 59–63; Муравьев К. В. Уведомление о подозрении в совершении преступления // Уголовный процесс. 2007. № 11. С. 16–21.

² Кайгородова Ю. Е. Уведомление в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 6.

подозреваемого, если, допустим, мера пресечения, избранная ему до предъявления обвинения, была отменена по истечении установленного законом срока? Некоторые авторы убеждены, что поскольку законодатель обуславливает появление в деле подозреваемого применением к нему таких мер процессуального принуждения, как задержание и мера пресечения, то в случае отмены или истечения срока указанных мер лицо перестает быть подозреваемым, так как отпадают условия пребывания его в этом качестве¹. По мнению М. З. Абесалашвили, уголовное преследование подозреваемого продолжается и после «устранения его из дела на основании истечения срока задержания или меры пресечения»². Прослеживается явное противоречие такой позиции. Представляется, что «устранение» из дела подозреваемого возможно лишь в случае прекращения в отношении него уголовного преследования с вынесением соответствующего постановления.

Анализируя понятие подозреваемого в отечественном законодательстве, нельзя обойти вниманием определение данного понятия в уголовно-процессуальных кодексах зарубежных стран, особенно тех, которые наиболее близки российскому законодательству. Например, в соответствии со ст. 64 УПК Республики Казахстан³ (далее – УПК РК), подозреваемым является лицо:

- 1) в отношении которого вынесено постановление о признании в качестве подозреваемого;
- 2) задержанное в порядке ст. 131 УПК РК;
- 3) в отношении которого вынесено постановление о квалификации деяния подозреваемого;
- 4) допрошенное в связи с наличием подозрения в совершении уголовного проступка.

Несмотря на некоторую схожесть в определении моментов появления подозреваемого в отечественном и казахстанском уголовном процессах, имеются кардинальные, принципиальные различия в определении анализируемого понятия. Дело в том, что в соответствии с УПК РК лицо является подозреваемым на протяжении всего досудебного производства и имеет значительный объем прав, аналогичный, по сути, правам обвиняемого в российском уголовном

¹ См., напр.: Абесалашвили М. З. Правовой статус подозреваемого как участника уголовного процесса // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. № 2. С. 203–210.

² Абесалашвили М. З. Указ. соч. С. 203–210.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. по состоянию на 16 ноября 2020 г.) // Казахстанская правда. 2014. № 133 (27754).

судопроизводстве. В отношении подозреваемого выносится постановление о квалификации его деяния (ст. 204 УПК РК) или переквалификации (ст. 207 УПК РК); в отношении него проводятся все необходимые следственные действия (как гласные, так и негласные) и т. п.

Обвиняемым же в соответствии со ст. 65 УПК РК признается лицо, в отношении которого:

1) прокурором утвержден обвинительный акт, утверждено постановление о применении приказного производства по делу о преступлении небольшой тяжести;

2) утвержден протокол об уголовном проступке и принято решение о направлении уголовного дела в суд по соответствующей статье (статьям) уголовного закона;

3) досудебное расследование окончено заключением процессуального соглашения в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 617 УПК РК;

4) начальником органа дознания утверждено постановление о применении приказного производства по делу об уголовном проступке.

Таким образом, обвиняемый, в отличие от отечественного уголовного процесса, появляется лишь после утверждения субъектами уголовной юстиции итоговых процессуальных решений, завершающих досудебное производство. Практически аналогичным является определение рассматриваемого понятия и процессуальное положение подозреваемого в киргизском уголовном процессе, где подозреваемым является лицо:

1) задержанное по подозрению в совершении преступления и (или) проступка;

2) в отношении которого вынесено уведомление о подозрении в совершении преступления либо проступка (ст. 44 УПК КР¹).

Лицо перестает пребывать в статусе подозреваемого по уголовному делу с момента вынесения следователем постановления о прекращении досудебного производства или утверждения прокурором обвинительного акта, а по делам о проступках – с момента вынесения уполномоченным должностным лицом органа дознания постановления о прекращении досудебного производства или утверждения прокурором обвинительного акта. Обвиняемым же, в соответствии с киргизским уголовно-процессуальным зако-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 20 (ред. от 15.05.2019) // Газета «Эркин-Тоо». 2017. 15 февраля. № 23–28.

ном, по уголовным делам и (или) делам о проступках признается лицо, в отношении которого утвержден обвинительный акт.

Несколько иное, более схожее с российским, определяет понятие и процессуальное положение подозреваемого уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь¹ (далее – УПК РБ) и уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдовы² (далее – УПК РМ).

Так, в соответствии со ст. 40 УПК РБ подозреваемым является физическое лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, либо лицо, в отношении которого органом уголовного преследования возбуждено уголовное дело или вынесено постановление:

1) о применении меры пресечения до вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого;

2) признании подозреваемым.

Лицо перестает пребывать в положении подозреваемого с момента вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого либо о прекращении уголовного преследования.

Статья 63 УПК РМ определяет, что подозреваемым является физическое лицо, в отношении которого имеются доказательства в совершении им преступления, до предъявления ему обвинения. Лицо может быть признано подозреваемым одним из следующих процессуальных актов:

1) протоколом о задержании;

2) постановлением или определением о применении меры пресечения, не связанной с лишением свободы;

3) постановлением о признании лица в качестве подозреваемого.

Лицо перестает пребывать в качестве подозреваемого с момента освобождения его из-под стражи, отмены примененной к нему меры пресечения или, в зависимости от обстоятельств, отмены постановления о признании его в качестве подозреваемого и отдачи распоряжения о выведении его из-под уголовного преследования либо с момента вынесения органом уголовного преследования постановления о привлечении его в качестве обвиняемого.

Дополнительно молдавский закон уточняет, что лицо, в отношении которого имеются доказательства в совершении преступле-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (с изм. и допол. по состоянию на 17 июля 2020 г.) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 77–78, 2/71.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV (с изм. и допол. по состоянию на 11 сентября 2020 г.). URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?id=326970&lang=2> (дата обращения: 23.04.2022).

ния, не может быть допрошено в качестве свидетеля, что, на наш взгляд, лишь повышает гарантии объективности предварительного расследования.

Сравнительно-правовой анализ понятия и процессуального положения подозреваемого в УПК Республики Казахстан, Киргизской Республики, Республики Беларусь и Республики Молдовы в соотношении с аналогичным понятием, данным в отечественном уголовном процессе, позволил прийти к выводу о том, что несмотря на определенные различия в регламентации досудебного производства (наличие или отсутствие стадии возбуждения уголовного дела; наличие или отсутствие негласных следственных действий и т. п.), российский уголовно-процессуальный закон менее конкретно определяет момент появления подозреваемого, а следовательно, и возможность реализации последним своих прав, что может повлечь и необъективность расследования преступлений.

С учетом вышеизложенного представляется, что одной из гарантий объективности предварительного расследования (в широком смысле этого понятия) будет наделение лица процессуальным статусом подозреваемого сразу же с момента появления фактических оснований для его подозрения, в том числе с момента осуществления проверки сообщения о преступлении, вплоть до вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого (либо составления обвинительного акта, обвинительного постановления), либо постановления о прекращении в отношении него уголовного преследования (уголовного дела). Процессуальным решением, определяющим положение лица в качестве подозреваемого, должно стать уведомление о подозрении (как в виде самостоятельного документа, так и в виде части иного процессуального решения или действия – протокола задержания; постановления о применении меры пресечения, протокола следственного действия и т. п.), в котором лицу разъяснялась бы суть подозрения в совершении преступления, а вместе с тем права и обязанности подозреваемого. Гарантия лица быть своевременно уведомленным о наличии в отношении него подозрения безусловно будет способствовать объективности предварительного расследования.

Бесспорно, что еще одной гарантией объективности предварительного расследования служит определенный законом перечень прав подозреваемого, разъяснение которых, а главное – обеспечение возможности их полноценной реализации уголовно-процессуальный закон возлагает на субъектов, осуществляющих предварительное расследование преступлений. Анализ опубликованной судебной практики красноречиво говорит о том, что объем прав подозревае-

мого с каждым днем увеличивается и приближается к объему прав обвиняемого.

Представляется, что правом участника уголовного процесса является ознакомление с соответствующим процессуальным решением следователя, а гарантией реализации этого права служит обязанность следователя предоставить указанный документ для ознакомления. Уведомление же, наряду с телефонограммой, смс-сообщением и другими средствами, является предусмотренным законом способом доведения до сведения участника уголовного процесса информации о том, что то или иное процессуальное решение принято, и участник процесса может с этим документом ознакомиться. Помимо точного и однозначного законодательного определения понятия, оснований, условий и моментов возможного появления подозреваемого, в процессе расследования преступления важное значение с точки зрения обеспечения объективности его производства имеет комплекс прав подозреваемого, обеспечение возможности реализации которого уголовно-процессуальный закон возлагает на органы уголовной юстиции.

Ученые, исследовавшие проблемы стадии возбуждения уголовного дела, отмечают декларативный характер гарантий для лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении¹, поскольку должным образом не определен статус участников уголовного процесса, в результате чего возникают определенные сложности с обеспечением их прав², а невысокий уровень законодательной техники влечет произвольное, направленное на упрощение своей деятельности, толкование некоторых законодательных формулировок субъектами уголовной юстиции, что может свидетельствовать об их необъективности.

Анализируя права подозреваемого в совокупности с аналогичными правами иных участников уголовного процесса, следует прийти также к выводу о том, что недостаточность законодательной

¹ Румянцева М. О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы : монография. М., 2019. 148 с.; Григорьев В. Н. Обретение лицом уголовно-процессуального статуса подозреваемого: в чем проблемы? // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 41–46; Гаврилов Б. Я. О мерах по законодательному совершенствованию досудебного производства // Российский следователь. 2011. № 16. С. 10–13. Гаврилов Б. Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Российский следователь. 2010. № 15. С. 17–20. Гаврилов Б. Я., Малышева О. А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы: монография. М., 2018. 307 с.

² Александров А. С., Грачев С. А. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 101–108.

регламентации указанных прав подозреваемого может привести к их нарушению.

В качестве еще одного примера можно привести право подозреваемого знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания (п. 8 ч. 4 ст. 46 УПК РФ). Буквальное толкование данного права позволило следователю отказать подозреваемому А. Н. Танюхину в удовлетворении ходатайства о выдаче ему копии экспертного заключения¹. Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая жалобу указанного подозреваемого, уточнил, что федеральный законодатель не может вводить такие правила, которые противоречили бы принципам уголовного судопроизводства и создавали неустранимые препятствия в реализации участниками уголовного судопроизводства своих прав (в том числе права на обжалование действий и решений органов предварительного расследования и суда), приводя тем самым к фактическому их упразднению; к таким последствиям могло бы приводить, в частности, лишение обвиняемого права снимать за свой счет копии с предъявляемых ему для ознакомления материалов уголовного дела, связанных с выдвинутым против него обвинением и могущих свидетельствовать о незаконности или необоснованности действий и решений дознавателя, органа дознания, следователя и прокурора. При этом Конституционный Суд Российской Федерации определил, что данная правовая позиция в полной мере применима и к другому участнику уголовного судопроизводства – подозреваемому².

Одной из общих гарантий прав участников уголовного процесса, обеспечивающих объективность предварительного расследования, является точное, полное, логичное и непротиворечивое нормативное

¹Свое решение следователь мотивировал тем, что закон не предусматривает выдачу до окончания расследования уголовного дела копий его материалов и что на основании ч. 2 ст. 217 УПК РФ правом снимать копии с содержащихся в деле документов наделены только обвиняемый и его защитник при ознакомлении с материалами дела по окончании предварительного расследования. Действительно, буквальное толкование законодательных положений (п. 12 ст. 42, п. 12 ст. 44, п. 12, 13 ст. 47 УПК РФ и др.) позволяет прийти к выводу, что правом снимать копии с материалов уголовного дела, обладают участники уголовного процесса лишь по окончании предварительного расследования, а гарантией обеспечения этого права является обязанность следователя предоставить указанные материалы уголовного дела.

²Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Танюхина Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 46, частью четвертой статьи 47, частью первой статьи 198 и частью второй статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 19 апреля 2007 г. № 343-О-П. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 23.04.2022).

определение правового положения всех участников уголовного процесса. Анализируя правовое положение иных, помимо подозреваемого, участников уголовного процесса, следует прийти к неутешительному выводу, что правовой статус практически любого участника процесса страдает законодательными дефектами, а надлежащей реализации тех или иных прав участника процесса мешает неопределенность их регламентации, позволяющая их обеспечивать в зависимости от усмотрения субъектов уголовной юстиции.

Следует отметить, что понятие и правовое положение потерпевшего традиционно сложились исторически и практически не подвергались каким-либо принципиальным изменениям, но их правоприменение вызывает определенные проблемы, хоть и в меньшей степени, чем правовое положение подозреваемого.

В соответствии со ст. 42 УПК РФ потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу или деловой репутации. Отметим, что уголовно-процессуальный закон не содержит определение понятия как самого вреда, так и его видов: физического, имущественного или морального, что вызывает определенные проблемы правоприменения. Так, легальное определение морального вреда дается в Гражданском кодексе Российской Федерации (ст. 151), под которым понимаются физические или нравственные страдания, причиненные гражданину действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом.

Более развернутое определение морального вреда дал Пленум Верховного Суда Российской Федерации, указав, что под ним понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности), либо нарушающими имущественные права гражданина¹. При этом Верховный Суд Россий-

¹ Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 20 декабря 1994 г.

ской Федерации уточнил, что моральный вред может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.¹

Несмотря на достаточно подробные разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, возник ряд вопросов о возможности и порядке компенсации морального вреда по уголовным делам о преступлениях против собственности. До недавнего времени суды не признавали за потерпевшим право на компенсацию морального вреда по указанным преступлениям, но анализ судебной практики позволил прийти к выводу о том, что это возможно. Так, по одному из уголовных дел, возбужденных по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 330 УК РФ, было установлено, что в сдаваемой в наем квартире, вопреки установленному законом порядку, владелец жилья самовольно завладела ноутбуком, принадлежащим нанимателю, причинив последней существенный вред в размере 25 000 руб. Впоследствии уголовное дело было прекращено за примирением сторон, ноутбук был возвращен законному владельцу, который обратился в суд с иском о компенсации морального вреда, утверждая, что в период завладения ноутбуком ответчик имела доступ в полном объеме к конфиденциальной личной информации истца, получила доступ к личным фотографиям и видеозаписям, различным документам, что привело к моральным страданиям. Верховный Суд Российской Федерации отменил апелляционное определение и направил дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав, что владелец переносного персонального компьютера вправе защищать личные неимущественные права, нарушенные вследствие неправомерного доступа к размещенной на нем информации, путем требования компенсации морального вреда².

№ 10 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022).

¹ Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022).

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. № 2. 2020 (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22.07.2020) // СПС

Представляется, что если бы в уголовно-процессуальном законе давалось определение понятия «моральный вред», раскрывались бы основания возникновения у потерпевшего права на его компенсацию, а следователь (дознатель) устанавливал обстоятельства, доказывающие причинение морального вреда, то, с одной стороны, это бы свидетельствовало о полном, всестороннем и объективном расследовании, с другой стороны, значительно сэкономило силы потерпевшего и средства государства на бесконечные судебные заседания в судебных инстанциях.

Что касается законодательного определения понятия физического и имущественного вреда, то оно отсутствует, и это также следует признать недостатком законодательной техники. В теории права под физическим вредом понимают вред жизни или здоровью лица, под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психогенных факторов внешней среды¹. Имущественный вред (материальный ущерб, имущественный ущерб) – это любое умаление имущественного блага, хотя в юридической литературе нет единообразия в понимании и определении данного вида вреда. На наш взгляд, в уголовном судопроизводстве под имущественным вредом следует понимать реальный ущерб – расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (ст. 12 ГК РФ), хотя в рамках гражданского иска потерпевший вправе взыскать и упущенную выгоду, а все в совокупности ГК РФ определяет это как убытки, возмещение которых, как и компенсацию морального вреда, данный закон относит к способам защиты гражданских прав.

Для признания лица потерпевшим следователь (дознатель) обязан установить основание (наличие одного вреда или их совокупности), а также непосредственную связь вреда с преступлением. На необходимость этого неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, разъясняя, что по смыслу ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим признается физическое лицо, которому причинен физический, имущественный, моральный вред *непосредственно (выделено авт.)* тем общественно опасным деянием,

КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022).

¹ Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: постановление Правительства Рос. Федерации от 17 августа 2007 г. № 522 (ред. от 17.11.2011) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 35. Ст. 4308.

по признакам которого было возбуждено уголовное дело¹, а отказ в признании лица потерпевшим от преступления и в обеспечении его прав возможен лишь при отсутствии соответствующих оснований, т. е. в случае, если права и законные интересы этого лица *непосредственно (выделено авт.)* не были затронуты деянием, в связи с которым ведется предварительное расследование или судебное разбирательство².

Понятно, что достоверно установить, причинен или нет лицу вред (и какой именно) преступлением, возможно по уже возбужденному уголовному делу в ходе предварительного расследования, хотя закон требует незамедлительного принятия решения о признании потерпевшим с момента возбуждения уголовного дела. При этом остается непонятным правовой статус лица, потерпевшего от преступления в ходе проверки сообщения о преступлении. Следует отметить, что, например, в уголовном процессе Республики Молдовы статус пострадавшего и потерпевшего разделены. В соответствии со ст. 58 УПК РМ пострадавшим *считается (выделено авт.)* любое физическое или юридическое лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или материальный ущерб, а потерпевшим *признается (выделено авт.)* физическое или юридическое лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или материальный ущерб, признанное в этом качестве в установленном законом порядке с согласия пострадавшего (ст. 59 УПК РМ). Причем молдавский законодатель не только разделил этих участников процесса, но и достаточно подробно определил их права, обязанности и ответственность, что нельзя не отметить как положительный факт.

Представляется, что объективности предварительного расследования (в широком понимании) будет способствовать признание лица потерпевшим как в ходе проверки сообщения о преступлении, так и после возбуждения уголовного дела при наличии оснований полагать, что ему преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред преступлением. Данное определение,

¹ См., напр.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Русаева Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав положением части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 21 октября 2008 г. № 672-О-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022).

² По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 18 января 2005 г. № 131-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022).

содержащее предположительный вывод о причинении вреда лицу, будет способствовать более раннему признанию его потерпевшим, позволит ему в большей степени реализовывать свои права и свидетельствовать об объективности предварительного расследования. Данное предложение соответствует позиции как Конституционного Суда Российской Федерации, так и Верховного Суда Российской Федерации, разъяснившими, что правовой статус лица как потерпевшего устанавливается, исходя из фактического его положения, и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им¹.

С данным предложением согласилось большинство опрошенных субъектов уголовной юстиции (79 %).

Не менее актуально для обеспечения объективности предварительного расследования соблюдение и предоставление субъектами уголовной юстиции возможности надлежащей реализации потерпевшему своих прав.

О нарушениях в этой области свидетельствует значительное количество жалоб потерпевших в Конституционный Суд Российской Федерации.

Так, органы следствия отказали потерпевшему А. И. Андрееву в удовлетворении ходатайств об ознакомлении с постановлениями о создании следственной группы, о привлечении в качестве обвиняемых и о назначении экспертиз, а также ходатайств об ознакомлении с заключениями экспертов и принесенными по делу жалобами и представлениями. Конституционный Суд Российской Федерации отметил обязанность следователя довести до сведения потерпевшего не только сам факт предъявления обвинения конкретному лицу, но и содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого, включая описание фактических обстоятельств инкриминируемого лицу преступления и его юридическую оценку².

¹ По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 18 января 2005 г. № 131-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022); О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022).

² Отсутствие, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, в нормах закона прямого указания на порядок, в соответствии с которым следователь знакомит потерпевшего с предъявленным обвиняемому обвинением, и на обязанность вручить потерпевшему копию постановления не означает, что до окончания предварительного расследования этот участник уголовного судопроизводства не вправе ознакомиться с текстом постановления и снять с него копию: Определение Конституционно-

Опрос следователей и дознавателей по данному вопросу показал, что многие из них (64 %) направляют потерпевшему уведомление о том, когда, кому и по какой статье УК РФ было предъявлено обвинение с разъяснением права знакомиться с данным постановлением.

Необходимо отметить, что последствиями вынесенного Конституционным Судом Российской Федерации указанного выше определения стало внесение изменений и дополнений в уголовно-процессуальный закон, которые уточнили права потерпевшего и обязанности следователя. Так, в настоящее время потерпевший имеет право знать о составе следственной группы, а у следователя появилась обязанность объявить о ее составе потерпевшему. Потерпевший получил право в ходе расследования знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и полученным заключением эксперта (до внесения соответствующих изменений в УПК РФ потерпевший имел указанное право лишь в отношении тех экспертиз, которые проводились в отношении него самого). Проанализированное выше право потерпевшего знать о предъявленном обвиняемому обвинении так и не получило корреспондирующей обязанности следователя его реализовать, что требует соответствующего законодательного разрешения.

На наш взгляд, необходимо отметить еще одну проблему, связанную с обеспечением прав потерпевшего, – право потерпевшего получать копии определенных процессуальных решений, вынесенных по уголовному делу, и обязанности следователя (дознавателя) направлять указанные копии потерпевшему. Пункт 13 ст. 42 УПК РФ предусматривает право потерпевшего получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, о признании его потерпевшим, об отказе в избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, о прекращении уголовного дела, о приостановлении производства по уголовному делу, о направлении уголовного дела по подсудности, о назначении предварительного слушания, судебного заседания, получать копии приговора суда первой инстанции, решений судов апелляционной и кассационной инстанций. Далее, в этой же норме закон предусматривает право потерпевшего по ходатайству получать копии иных процессуальных документов, затрагивающих его интересы.

го Суда Рос. Федерации от 11 июля 2006 г. № 300-0 «По жалобе гражданина Андреева Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 5, 11, 12 и 20 части второй статьи 42, частью второй статьи 163, частью восьмой статьи 172 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Аналогичная ситуация возникает и при обеспечении права потерпевшего получать копию постановления о возбуждении уголовного дела. С одной стороны, это право предусмотрено п. 13 ст. 42 УПК РФ, с другой стороны, ст. 146 УПК РФ, регулирующая порядок возбуждения уголовного дела публичного обвинения, устанавливает, что о принятом решении руководитель следственного органа, следователь, дознаватель незамедлительно уведомляют заявителя. Эта ситуация повлекла за собой жалобу, направленную в Конституционный Суд Российской Федерации, вывод которого заключается в следующем: заявителю не только сообщается о принятом решении о возбуждении уголовного дела, но и разъясняется как его право обжаловать данное решение, так и порядок обжалования, что предполагает право такого лица на ознакомление с соответствующим решением, реализация которого в целях обеспечения конституционных прав на судебную защиту должна быть гарантирована заявителю. Однако следует отметить, что позиция Конституционного Суда Российской Федерации, в которой основное внимание уделено гарантированному праву на ознакомление с решением о возбуждении уголовного дела, не дает возможности прийти к однозначному выводу о необходимости направления не только уведомления, но и копии постановления о возбуждении уголовного дела.

Представляется, что вышеуказанные позиции Конституционного Суда Российской Федерации могут быть подвергнуты критике, поскольку направлены не столько на усиление прав участников уголовного процесса, сколько на увеличение формализованного подхода к расследованию преступлений. Безусловно, уголовный процесс сам по себе представляет формализованный вид общественной деятельности, но излишняя заформализованность действий и решений следователя (дознавателя) приводит лишь к такому же формальному отношению к этой деятельности. Следователю не хватает времени для качественного объективного расследования, ему необходимо вместо этого в определенные сроки изготовить значительное количество копий материалов уголовного дела и вручить их участникам уголовного процесса. На наш взгляд, более отвечающим современным реалиям станет процедура уведомления участника уголовного процесса (любым доступным способом) о принятых процессуальных решениях, а о желании получить их копии должно свидетельствовать заявленное тем или иным участником процесса ходатайство.

На основании вышеизложенного представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Фактором, влияющим на объективность лица, осуществляющего предварительное расследование, является определение момента появления в уголовном деле подозреваемого.

Одной из гарантий объективности предварительного расследования (в широком смысле этого понятия) будет наделение лица процессуальным статусом подозреваемого с самого начала досудебного производства – с момента проверки сообщения о преступлении и до вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, либо постановления о прекращении в отношении него уголовного преследования (уголовного дела). Процессуальным решением, определяющим положение лица в качестве подозреваемого, должно быть уведомление о подозрении (как в виде самостоятельного документа, так и в виде части иного процессуального решения или действия – протокола задержания; постановления о применении меры пресечения, протокола следственного действия и т. п.), в котором разъяснялось бы содержание подозрения в совершении преступления и разъяснялись права и обязанности подозреваемого.

2. Анализ законодательства и правоприменительной практики показывает, что если бы в уголовно-процессуальном законе давалось определение понятия «моральный вред», раскрывались бы основания возникновения у потерпевшего права на его компенсацию, а следователь (дознатель) устанавливал обстоятельства, доказывающие причинение морального вреда, то это свидетельствовало бы о полном, всестороннем и объективном расследовании, при этом значительно сэкономило силы потерпевшего и средства государства на бесконечные судебные заседания в различных судебных инстанциях.

3. Представляется, что объективности предварительного расследования (в широком понимании) будет способствовать признание лица потерпевшим как в ходе проверки сообщения о преступлении, так и после возбуждения уголовного дела при наличии оснований полагать, что ему преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред. Процессуальное решение, содержащее предположительный вывод о причинении вреда лицу, будет способствовать более раннему признанию его потерпевшим, позволит ему в большей степени реализовывать свои права и свидетельствовать об объективности предварительного расследования.

4. Требуется совершенствование процедуры уведомления участника уголовного процесса (любым доступным способом) о принятых процессуальных решениях, при этом о желании получить их копии должно свидетельствовать заявленное тем или иным участником процесса ходатайство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексное исследование деятельности, направленной на предварительное расследование преступлений, а также разработка вопросов определения и совершенствования системы уголовно-процессуальных гарантий объективности расследования позволили прийти к следующим теоретическим выводам, определяющим ряд концептуальных положений относительно сущности гарантий объективности предварительного расследования преступлений и механизма их реализации, и основанным на них предложениям о развитии уголовно-процессуального законодательства:

1. Предварительное расследование преступлений можно определять предельно широко: как социально значимую, урегулированную уголовно-процессуальным законом деятельность участников уголовного судопроизводства (следователя, прокурора, суда, потерпевшего, обвиняемого, защитника, эксперта, специалиста и т. д.) по установлению всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, либо в предельно узком смысле как исключительно деятельность должностных лиц, специально уполномоченных уголовно-процессуальным законом на осуществление уголовного преследования – процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

2. В условиях правового государства деятельность «предварительное расследование», воплощая в себе специфическую общественную потребность, не может существовать и надлежащим образом осуществляться вне интересов общества, она является одним из условий существования общества, поскольку ее содержание в широком смысле составляет изменение объективной реальности (окружающего мира) путем противодействия преступности в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона, в установленных уголовно-процессуальным законом формах, с применением научно обоснованных, безопасных и эффективных научно-технических средств, приемов и методов собирания, исследования, оценки и использования доказательств, что не может противоречить интересам общества.

К отличительным чертам деятельности «предварительное расследование» относятся следующие: она является одним из видов правоприменительной деятельности; является выражением объективно существующей социальной потребности общества и имеет социальную значимость; может рассматриваться как система последовательно выполняемых действий (процессуальных, непроцессу-

альных, мыслительных) и принимаемых в связи с этими действиями или в зависимости от их результата процессуальных решений для достижения цели деятельности «предварительное расследование».

3. Учитывая тесную связь уголовного процесса с уголовным правом и общую их социальную направленность, представляется, что единой (общей) целью уголовного судопроизводства является решение задач уголовного закона: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Данная цель является единой независимо от типа уголовного процесса – розыскной, состязательный или иной, поскольку в достижении указанной цели заинтересовано любое общество. Это так называемая цель высшего порядка. При этом данное положение никоим образом не препятствует наличию самостоятельных целей как каждой стадии уголовного процесса, каждого следственного действия, так и деятельности сторон или иных участников уголовного судопроизводства, а также не только не препятствует, но и наоборот способствует разнообразию задач, которые необходимо разрешить для достижения поставленных целей.

Цель предварительного расследования – установление события преступления (или его отсутствие) и изобличение лица (лиц) в совершении этого преступления.

4. Отличительными особенностями деятельности «предварительное расследование», представляющей собой сложную динамическую систему, являются целеустремленность; адаптивность в сочетании с устойчивостью; упорядоченная целостность всех входящих в систему компонентов, которая выражается в их взаимосвязи, взаимозависимости, взаимообусловленности, что позволяет системе функционировать; сложность (обусловленная разветвленной структурой системы, разнообразием и неоднородностью составляющих ее компонентов); наличие общего критерия, который объединяет все компоненты рассматриваемой системы – цель деятельности «предварительное расследование» – установление события преступления (или его отсутствие) и изобличение лица (лиц) в совершении этого преступления; непрерывность функционирования и развития, которая зависит от происходящих в обществе процессов (различного рода изменений политического, социального, экономического характера), приводящих к развитию системы

(функциональной, структурной перестройке всей системы и ее элементов).

5. Уголовно-процессуальные гарантии имеют двойственный характер: с одной стороны, это процессуальные гарантии, обеспечивающие права и обязанности участников уголовного процесса, не являющихся субъектами уголовной юрисдикции, с другой стороны, гарантии процессуальной деятельности дознавателя, следователя и иных субъектов уголовной юстиции, обеспечивающие объективность принятых ими законных и обоснованных решений при расследовании преступлений.

6. Понятие «объективность какой-либо деятельности» следует отнести к числу некорректных, так как сама по себе деятельность не может быть ни субъективной, ни объективной, поскольку это свойство присуще конкретному человеку и является одним из аспектов его отношения к самому себе, кому-либо или чему-либо. Как представляется, вернее говорить не об объективности той или иной деятельности, а об объективности субъектов, ее осуществляющих.

Объективность субъекта, осуществляющего определенный вид деятельности в первую очередь обеспечивается сознательным и целенаправленным выполнением им мыслительных действий. Именно мыслительные действия обеспечивают, во-первых, формирование осознанного максимально нейтрального отношения субъекта к воспринятой им информации о конкретном объекте (предмете, событии, явлении); во-вторых, оценку этим субъектом качества и значения воспринятой им информации; в-третьих, формирование этим субъектом собственного мнения (суждения) о качестве и значении воспринятой им информации о конкретном объекте (предмете, событии, явлении).

7. Гарантии объективности предварительного расследования являются структурным элементом системы процессуальных гарантий и их можно классифицировать (по отношению к субъектам уголовного судопроизводства) на две группы:

- гарантии прав субъектов уголовной юстиции, осуществляющих предварительное расследование преступлений (дознаватель, следователь и др.);
- гарантии прав участников уголовного процесса, не являющихся субъектами уголовной юстиции (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и др.).

Также можно выделить то общее, что характеризует связь этих групп гарантий объективности расследования и является ее непременным условием:

- точное, логичное и непротиворечивое нормативное определение правового статуса и компетенции всех участников уголовного процесса;
- логичность и непротиворечивость норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих предварительное расследование;
- неукоснительное выполнение требований закона всеми участниками уголовного процесса;
- наличие судебного контроля за обеспечением прав и законных интересов участников процесса, прокурорского надзора за соблюдением законов при осуществлении предварительного расследования и процессуального контроля со стороны руководителя следственного органа и органа дознания.

8. Уголовно-процессуальная ответственность имеет целью обеспечение надлежащего исполнения норм уголовно-процессуального закона, в силу чего она может выступать в качестве гарантии объективности расследования. Однако такая гарантия должна обеспечиваться соответствующими нормами уголовно-процессуального закона и быть реально действующей.

9. К непроцессуальным гарантиям объективности следователя (дознавателя) относятся:

1) гарантии организационного характера, обеспечивающие оптимальные условия для достижения целей, решения задач следственных действий, а также объективности уполномоченных лиц, которые проводят эти следственные действия: своевременное и тщательное планирование следственных действий; создание благоприятных условий труда; организация подготовки к производству следственных действий;

2) гарантии, обеспечивающие профессиональные стандарты следователя (дознавателя);

3) гарантии, обеспечивающие создание условий для качественной и своевременной профессиональной подготовки и переподготовки следователей (дознавателей);

4) гарантии безопасности следователя (дознавателя);

5) гарантии социальной защищенности следователей (дознавателей).

10. Отсутствие законодательного закрепления принципа независимости и процессуальной самостоятельности следователя (дознавателя), составляющих основу объективности предварительного расследования, автоматически порождает отсутствие как гарантий его реализации, так и санкций за его несоблюдение, что влечет за собой невозможность его практического применения. Частичное (ориентированное на одно ведомство) закрепление как принципа независимости, так и гарантий его реализации (как

это существует в настоящее время применительно к следователям Следственного комитета Российской Федерации) создает неблагоприятное впечатление о существовании некой большей и меньшей независимости следователей разных ведомств (не говоря уже о дознавателях) и о производстве предварительного расследования следователями (дознавателями) «первого и второго сорта». Такое положение противоречит основополагающим идеям правоохранительной деятельности и должно быть исправлено.

11. Следственные действия (наряду с процессуальными решениями) являются важнейшим структурным элементом системы «предварительное расследование», и объективность уполномоченного должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, не только необходима, но и обязательна при проведении им следственных действий.

Необъективность субъектов уголовной юстиции при производстве следственных действий предопределяется совершением ими различного рода ошибок, к числу которых относятся ошибки непроцессуального характера, допускаемые в ходе производства следственных действий. Оказывая негативное влияние на объективность субъектов уголовной юстиции, осуществляющих предварительное расследование, следственные ошибки непроцессуального характера отличаются латентностью, степень которой зависит от наличия и качества криминалистических знаний как у субъектов уголовной юстиции, осуществляющих предварительное расследование, так и прокуроров, от систематичности их пополнения и применения.

12. Фактором, влияющим на объективность лица, осуществляющего предварительное расследование, является определение момента появления в уголовном деле подозреваемого.

Анализируя позиции высших судов, приходится признать следующее:

- во-первых, момент появления в уголовном деле подозреваемого не ограничивается ситуациями, перечисленными в ст. 46 УПК РФ, а значит, требуется внесение соответствующих изменений в данную статью УПК РФ для единообразного понимания и правоприменения;

- во-вторых, появление в уголовном деле подозреваемого не ограничивается рамками предварительного расследования, он может появиться и на стадии возбуждения уголовного дела;

- в-третьих, необходимо определиться (прежде всего, законодателю), производство каких процессуальных (в порядке ч. 1.1

ст. 144 УПК РФ) или следственных действий в отношении лица ставят его в процессуальное положение подозреваемого;

– в-четвертых, какой процессуальный акт (решение) субъекта уголовной юстиции должен (должно) определять процессуальный статус подозреваемого.

13. Сравнительно-правовой анализ понятия и процессуального положения подозреваемого в УПК Республики Казахстан, Киргизской Республики, Республики Беларусь и Республики Молдовы в соотношении с аналогичным понятием, данным в отечественном уголовном процессе, позволил прийти к выводу о том, что несмотря на определенные различия в регламентации досудебного производства (наличие или отсутствие стадии возбуждения уголовного дела; наличие или отсутствие негласных следственных действий и т. п.), российский уголовно-процессуальный закон наименее четко определяет момент появления подозреваемого, а следовательно, и возможность реализации последним своих прав, что свидетельствует о возможности необъективного расследования.

Представляется, что одной из гарантий объективности предварительного расследования будет наделение лица процессуальным статусом подозреваемого с самого начала досудебного производства – с момента проверки сообщения о преступлении и до вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, либо постановления о прекращении в отношении него уголовного преследования (уголовного дела). Процессуальным решением, определяющим положение лица в качестве подозреваемого, должно стать уведомление о подозрении (как в виде самостоятельного документа, так и в виде части иного процессуального решения или действия – протокола задержания; протокола следственного действия и т. п.), в котором разъяснялось бы содержание подозрения в совершении преступления и права и обязанности подозреваемого.

14. Анализ нормативных актов и правоприменительной практики позволил заключить, что если бы в уголовно-процессуальном законе содержалось определение понятия «моральный вред», раскрывались бы основания возникновения у потерпевшего права на его компенсацию, а для следователя (дознателя) закон определял обязанность устанавливать обстоятельства, доказывающие причинение морального вреда, то это свидетельствовало бы о полном, всестороннем и объективном расследовании, с другой стороны, значительно сэкономило силы потерпевшего и средства государства на бесконечные судебные заседания в различных судебных инстанциях.

15. Объективности предварительного расследования будет способствовать признание лица потерпевшим как в ходе проверки сообщения о преступлении, так и после возбуждения уголовного дела при наличии оснований полагать, что ему преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред. Процессуальное решение, содержащее предположительный вывод о причинении вреда лицу, будет способствовать более раннему признанию его потерпевшим, позволит ему в большей степени реализовывать свои права и в конечном счете будет свидетельствовать об объективности предварительного расследования.

Список литературы

Нормативные правовые акты

Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 14.11.2022).

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : в ред. от 25 марта 2022 г. // Официальный интернет-портал правовой портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.05.2022).

О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части урегулирования пределов срока содержания под стражей на досудебной стадии уголовного судопроизводства : Федер. закон от 19 февраля 2018 г. № 27-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 9. – Ст. 1284.

Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : постановление Правительства Рос. Федерации от 17 августа 2007 года № 522 : в ред. от 17 ноября 2011 г. // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 35. – Ст. 4308.

Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации : приказ Следственного комитета Рос. Федерации от 15 января 2011 г. № 2.

Об организации работы следователей – криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации : приказ Следственного комитета Рос. Федерации от 8 августа 2013 г. № 53.

Об органах предварительного следствия в системе МВД России : приказ МВД России от 9 января 2018 г. № 1.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V : с изм. и допол. по состоянию на 16 ноября 2020 г. // Казахстанская правда. – 2014. – № 133 (27754).

Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 20 : в ред. от 15 мая 2019 г. // Газета «Эркин-Тоо». – 2017. – 15 февраля. – № 23–28.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З : с изм. и допол. по состоянию на 17 июля 2020 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2000. – № 77–78, 2/71.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV : с изм. и допол. по состоя-

нию на 11 сентября 2020 г.). URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?id=326970&lang=2> (дата обращения: 23.04.2022).

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» (законопроект № 440058). URL: https://sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov/item/1136 (дата обращения: 23.03.2022).

По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022).

По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 18 января 2005 г. № 131-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022).

По жалобе гражданина Андреева Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 5, 11, 12 и 20 части второй статьи 42, частью второй статьи 163, частью восьмой статьи 172 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 11 июля 2006 г. № 300-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022).

Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Танюхина Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 46, частью четвертой статьи 47, частью первой статьи 198 и частью второй статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 19 апреля 2007 г. № 343-О-П // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022).

Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Русяева Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав положением части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 21 октября 2008 г. № 672-О-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022).

Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Казахстан В. П. Бездольного на нарушение его конституционных прав п. 21 ст. 397, п. 3 ст. 471 и главой 55 УПК РФ : Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 21 мая 2015 г. № 1109-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022).

Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Степанова Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 39 УПК РФ : Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 октября 2015 г. № 2445 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022).

Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сугрובה Дениса Александровича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 154 УПК РФ : Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 14 января 2016 г. № 96-0 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022).

По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э. Р. Юровских : Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 30 января 2020 г. № 6-П // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022).

Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда : Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022).

О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 23.04.2022).

О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 // Российская газета. 2016. 6 апреля.

Монографии и другие научные издания

Абдулаев М. И. Права человека (историко-сравнительный анализ). – СПб., 1998. – 284 с.

Аверьянов А. Н. Системное познание мира. – М., 1985. – 263 с.

Алексеева В. В., Беянинова Ю. В. и др. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ. М., 2004. – 395 с.

Антонов И. А. Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователей. – СПб., 2003. – 236 с.

Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова. – М., 2016. – 384 с.

Багаутдинов Ф. Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. – М., 2004. – 543 с.

Белкин А. Р. Теория доказывания. – М., 1999. – 429 с.

Божьев В. П. Избранные труды. – М., 2010. – 715 с.

Волоколуп О. В., Чупилкин Ю. Б. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства Российской Федерации. – 2-е изд., испр. и доп. – Краснодар, 2005. – 160 с.

Возгрин И. А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. – СПб., 2003. – 475 с.

Володина Л. М. Уголовный процесс. Часть общая. – Красноярск, 2004. – 231 с.

Гаврилов Б. Я., Ильюхов А. А., Новиков А. М. Османова Н. В. Досудебное производство в уголовном процессе. – М., 2018. – 224 с.

Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты : монография. – М., 2008. – 208 с.

Гаврилов Б. Я., Малышева О. А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы : монография. – М., 2018. – 307 с.

Гаврилов А. К. Раскрытие преступлений (правовые и организационные вопросы). – Волгоград, 1976. – 207 с.

Громов Н. А. Уголовный процесс России. – М., 1999. – 552 с.

Давыдов П. М. Гарантии прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. – Свердловск, 1975. – 169 с.

Государственное право Российской Федерации / под ред. О. Е. Кутафина. – М., 1993. – Т. 1. – 220 с.

Ефимичев П. С., Ефимичев С. П. Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности : монография. – М., 2009. – 504 с.

Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе : монография. – М., 1965. – 367 с.

Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное доказывание. – Ижевск, 2003. – 227 с.

Корепанова Т. Л. Защита прав и свобод личности – основная задача уголовного судопроизводства. – Домодедово, 2001. – 27 с.

Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. – Саратов, – 1978. – 136 с.

Костенко Р. В. Теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты понятия уголовно-процессуальных доказательств. – Краснодар, 2005. – 300 с.

Костенко Р. В. Оценка уголовно-процессуальных доказательств. – М., 2012. – 152 с.

Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. – М., 1989. – 640 с.

Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе / Э. Ф. Куцова. – М., 1972. – 114 с.

Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. – М., 1986. – 160 с.

Лопатин С. А. Преюдиция в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: реализация или преодоление : монография / под ред. Л. Н. Масленниковой. – М., 2019. – 207 с.

Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П. А. Лупинской. – М., 2005. – 696 с.

Мартынчик Е. Г. Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции. – Кишинев, 1975. – 218 с.

Михайлов В. А. Курс уголовного судопроизводства: в 3 т. Т. 2: Досудебное и судебное производство. М.; Воронеж, 2006. – 821 с.

Петровский А. В. Психология. – М., 2000. – 512 с.

Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. – М., 1956. – 242 с.

Понятовская Т. Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права : монография. – Ижевск, 1996. – 231 с.

Попова О. А. Уголовно-процессуальные и организационно-тактические ошибки: предупреждение, выявление и исправление следователем : учебное пособие. Волгоград, 2012. – 88 с.

Прокофьева С. М. Концепция гуманизации уголовного судопроизводства : монография. – СПб, 2002. – 448 с.

Россинский С. Б. Уголовный процесс России. – 2-е изд., исправл. и доп. – М., 2008. – 576 с.

Рохлин В. И. Избранное : статьи. – СПб., 2001. – 67 с.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб. Питер, 2001. – 720 с.

Румянцева М. О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы : монография. М., – 2019. – 148 с.

Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 5-е издание, перераб. и доп. / под общ. ред. А. В. Смирнова. – М., 2009. – 992 с.

Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) /

под общ. ред. А. В. Смирнова. 2012 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 03.03.2022).

Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора. – М., 1975. – 383 с.

Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики) : монография. – Екатеринбург, 2006. – 298 с.

Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. – М., 1939. – 151 с.

Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. – М., 1955. – 384 с.

Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1968. – 470 с.

Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М., 2009. – 376 с.

Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасовой. – М., 2012. – 476 с.

Уголовный процесс / А.И. Бастрыкин [и др.]; под ред. А. А. Усачева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2020. – 468 с.

Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. – М., 1962. – 503 с.

Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений – М., 2000. – 230 с.

Шейфер С. А. Следственные действия: система и процессуальная форма. – М., 2001. – 208 с.

Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. – Л., 1963. – 172 с.

Периодические издания

Абесалашвили М. З. Правовой статус подозреваемого как участника уголовного процесса // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2008. – № 2. – С. 203–210.

Александров А. С., Круглов И. В., Кухта А. А. К вопросу о некоторых полномочиях руководителя следственного органа // Российский следователь. – 2007. – № 19. – С. 30–32.

Александров А. С., Грачев С. А. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 1 (31). – С. 101–108.

Александров А. С. Проблемы теории уголовно-процессуально-го доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 2. – С. 130–139.

Алексеев И. М. К вопросу о сущности и ведомственном понимании некоторых полномочий руководителя следственного органа // Общество и право. – 2017. – № 3 (61). – С. 106–110.

Алексеев И. М., Данильян А. С. Достижение истины как цель доказывания в уголовном судопроизводстве России // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 4 (42). – С. 39–42.

Антонов И. А. Работа следователя: противоречия процессуального положения, решаемых задач и ответственности // Российский следователь. – 2019. – № 7. – С. 15–19.

Антонов И. А. Процессуальная самостоятельность следователя сквозь призму правоприменительной практики // Общество и право. – 2019. – № 2 (68). – С. 57–61.

Анпилогова Т. С. Процесс доказывания в стадии предварительного расследования // Российский следователь. – 2019. – № 4. – С. 3–5.

Артамонов А. Н. Полномочия прокурора при надзоре за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия // Законодательство и практика. – 2016. – № 1. – С. 73–80.

Асадов А. И. Заметки о философском статусе понятия «мышление» // Вопросы философии. – 2011. – № 6. – С. 169–172.

Астафьев Ю. В. Специфика содержания истины и процесса ее установления по уголовным делам // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – № 2 (9). – С. 283–291.

Аширова Л. М. Объективная истина как элемент справедливого судебного разбирательства по уголовному делу // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4 (5). – С. 11–19.

Байдук В. В. О гармонии и дисгармонии чувств, интеллекта и воли в саморазвитии личности // Педагогическое образование в России. – 2019. – № 6. – С. 30–45.

Багмет А. М. Анализ процессуальной самостоятельности следователя Следственного комитета Российской Федерации через призму российской истории // Российская юстиция. – 2014. – № 9. – С. 23–25.

Бандурин С. Г., Громов Н. А., Шишкина Е. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве // Право и политика. – 2004. – № 12. – С. 83–89.

Белкин А. Р. Общие условия предварительного расследования: проблемы законодательной регламентации // Уголовное судопроизводство. – 2015. – № 1. – С. 8–13.

Беляев В. П., Беляева Г. С. Принципы и гарантии процессуально-правового режима юридической деятельности // LexRussica. № 10. – Том XCV. – 2014. – С. 1169–1175.

Бессонов А. А. К вопросу о задачах предварительного расследования // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2009. – № 1. – С. 35–38.

Бондарь М. М. Объективность предварительного расследования как предпосылка обеспечения законности и обоснованности процессуальных решений // Вестник Волгоградской Академии МВД России. – 2018. – № 4 (47). – С. 80–86.

Бойков А. Д. Реформа уголовного судопроизводства и проблемы гарантий правосудия // Вопросы укрепления законности в уголовном судопроизводстве в свете правовой реформы : материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. Д. Бойкова, И. П. Марова. – М.; Тюмень, – 1995. – 69 с.

Боруленков Ю. П. Правовые ошибки: постановка проблемы // Российский следователь. – 2014. – № 7. – С. 46–51.

Быков В. М. Следователь-криминалист как новый участник уголовного процесса со стороны обвинения // Российская юстиция. – 2009. – № 7. – С. 43–45.

Витрук Н. В. О юридических средствах обеспечения реализации и охраны прав советских граждан // Правоведение. – 1964. № 4. – С. 29–38.

Венев Д. А. Независимость следователя: реальность или фикция? // Российский следователь. – 2016. – № 9. – С. 10–12.

Власова С. В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. – 2018. – № 1. – С. 9–18.

Волкова Т. И. Законы традиционной логики как основа врачебного мышления // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2016. – № 3. – С. 70–82.

Володина Л. М. Цели и задачи уголовного процесса // Государство и право. – 1994. – № 11. – С. 126–131.

Воскобитова Л. А. Особенности процессуального познания: продолжение дискуссии // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 4. – С. 23–28.

Воскобитова Л. А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4. – С. 56–64.

Гаврилов Б. Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Российский следователь. – 2010. – № 15. – С. 17–20.

Гаврилов Б. Я. О мерах по законодательному совершенствованию досудебного производства // Российский следователь. – 2011. – № 16. – С. 10–13.

Гаврилов Б. Я. О современном состоянии и авторской концепции досудебного производства в XXI веке: взгляд на проблему учебного и правоприменителя // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28. – № 4. – С. 524–534.

Гонтарь С. Н., Отаров А. А. Основания производства следственных действий и проблемы их определения // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 4 (53). – С. 226–227.

Григорьев В. Н. Обретение лицом уголовно-процессуального статуса подозреваемого: в чем проблемы? // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 4. – С. 41–46.

Григорьев В. Н., Дикарев В. Г. Об установлении истины по уголовному делу // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2016. – № 1 (37). – С. 32–36.

Григорьев В. Н., Победкин А. В. О методологии совершенствования доказательственного права // Государство и право. – 2003. – № 10. – С. 55–62.

Григорьев В. Н., Суходолов А. П., Ованесян С. С., Спасенникова М. Г., Тюньков В. В. Цифровые информационные платформы как предмет нормативно-правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 6. – С. 873–883.

Давлетов А., Ретюнских И. Подозрение и подозреваемый в современном уголовном процессе России // Уголовное право. – 2008. – № 6. – С. 40–46.

Данилова Н. А., Николаева Т. Г. Исследовательская деятельность прокурора в уголовном досудебном производстве: вопросы теории и практики // Криминалист. – 2018. – № 4. – С. 23–29.

Данилова Н. А., Николаева Т. Г. Анализ прокурором протокола осмотра места происшествия // Военное право. – 2018. – № 3 (49). – С. 215–221.

Демирчян В. В. Институт подозреваемого в российском уголовном процессе: история и современность // Общество и право. – 2008. – № 1 (19). – С. 192–196.

Деришев Ю. В., Олефиренко Т. Г. Всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела как принцип

современного уголовного судопроизводства // Вестник Омской юридической академии. – № 1. – 2016. – С. 56–60.

Диваев А. Б. Понятие и содержание задач уголовно-процессуальной деятельности // Общество и право. – 2019. – № 2 (68). – С. 68–73.

Добровольская Т. Н., Элькинд П. С. Принципиальное единство уголовно-процессуальной формы – важная гарантия законности правосудия и прав личности // Гарантии прав личности в социалистическом уголовном праве и процессе. – Ярославль, 1977. – С. 3–9.

Добровольская Т. Н. Гарантии прав граждан в уголовном судопроизводстве // Советское государство и право – 1980. – № 2. – 128–135.

Дудоров Т. Д., Ломаченко Е. И. Проблемы дифференциации формы предварительного расследования // Центральный научный вестник. – 2016. – Т. 1. – № 4 (4). – С. 39–42.

Дунаева М. С. Об уголовно-процессуальных гарантиях тайны связи при проведении контроля и записи переговоров // Юридические науки. – 2011. – № 3. – С. 35–36.

Ефимичев С. П., Ефимичев П. С. Задачи предварительного расследования // Журнал российского права. – 2006. – № 9. – С. 81–87.

Жабкин А. С. Цели прокурорского надзора за органами предварительного расследования в системе целей уголовного судопроизводства // Юрист-Правовед. – 2013. – № 4 (59). – С. 121–124.

Жиляев Р. М., Строгович Ю. Н. К вопросу о гарантиях независимости адвоката в уголовном процессе // Адвокатская практика. – 2017. – № 5. – С. 39–44.

Забуга Е. Е. Следователь-криминалист в современном уголовном процессе России (проблемы процессуального статуса) // Вестник Омской юридической академии. – 2014. – № 1 (22). – С. 69–72.

Зажицкий В. И. О процессуальном положении следователя // Государство и право. – 2001. – № 6. – С. 41–51.

Зайцев О. А., Пастухов П. С. Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – № 46. – С. 752–777.

Исаенко В. Н. Оценка прокурором всесторонности, полноты и объективности результатов предварительного расследования // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 1. – С. 172–177.

Кальницкий В. В. Уведомление о подозрении в совершении преступления: правовая сущность и порядок применения // Вестник Омского университета. Серия Право. – 2008. – № 1 (14). – С. 59–63.

Каминская В. И. В чем значение процессуальных гарантий в уголовном процессе // Советское государство и право. – 1950. – № 5. – С. 54–56.

Качалов В. И. О процессуальных гарантиях прав обвиняемого в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. – 2019. – № 9. – С. 86–93.

Качалов В. И., Качалова О.В. О некоторых вопросах влияния суда на досудебное производство по уголовным делам // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 1. – С. 39–41.

Кокорев Л. Д., Лукашевич В. З. Процессуальные гарантии прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве // Вестник Ленингр. ун-та. – 1977. – № 11. Экономика, философия, право. Вып. 2. – С. 109–116.

Комаров И. М. Проблемы совершенствования отечественного уголовно-процессуального законодательства посредством введения института объективной истины // Интеграционные процессы в социальной, правовой и экономической сферах деятельности гражданского общества : материалы Международной научно-практической конференции. – М., 2015. – С. 166–171.

Клецкин М.В. Об объективности познания в квантовой механике // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 430. – С. 58–63.

Корнакова С. В. Об установлении истины в уголовном судопроизводстве России // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4. – С. 142–152.

Корнакова С. В. К вопросу о восстановлении в уголовном процессе института установления объективной истины по уголовному делу // Проблемы современного российского законодательства : материалы I Всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 18 октября 2012 г.): в 2 ч. – М., Иркутск: РПА Минюста России. – 2012. – Ч. 1. – С. 263–267.

Корниенко А.Ф. Сущность процессов мышления и мыслительной деятельности // Научный диалог. – 2013. – С. 49–62.

Лавдаренко Л. И. О целях и некоторых задачах органов предварительного расследования // ГлаголЪ правосудия. – 2016. – № 2 (12). – С. 71–77.

Лапин С. Ю. Прокурор и следователь: революция началась // ЭЖ-Юрист. – 2007. – № 26. – С. 21–25.

Левченко О. В. К вопросу о понятии объективной истины по уголовному делу // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – Вып. 2. Часть II. – Тула, 2012. – № 2-2. – С. 39–42.

Левченко О. В. Внутреннее убеждение как метод оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2013. – № 2. – С. 87–91.

Мазюк Р. В. О роли функции обвинения (уголовного преследования) в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2014. – № 2 (6). – С. 103–112.

Мартынчик Е. Г. Субъективные права обвиняемого и их процессуальные гарантии // Советское государство и право. – 1976. – № 7. – С. 87–93.

Мешков М. В., Гончар В. В. Следователь в уголовном процессе России: понятийно-правовые проблемы // Российский следователь. – 2011. – № 23. – С. 18–20.

Моисеева Т. В. Всесторонность и полнота исследования обстоятельств уголовного дела как условие объективности присяжных заседателей // Журнал российского права. – 2010. – № 12. – С. 87–93.

Мордовец А. С. Гарантии прав личности: понятие и классификации // Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – Саратов. – 1995. – С. 240–241.

Морева Е. Ю. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе // Новый юридический вестник. – 2017. – № 2 (2). – С. 50–53.

Мотовиловкер Я. О. О гарантиях интересов личности и правосудия // Советское государство и право. – 1974. – № 6. – С. 100–107.

Муравьев К. В. Уведомление о подозрении в совершении преступления // Уголовный процесс. – 2007. – № 11. – С. 16–21.

Насонова И. А., Моругина Н. А. Роль руководителя следственного органа при осуществлении функции руководства процессуальной деятельностью следователя при расследовании преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. – 2008. – № 3. – С. 18–20.

Носырев Р. В. Стремление к объективной истине как условие становления правосознания // В поисках социальной истины: материалы I Международной научно-практической конференции (Иркутск, 28 ноября 2019 г.). – Иркутск, 2019. – 278 с.

Образцов А. В. Сущность процессуального руководства предварительным расследованием // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 1. – С. 33–35.

Овчинников Ю. Г. Классификация уголовно-процессуальных гарантий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – № 38 (214). – С. 57–62.

Овчинников Ю. Г. Влияние экономических гарантий на досудебное производство в уголовном процессе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 20 (279). – С. 55–59.

Орлов Ю. К. Установление истины как цель доказывания в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4 (5). – С. 192–199.

Османова Н. В. Особенности соблюдения формы предварительного расследования и норм о подследственности // Российский следователь. – 2019. – № 2. – С. 40–44.

Печников Г. А., Заменков А. И., Кокарева Е. В. Доказательства, объективная (фактическая) и формально-юридическая истины в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 2 (49). – С. 142–149.

Петухов А. Н. Основания наделения лица статусом подозреваемого как участника уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2009. – № 1. – С. 183–185.

Победин А. В. Некоторые вопросы собирания доказательств по новому уголовно-процессуальному законодательству России // Государство и право. – 2003. – № 1. – С. 57–64.

Подольный Н. Признание подозреваемым по постановлению следователя // Российская юстиция. – 2000. – № 3. – С. 42.

Пржиленский В. И. Теоретико-познавательные основы уголовного судопроизводства в контексте возможностей его цифровизации // Журнал российского права. – 2019. – № 7. – С. 17–29.

Предеина М. Ю. Проблема критериев адекватности законов мышления и познания «реальному» бытию идеального // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2013. – Т. 13. – № 1. – С. 170–172.

Попов И. А., Борбат А. В. Процессуальное взаимодействие следователя и руководителя следственного органа с прокурором // Российский следователь. – 2017. – № 3. – С. 21–24.

Решетникова Т. В. Понятие и структура деятельности по расследованию преступлений // Общество и право. – 2012. – № 1 (38). – С. 246–249.

Россинский С. Б. О полномочиях должностных лиц, осуществляющих следственные действия: вопросы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 8. – С. 73–81.

Рогожкина Р. Г. Участие педагога (психолога) как гарантия защиты прав несовершеннолетнего в уголовном процессе // Орен

innovation: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2 ч. – 2017. – С. 135–137.

Романов С. В. Требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как необходимое условие предварительного расследования // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2008. – № 1. – С. 18–37.

Рыжаков А. П. На стадии предварительного расследования осуществляется не только расследование // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика : сборник материалов V Международной научно-практической конференции (г. Симферополь-Алушта, 26–27 апреля 2018 г.) / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ». – 2018. – С. 104–107.

Савченко А. Н. Следователь-криминалист как участник уголовного судопроизводства и его право возбуждать уголовные дела // Российский судья. – 2017. – № 3. – С. 41–44.

Сатдинов Л. В. Объективность при производстве по уголовному делу: законодательное закрепление и нравственное обоснование // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2019. – № 1 (43). – С. 31–33.

Сатдинов Л. В. Требование объективности предварительного расследования: постановка проблемы // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: сборник XVII Международной научно-практической конференции (Барнаул, 8–9 февраля 2019 г.). – Барнаул, 2019. – С. 70–71.

Сатдинов Л. В. Категория «объективность» в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 3. – С. 169–173.

Сатдинов Л. В. Роль объективности в деятельности следователя // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики: сборник Межведомственной научно-практической конференции (Краснодар, 15 марта 2019 г.). – Краснодар, 2019. – С. 233–239.

Сатдинов Л. В. К вопросу о сущности предварительного расследования // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2020. – № 2 (48). – С. 71–74.

Сатдинов Л. В. Назначение уголовного судопроизводства – установление объективной истины // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2020. – № 4 (42). – С. 527–531.

Сатдинов Л. В. Реализация требования объективности на стадии возбуждения уголовного дела // Закон и право. – 2020. – № 7. – С. 130–132.

Смирнов Г. К. Объективная истина как ориентир уголовно-процессуального доказывания // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4 (5). – С. 250–259.

Темираев О. П. Процессуальные полномочия следователя-криминалиста // Российский следователь. – 2012. – № 18. – С. 24–27.

Токаренко Е. С. Основные признаки следственных действий // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2012. – № 4 (18). – С. 51–54.

Толстолужинская Е. М. Об определении целей и задач в расследовании преступления // Закон и право. – 2016. – № 10. – С. 127 – 129.

Уланов В. В., Мисник В. И. К вопросу о правовом статусе несовершеннолетних на стадиях уголовного судопроизводства // Российский следователь. – 2017. – № 23. – С. 34–36.

Францифорова С. Ю. Гарантии обеспечения права личности в уголовном судопроизводстве // Известия Саратовского университета. – Т. 8. – 2008. Сер. Экономика. Управление. Право. – Вып. 1. – С. 68–71.

Хорьков В. Н., Голованов А. А. Административное расследование: тенденции сближения // Современное право. – 2007. – № 9. – С. 52–54.

Цой Б. А., Мелашенко А. А. Объективная истина как цель познания при доказывании в уголовном процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 6–2. – С. 152–155.

Шейфер С. А. Правовая регламентация следственных действий в новом УПК РФ // Государство и право. – 2003. – № 2. – С. 55–60.

Шейфер С. А. Следственное действие: правомерны ли новые трактовки? // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2009. – № 1 (65). – С. 124–129.

Шейфер С. А. Российский следователь – исследователь или преследователь? // Российская юстиция. – 2010. – № 11. – С. 34–36.

Ширеторова Л. П. Уголовно-процессуальные гарантии защиты прав иностранных граждан в Российской Федерации // Вестник Бурятского государственного университета. – 2007. – № 2. – С. 120–122.

Шишкина Е. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве // Право и политика. – 2004. – № 12. – С. 83–89.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Антонов И. А. Уголовно-процессуальная деятельность следователей органов внутренних дел: нравственно-правовые критерии ее оценки : дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000. – 224 с.

Антонов И.А. Нравственно-правовые начала уголовно-процессуальной деятельности (теоретические идеи и правоприменительная практика) : дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2005. – 429 с.

Акимчев А. А. Проблема истины в суде присяжных в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2000. – 188 с.

Аубакирова А. А. Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Челябинск, 2010. – 44 с.

Ахмадуллин А. С. Проблемы обеспечения всесторонности, полноты и объективности предварительного расследования в свете УПК РФ : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 186 с.

Беккер Т. А. Установление истины как основа предотвращения судебных ошибок в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2017. – 23 с.

Блинков А. П. Принципы состязательного и объективно-истинного уголовного процесса в деятельности следователя: сравнительный анализ : дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2018. – 242 с.

Бурданова В. С. Криминалистические проблемы обеспечения всесторонности, полноты и объективности расследования преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1992. – 186 с.

Васильев Л. М. Проблемы истины в современном Российском уголовном процессе: концептуальные положения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2001. – 49 с.

Гарницкий А. А. Общие положения организации и осуществления предварительного расследования в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Киев, 1967. – 22 с.

Голубев Н. В. Организационно-правовые и тактические аспекты совершенствования следственной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – 22 с.

Голубева М. Л. Судебная ошибка: теоретико-прикладной анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2009. – 30 с.

Данилюк А. И. Принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела в стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1974. – 23 с.

Кайгародова Ю. Е. Уведомление в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2005. – 26 с.

Капинус Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2001. – 547 с.

Кирдина Н. А. Процессуальные гарантии объективности производства следственных действий : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011. – 193 с.

Мелихов В. А. Процессуальная ответственность как особая форма государственного принуждения (теоретико-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011. – 26 с.

Михайлов А. И. Проблемы эффективности предварительного следствия : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1979. – 620 с.

Моторин А. С. Производство допроса в контексте современной системы уголовно-процессуальных гарантий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009. – 35 с.

Нисневич К. М. Процессуальные гарантии защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения и ограничения ее прав и свобод в стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2003. – 216 с.

Огородов А. Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 26 с.

Петрова О. В. Объективная истина и гарантии ее установления в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2000. – 220 с.

Пискун О. А. Истина в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2006. – 24 с.

Ревенко Н. И. Обеспечение следователем всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела при осуществлении уголовного преследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2006. – 18 с.

Рубченко С. О. Процессуально-правовой режим юридической деятельности: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2012. – 22 с.

Федорин В. Е. Процессуальные гарантии объективности и беспристрастности профессиональных участников уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2007. – 234 с.

Филиппов М. Н. Прокурорский надзор за всесторонностью, полнотой и объективностью расследования преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1992. – 19 с.

Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2004. – 402 с.

Ягофаров Ф. М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук. – Оренбург, 2003. – 149 с.

Словари и сборники

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. А. Чешко. 5-е изд. стереотип. – М., 1968. – 600 с.

Большой толковый словарь иностранных слов: в 3 т. Т. 2 / под ред. М. А. Надель-Червинской, П. П. Червинского. – Ростов-на-Дону, 1995. – 544 с.

Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.; СПб., 1999. – 1456 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. – М., 2007. – 672 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. – М., 2007. – 576 с.

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. URL: <http://slovo.ru/index.php> (дата обращения: 06.04.2022).

Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. – М., 1975. – 720 с.

Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т. 1. – Ленинград, 1970. – 680 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. – М., 1999. – 736 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1985. – 797 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. – М., 1997. – 874 с.

Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. – М. 2001. – 719 с.

Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – 840 с.

Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. М., 2009. URL: http://enc-dic.com/enc_epist/Vosprijatie-11 (дата обращения: 22.03.2022).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Сатдинов Ленар Вазыхович,
Емельянова Елена Владимировна

**ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОСТИ В ТЕОРИИ
И ПРАКТИКЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Редактор А. А. Уварова
Верстка С. Н. Портновой

Подписано в печать __.09.2023. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$.
Усл. печ. л. 9,1. Уч.-изд. л. 9,2. Тираж 39 экз. Заказ № __

Отделение полиграфической и оперативной печати РИО
Академии управления МВД России
125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ISBN 978-5-907530-93-5

